

Фонд
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«Университет»

Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности

Серия: «Теория и практика политических процессов»

А.М. Колядин

СУБЪЕКТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Монография

Под общей редакцией

Виктора Петровича Сальникова,

доктора юридических наук, профессора,

Заслуженного деятеля науки Российской Федерации,

Почетного работника высшего профессионального образования

Российской Федерации

**ФОНД
УНИВЕРСИТЕТ**

Санкт-Петербург
2015

Fund
for support of science and education in the area of law enforcement
«UNIVERSITY»

Academy of law, economics and life safety

Series: “The theory and practice of political processes”

A.M. Kolyadin

SUBJECTIVITY OF THE POLITICAL CLASS AND ITS SOCIAL SIGNIFICANCE

Monograph

Edited by

Victor Petrovich Sal’nikov,

Doctor of Law, Professor,

Honored Worker of Science of the Russian Federation,

Honorary worker of higher professional education

Russian Federation

St. Petersburg
2015

УДК 323.38.01

ББК 66.011.6

К62

Серия: «Теория и практика политических процессов»

Автор и руководитель проекта – **Сальников Виктор Петрович**,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации

Колядин А.М. Субъектность политического класса и его социальная значимость: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 190 с. (Серия: «Теория и практика политических процессов»).

ISBN 978-5-4465-1311-6

Обосновывается идея о современном обществе, формирующемся не на базе способов производства материальных благ, а исторически определенного типа управления, который порождает не экономические, а политические классы. Существование социальной структуры общества предполагает классовую дифференциацию, а общественный прогресс ведет не к исчезновению классов, а к преодолению их экономического и политического неравенства.

Анализируется структура политического класса, констатируется наличие в России политической элиты как относительно интегрированной социальной группы, функционирующей по определенным законам.

Проводится структуризация политического класса, предлагаются закономерности его строения, функционирования и эволюции, определяется социальная значимость.

Рецензенты:

Т.В. Керимова, доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Р.Ф. Исмагилов, доктор юридических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург)

А.В. Шемелин, доктор политических наук, профессор (г. Чита)

УДК 323.38.01

ББК 66.011.6

ISBN 978-5-4465-1311-6

© Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности, 2015

© Фонд «Университет», 2015

© А.М. Колядин, 2015

© В.П. Сальников, 2015

УДК 323.38.01

ББК 66.011.6

К62

Series: “The theory and practice of political processes»

Author and project manager – **Victor Petrovich Sal’nikov**,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Science of the Russian Federation,
Honorary worker of higher professional education
Russian Federation

Kolyadin A.M. Subjectivity of the political class and its social significance: Monograph / Edited by V.P. Sal’nikov. Academy of law, economics and life safety. – СПб.: Fund «University», 2015. – 190 p. (Series: “The theory and practice of political processes»).

ISBN 978-5-4465-1311-6

Substantiates the idea of a modern society, is formed not on the basis of methods of production of material goods, but a historically specific type of control, which generates no economic and political classes. The existence of a social structure assumes class differentiation and social progress does not lead to the disappearance of classes, and to overcome their economic and political inequality.

Analyzes the structure of the political class, it is stated in the presence of Russia’s political elite as a relatively integrated social group that operates according to certain laws.

Held structuring of the political class, offers regularity of its structure, function and evolution, social significance is determined.

Reviewers:

T.V. Kerimova, Ph.D., Professor (Moscow)

R.F. Ismagilov, Doctor of Law, Professor
(Saint Petersburg)

A.V. Shemelin, Doctor of Political Sciences, Professor (Chita)

УДК 323.38.01

ББК 66.011.6

ISBN 978-5-4465-1311-6

© Academy of law, economics and life safety, 2015

© Fund «University», 2015

© A.M. Kolyadin, 2015

© V.P.Sal’nikov, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Глава 1. Концепт субъектности политического класса

1.1. Гносеологические и онтологические аспекты политической субъектности	8
1.2. Общесоциальная основа субъектности политического класса	35
1.3. Типизация субъектов политического класса: методологический аспект.....	60

Глава 2. Телеологические основания политического класса в современной России

2.1. Справедливость – социально-правовой принцип формирования политического класса и его взаимоотношений с обществом	86
2.2. Идеология как системообразующий фактор политического процесса.....	115
2.3. Мировоззренческие ценности политического класса в условиях современной России	138

Заключение	159
------------------	-----

Список литературы.....	162
------------------------	-----

CONTENTS

Foreword 7

Chapter 1. The concept of subjectivity of the political class

- 1.1. Epistemological and ontological aspects of political subjectivity 8
- 1.2. General social foundation of subjectivity of political class 35
- 1.3. Typing the subjects of the political class:
methodological aspect 60

Chapter 2. Teleological political class base in modern Russia

- 2.1. Justice - social and legal principle the formation
of the political class and its relationship with society 86
- 2.2. Ideology as a system-forming factor of the political process 115
- 2.3. Ideological political class values in modern Russia 138

Conclusion 159

Bibliography 162

ПРЕДИСЛОВИЕ

Анализ изменений, происходящих в российском социуме на основе его социально-классовой организации, позволяет выделить, с одной стороны, всеобщие закономерности, присущие преобразовательным процессам в странах, вставших на путь постиндустриального развития, а с другой – учесть специфические аспекты проводимого в них реформирования. К числу общих закономерностей, определяющих становление постиндустриальной системы общества, относится прежде всего однотипность в основном и главном его социально-классовой политической структурной организации, содержанием которой являются существенные и устойчивые связи и отношения между формирующимися новыми классами, социальными группами и слоями населения. Преобразования современного общества, в том числе и российского, на основе использования высоких технологий являются столь глубокими и внушительными, что требуют не только обобщения отдельных фактов и явлений, происходящих в социальной среде, но и выработки новой концепции классовой структуры в условиях постиндустриального развития.

Важность и актуальность разработки проблем трансформации политической классовой структуры определяется также потребностями российского общества в определении стратегических ориентиров своего дальнейшего развития. В этих вопросах до сих пор нет единого мнения среди социальных философов. Это либо абсолютизация особенностей российской действительности, поиски особой русской идентификации, либо копирование западной модели развития, что одинаково опасно для нашего общества и государства и может нанести ему огромный материальный и особенно моральный ущерб¹.

---

¹ См.: Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.

Глава 1.

КОНЦЕПТ СУБЪЕКТНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА

1.1. Гносеологические и онтологические аспекты политической субъектности

Дифференциация общественно-политической жизни сочетается с процессом интеграции ее наиболее существенных проявлений. Политическая система, обеспечивающая эффективное управление всеми общественными делами, способствует укреплению единства общества.

Политической системе присущи свойства социальной системы, придающие каждому ее элементу новые интегративные качества. Для понимания ее комплексной природы одним из ключевых является понятие политического класса, требующего институционализации в целях практической реализации управленческих функций. Советская “номенклатурная” система организация власти перерастает в более сложную политическую общность, отражающую новый этап развития социально-классовой структуры российского общества.

В общем смысле слова общность – совокупность людей, объединяемая устойчивыми социальными связями и отношениями и обладающая рядом общих признаков, придающих ей неповторимое своеобразие. В отличие от общностей, создаваемых людьми сознательно, политический класс возникает исторически, независимо от воли и сознания людей, в результате потребностей общественного и государственного развития. Все типы общностей отражают характер и уровень общественного развития, особенности форм связей и взаимоотношений в обществе. В рамках такой общности осуществляются все политические процессы, это самостоятельная замкнутая общественно-политическая система.

Каждая общность – это продукт взаимодействия социальных отношений в определенных исторических условиях. Содержание и формы ее изменяются с изменением условий существования. С развитием общественно-политической системы рассматриваемое классовое образование усложняется, становится более структурированной. Как глобальное социальное явление политический класс характеризуется определенными качествами.

К ним можно отнести:

- социально-политическую самовоспроизводимость. Она обеспечивается политико-правовыми механизмами, влияющими на историческую эволюцию крупных социальных систем;
- формирование групповых социальных интересов. Эти интересы определяют групповую солидарность («мы», «наши», «свои»);
- внутреннюю социальную неоднородность: большие социальные группы неизбежно члениятся по разным основаниям на страты (слои), разнообразные субгруппы (общины, семьи, круги, мафии и т.п.) и институты. Монолитность же, нерасчлененность подобных групп, напротив, представляет собой иллюзию, впрочем, нередко поддерживаемую заинтересованными силами и включаемую в арсенал современного социального мифотворчества. Из сказанного следует, что общие интересы членов большой социальной группы могут не совпадать (и весьма существенно) с интересами внутригрупповых субобразований;
- участие в той или иной форме в производстве и потреблении культуры. При этом производимая и используемая культура (материальная и духовная) приобретает – на деле или же только в представлениях членов группы – характер маркера этой группы;
- осознание людьми, принадлежащими к большой социальной группе, ее реальности и своей принадлежности к ней. Оно происходит по мере формирования и стабилизации группы, под влиянием ее взаимодействий с другими группами того же типа. При этом человеческое сознание не только фиксирует факт существования каждой данной большой социальной группы и принадлежности к ней, но и деятельно способствует ее укреплению, выработке групповых ценностей, символов, культурных феноменов, точек зрения, подходов к жизни и иных стереотипов;
- управляемость и самоуправляемость. Большие социальные группы содержат в себе момент самоорганизации, что обеспечивается наличием в них механизмов передачи информации, выработки и реализации целей.

Распространение перечисленных характеристик и тенденций больших социальных групп на политические классы облегчает понимание закономерностей строения, функционирования и эволюции последних. Если любым большим социальным группам свойственно формировать свои групповые интересы, то нет оснований думать, будто политические классы как разновидность больших социальных групп не обладают этим

качеством. Кроме того, если большим социальным группам присуща внутренняя стратификация, то же самое можно сказать и о политических классах. Также, если сознание и самосознание больших социальных групп имеет своим источником действительные объекты, то и сознание и самосознание входящих в политический класс людей формируется не случайным, произвольным, искусственным или навязанным извне путем, а законосообразно, т.е. под воздействием развития политического класса, межгрупповых взаимодействий и отображения этих реальностей в восприятии и мышлении.

Самосознание, являясь важным признаком политического класса, позволяет ему отличать себя от других социальных систем, формировать нормы поведения, другие элементы, которые образуют политическую культуру. Все вышеперечисленные признаки формируются в конкретном социуме, со свойственными только ему социально-экономическими, политико-правовыми и иными особенностями, что индивидуализирует политический класс в конкретных исторических условиях.

Важнейшей характеристикой политического класса, институционализирующей его в системе общественно-политического процесса является политическая субъектность.

Понятие субъектности является многомерным и заслуживает как теоретического анализа (в дополнение к эмпирическому), так и анализа гносеологического, (дополняемого онтологическим²), что представляется возможным на основе углубленного изучения субъектности как принципа познания и проектирования политических коммуникаций.

Чтобы сузить эту масштабную тему, сконцентрируемся на анализе социально-философских предпосылок субъектности в контексте политических коммуникаций, на субъектном анализе политико-коммуникационных процессов, на инструментах и формах наполнения субъектностью российского государства и гражданского общества.

В качестве исходной посылки признаем, что субъектность – это одновременно явление и процесс (процессуальная характеристика социума), а также совокупность свойств и качеств реальных субъектов (производственно-экономических, политических, духовно-культурных, социо-экологических, важность которых справедливо подчеркивается в публикациях³.

² См.: Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53; Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.

³ См.: Григорьев С.И., Гусякова Л.Г., Гусова С.А., Социология. Основы модернизации социального знания: Учебник. – М., 2006.

В понятийной системе современной науки понятие субъектности органично связано с понятием субъекта и с субъектным анализом, с задачами по изучению субъектных отношений и с проектированием субъектных моделей и систем деятельности⁴.

Онтологически рассматривая субъектность, обнаружим множество субъектов, структурированных по разным основаниям: уровню абстрактности-конкретности; уровню масштабности, сферам деятельности и др.

Таким образом, закономерно вычлениются трансцендентальный, эмпирический, виртуальный, а также, исторический, политический, социальный субъекты. В частности, политический субъект с полным основанием трактуется в фундаментальных изданиях как индивидуальный или коллективный агент политической активности, «имеющий в своем распоряжении определенные политические ресурсы, которые заставляют других с ним считаться».

С учетом структурирования субъектов по сферам деятельности появляется возможность выделять коллективные субъекты, распадающиеся в свою очередь на субъекты хозяйствования, власти, общественного сознания, духовного развития⁵.

С экономической точки зрения – это субъекты собственности, а с юридической точки зрения – это субъекты права, что позволяет таким образом вести речь о правосубъектности юридических и физических лиц.

Помимо того субъектами выступают и социально-политические структуры. Юридически обладая правосубъектностью, они не всегда обладают необходимыми ресурсами и активностью, поэтому их субъектность может быть номинальной.

Среди показателей общественно-политической субъектности и государственной – укрепление внешних границ со средой, включая духовный суверенитет общества и общественно-политические условия развития.

Субъектом принято считать и человека. Каждый из нас – это уже субъект по своему рождению, но чаще всего номинальный, чем реальный, поскольку люди различаются степенью независимости, самостоятельности, целеустремленности⁶. Реально выраженная субъектность – это совокуп-

---

⁴ См.: Мы – Народ. Народ главный субъект развития, модернизации, управления Россией: Коллективная монография / Под общей ред. В.Н. Кузнецова. – М., 2011. – 702 с.

⁵ В данном пункте типологии речь может идти о профсоюзах, партиях, религиозных конфессиях и др.

⁶ См.: Артамонова Г.К. Человек и система государственного управления (теоретический и организационно-правовой аспект): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2007; Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность

ность качеств и действий, обусловленных неодинаковым уровнем «волевого и рефлексивного сознания, разной способности к целерациональному поведению и к сознательной реализации возможностей, открываемых индивидуальной свободой»⁷.

Общество при субъектном подходе в рамках политико-социологических исследований правомерно рассматривать совокупностью коллективных и индивидуальных субъектов, что целесообразно иметь ввиду, когда обсуждаются онтологические аспекты анализа субъектности. Что же касается гносеологического анализа, то многогранность реальных ситуаций обуславливает многообразие трактовок субъектов и разнообразные представления насчет их сущности, специфики и назначения. Обозначенные субъекты достаточно специфично трактуются в тех или иных научных теориях, школах и парадигмах (в силу чего понимание сути и оснований дифференциации субъектов достаточно редко можно свести к общему знаменателю).

Тем не менее, общей является уже сама по себе суть «субъекта» (или «субъектуса»), в переводе с латинского означающего «лежащий внизу» или находящийся в основе» как носитель деятельности – сознания – познания⁸.

Не случайно одна из распространенных предельно широких трактовок субъекта (принадлежащая крупнейшему советскому психологу и философу С.Л. Рубинштейну), представляла субъект универсально-философски: как «единство бытия и действия, созерцания и деятельности»⁹, опираясь на тезис Карла Маркса о субъектности как внутренне присущем человеку свойстве, отражающем сущность человека и способность созидательных действий¹⁰.

и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34; Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество и государство: аксиологическая оценка и идеологические основы охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 129-137; Гусериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000; Дзегутанов Б.К., Чукин С.Г. Человек и мир на рубеже тысячелетий: философские проблемы гуманизма. – СПб., 2002; Стремозухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2003; Шафиров В.М. Обеспечение права: человекоцентристский подход: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2005.

⁷ Панарин А.С. Субъект политический // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т Философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. Ред. В.С. Степин, А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин и др. – М., 2010.

⁸ См.: Лекторский В.А. Субъект // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т Философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. Ред. В.С. Степин, А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин и др. – М., 2010.

⁹ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб., 2003.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.

С подобной трактовкой связаны еще два марксистских тезиса, что тонко было подмечено Л.В. Скворцовым еще 30 лет назад¹¹. С одной стороны, отмечающих роль человека как единственного субъекта своей истории. А с другой стороны, что «субъектом всемирной истории выступает рабочий класс». Сегодня этот второй тезис, способен вызывать скепсис, но нам бы казалось, что важно помнить ряд марксистских постулатов, которые трудно отнести к политической конъюнктуре. Тем более, если речь идет о социальном субъекте как классе, который в своих интересах и в своей деятельности противостоит другим классам, субъекте как «конкретно – исторической общности или социальной группе»¹².

Отметим точку зрения И.Г. Корсунцева, воспринимающего субъект не как материальную, а как информационную и виртуальную структуру. Согласно его мнению, параметрами и индикаторами субъектности необходимо рассматривать «легитимность и идентичность»¹³, а не предлагаемые в советской науке «сознательность» и «целенаправленность». К этой, частично пост-модернистской точке зрения примыкает и подход профессора А.С. Панарина, воспринимающего политический субъект как носителя «специфического социального творчества» (с оговоркой, что при рассмотрении политики как реликта прежних эпох, политический субъект оказывается «архаичным персонажем, вытесняемым на обочину в самореализующемся гражданском обществе»¹⁴).

Обобщая взгляды различных исследователей на феномен субъекта, отметим, что его свойствами зачастую признаются самоценность, самодостаточность, а также специфические потребности и рефлексия, характеризующие субъект в позитивном смысле как обладателя сознания и воплощения деятельности, познания¹⁵ (при относительно распространенных негативных представлениях, предписывающих социально-политическому субъекту неоправданную и неограниченную активность,

¹¹ См.: Скворцов Л.В. Субъект истории и социальное самосознание. – М., 1983.

¹² Батенин С.С. Человек в его истории. – Л., 1976.

¹³ Корсунцев И.Г. Субъект в технологическую эпоху. – М., 1999.

¹⁴ Панарин А.С. Субъект политический // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т Философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. Ред. В.С.Степин, А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин и др. – М., 2010.

¹⁵ См.: Большунова Н.Я. Субъектность как социокультурное явление. – Новосибирск, 2005; Галазова С.С., Биганова М.А. Рыночные детерминанты функционирования корпоративной субъектности. – Владикавказ, 2008; Скачков А.С. Субъектность человечества: постановка проблемы морфогенеза. – Омск, 2008; Современная российская молодежь: от стихийной самоорганизации к целенаправленному формированию субъектности: Материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 27-29 марта 2007 г.) / Под ред. Л.Я. Дятченко.– Белгород, 2007.

а также, однозначную связь с административным ресурсом).

Среди отечественных исследователей остается распространенным понимание субъекта как индивидуального, совокупного или «частичного» носителя предметно-практической деятельности, сознания, активности, способного ставить и решать задачи, мотивировать свои решения, изменять действительность¹⁶.

Однако, если в философии проблема источников общественных изменений, механизмов целеположения решается в форме соотношения объективного и субъективного факторов с введением понятия абсолютного духа, то в политико-социальных науках эти вопросы пока еще не решены, свидетельство чему острейшие дискуссии между реалистами и виртуалистами (постмодернистами), между либерал-радикалами и консерваторами.

В центре их внимания – все тот же субъект. (Как «кто-то» или «что-то»). Определенный или определенное. Или же напротив: рыхлый или рыхлое (размытое).

В постмодернизме «он» или «оно» является своеобразным инструментом презентации культурных смыслов, интерпретирующих личность как текст. Тем самым речь идет о своеобразном посреднике между реальностью, воображением и символическим восприятием. Специфика этого своеобразного субъекта скрывается за непонятными масками, скрывающими множество его ипостасей¹⁷.

На так называемых странностях субъекта концентрируется внимание постмодернистов: на «размытой идентичности», блуждающей по телу (без органов) как машине желаний.

В общем и целом, специфика восприятия субъекта в постмодернизме такова:

- во-первых, разрушение субъект-объектной диспозиции и отказ от презумпции субъекта в разнообразных версиях его артикуляции и презентации;
- во-вторых, перенос центра тяжести с понимания субъекта как носителя когнитивной рациональности (в классической философии) к безличному тексту;
- в-третьих, отрицание традиционного (стабильного, однозначно и

¹⁶ См.: Гнидина Ю.А. Субъектность личности как условие развития государства и гражданского общества. – Реутов, 2010; Сыромятников И.В, Ожерельева И.Г., Репин Э.В. Профессионализм, субъектность и самоопределение специалиста: концептуальные подходы к определению и развитию. – М., 2009; Яковенко И.Г. Политическая субъектность масс: культурологический аспект политической жизни в России. – М., 2009.

¹⁷ См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М., 1977.

- линейно детерминированного субъекта дюркгеймовского типа);
- в-четвертых, артикулирование проблематичности субъекта и его перевод в лингвистический контекст;
  - в-пятых, оценка предшествующих этапов развития науки, (включая модернизм) как абсолютизации «идеи личности», а постмодернизма как адекватной ее презентации с помощью расщепления;
  - в-шестых, сведение субъектной тематики к уровню индивида и к дальнейшей деперсонализации субъекта.

Таким образом, субъективность разрушается философски, рассеиваясь внутри лингвистических конструкций, субъект растворяется в дискурсивных практиках, а феномен «Я» обретает процессуальность и событийность, что позволяет «самотождественность и индивидуальность» воспринимать как случайность.

Окончательным финалом субъектности выступает упомянутая уже «смерть сверхчеловека» и «смерть бога», воплощающие символическую гибель субъекта.

С помощью разных аргументов постмодернистами предпринимаются попытки доказать, что деперсонализации и кризису идентичности, характерному для постиндустриального общества, больше соответствует понятие «актера», как децентрированного субъекта, играющего смысловыми обломками прежней культуры», воплощающего «усеченную персональность», «бегство от свободы», перекладывание бремени выбора на власть и элиту.

Скажем, Поль Бурдьё, вводя агента в противоположность субъекту и индивиду, вроде как стремится отмежеваться от структуралистского и феноменологического подходов к изучению социума и политики. Он подчеркивает, что понятие субъект используется в широко распространенных представлениях о моделях и структурах, правилах, когда исследователь отражает объективистскую точку зрения, воспринимая субъекта марионеткой, которым управляет структура, лишаящая его перманентной активности¹⁸. Пытаясь выйти за рамки предопределенности, Бурдьё и вводит понятие «агента», судя по всему.

Таким образом, получается, что актер вроде как замещает социального субъекта (в постмодернистской ситуации его деперсонализации, кризиса идентичности и размывания устойчивых социальных общностей).

Демонстрируя вроде как уважение к субъекту, современная либеральная философия, одновременно дискредитирует его намеками на опасность

¹⁸ См.: Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. Сост. общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М., 1993.

тоталитарного контроля, объявляя неактуальной рационализацию и модернизацию в терминах классической социологии.

В политическом плане проводится идея нелегитимности «воли народа» даже в так называемых демократических обществах, что ставит под сомнение роль народа как субъекта исторического развития¹⁹.

Ослаблению в последнее время противостояния постмодернистов и объективистов (реалистов) способствует расширительное понимание субъектности. Во-первых, как некоей агрегированности социальных субъектов, их суммы интересов, средств, сред обитания. Во-вторых, как «гибридных форм» взаимосвязи субъекта и объекта. В-третьих, как субъективированных объектов с некими ценностями и объективированных субъектов, воплощающих отдельные субкультуры. В-четвертых, как квази-субъекта²⁰ или кодифицированного субъекта²¹, заслужившего внимание Питера Штомпки. Все перечисленное заслуживает пристальных оценок, отражая неуклонный процесс сближения постмодернистов с модернистами (реалистами). Этому способствуют заявления крупнейшего французского социолога Алена Турена о «воскрешении субъекта», о необходимости его возвращения в социально-политическое поле. Но надо понимать, что этот автор выступает скорее против жестких формулировок объективизма и крайних подходов постмодернизма, абсолютизирующих неопределенность, сам же воспринимет субъект как воплощение идеи творчества и самореализации²², как творца, а не просто носителя Разума, Природы и воплощения идентичности. Благодаря такому подходу появляется возможность вести речь об управляющих силах общества, о его творческом потенциале.

Обозначенные выше тенденции важны как показатель реального плюрализма общественной жизни и научных представлений, за которыми обширное число публикаций по данной тематике. Диапазон же восприятия субъектности остается значительным – от однозначных и позитивных признаний²³ – до явного или скрытого отрицания в постмодернизме.

¹⁹ См.: Политическая наука: основные направления / Перевод с англ. под ред. Е.Б. Шестопаля. – М., 1999.

²⁰ См.: Каган М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. – М., 1988.

²¹ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996.

²² См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М., 1998.

²³ См.: Григорьев С.И., Фролов А.С. Спасение научного социогуманитарного знания? Или ...его постмодернистская кончина? // Постмодерн в современном социогуманитарном знании: закономерное развитие или манипуляция сознанием? (Навстречу всероссийскому круглому столу «Постмодернизм в современной науке и практике». РГСУ): Материалы / Под общ. ред. С.И. Григорьевой. – М., 2009.

В научной литературе наблюдается острота дискуссий и попытки вытеснения субъекта. Тем не менее, он все-таки остается в качестве ключевой смыслообразующей и управленческой категории научного поля. В пользу этого свидетельствуют онтологические и гносеологические факторы²⁴. Во-первых, субъектная основа бытия и регулирования общества, во-вторых, объективный процесс формирования всеобщности субъектов, в-третьих, трансцендентальность субъектов, что убедительно доказано еще в советский период В.А. Лекторским²⁵. Специфика же субъекта определяется его ролью как инициатора каких-либо взаимодействий, как системного проектировщика характера воздействия, определяющего необходимые составные элементы и взаимосвязь между ними²⁶ и, наконец, как регулятора взаимодействия с объектом.

Субъект не только начинает взаимодействие, формирует его систему, но управляет им, задавая определенные параметры и поддерживая эти процессы до некоторого допустимого предела, обусловленного спецификой своей природы.

Субъект представляет определенное образование, структуру, социальную общность или отдельного человека, выступающих в роли инициатора, систематизатора и регулятора всех изменений²⁷, что позволяет представить субъектность как управленческую или мировоззренческую позицию. Однако значимость представляет не только позиционная интерпретация субъекта, но и ролевая, позволяющая в итоге определять его назначение и разнообразные роли.

Не просто как некоего субстрата или субстанции, обладающих материально-вещественной формой в качестве физического носителя, но как воплощения функциональной роли, что позволяет избежать «распространения субстанционального подхода», об опасности которого нас предупреждают авторитетные французские социологи²⁸.

²⁴ См.: Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.

²⁵ См.: Лекторский В.А. Субъект. // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т Философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. Ред. В.С. Степин, А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин и др. – М., 2010.

²⁶ Способность создавать систему – главное свойство всякого субъекта, характеризующее его системные усилия, самостоятельность, самодостаточность и даже автономность.

²⁷ См.: Граждан В.Д. Деятельность и управление. (Социологический аспект). – М., 1989.

²⁸ См.: Бади Б., Бирнбаум П. Переосмысление социологии государства // Международный журнал социальных наук. – 1994. – № 4 (7).

С учетом этого появляется возможность в политико-управленческом смысле утверждать о двухмерности субъектности. С одной стороны, как содержательно-мировоззренческой позиции физических или юридических лиц, а с другой стороны, как специфической роли.

Организационно-содержательный каркас субъектности составляет деятельность, а важным условием и формой проявления субъекта – отношение к широкому спектру проблем (на основе обоснованного самоопределения), что предполагает целеполагание, рефлексивность, самостоятельность.

Если понимание субъекта на индивидуальном уровне можно и нужно связывать с самостоятельностью, с независимостью от какой-либо ситуации, то политологическим эквивалентом самостоятельности на уровне социума и уровне политической системы и национальных государств является, по нашему мнению, суверенитет, а суверен, согласно Адаму Смиту, обладает тремя обязанностями: защита отечества, обеспечение справедливости, возведение и поддержание общественных институтов и механизмов²⁹.

Синонимом суверенитета и показателем подлинно национального развития уместно рассматривать, на наш взгляд, политическую независимость³⁰.

Разновидностью суверенитета, судя по всему, может рассматриваться духовный суверенитет, что является чрезвычайно важным для сохранения социокультурной идентичности в условиях глобализации и интенсивного тиражирования развитыми странами образцов и эталонов деятельности, в том числе и так называемых ценностей, порой отражающих лишь специфику англо-саксонской цивилизации³¹.

²⁹ См.: Смит А. Богатство народов. – М., 1962.

³⁰ См.: Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Пужаев В.В. Правовая природа государственного иммунитета // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 36-44.

³¹ См.: Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112; Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50; Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198; Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22; Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики

Среди условий и показателей субъектности, вероятно, должно бы быть обозначено укрепление внешних границ со средой, а точнее, духовного суверенитета общества и общественно-политических условий существования, а также уровень цивилизационной зрелости, дееспособности, суверенности.

В проявлении самостоятельности и суверенности суть понимания нами субъектности. Более развернутое и полное предполагает учет эвристического потенциала деятельности как концептуально-аналитического принципа, как несущей конструкции и при изучении различного вида субъектов и субъектности в целом.

Сформированный на основе деятельности особый познавательный подход выступает антитезой созерцательному подходу к познанию, к принципам «зеркального отражения».

Ценность деятельностного подхода применительно к анализу политических коммуникаций государства и гражданского общества состоит в том, что таким образом конкретней и детальней рассматриваются и фиксируются имеющие место процессы (в отличие от нормативистского подхода, акцентирующего внимание «на должном» (без учета сложившейся ситуации)). Это, во-первых. Во-вторых, выявляются реальные изменения, а не имитация чего-либо в той или иной сфере общественной жизни или в отношении к кому-либо (например, к молодежи).

В-третьих, акцентируется внимание на механизмах, а не на содержании. В-четвертых, выявляются и оцениваются субъекты политических коммуникаций (и политики в целом) как носители возможных изменений.

Таким образом, методологически деятельность способна быть концептуальным фундаментом субъектности как принципа анализа политических коммуникаций и их проектирования. Она отражает социальное бытие, реальность³².

Исследование политической субъектности основано на концепте тесной связи политики и права, что позволяет провести аналогию между ней и правовой субъектностью. При этом правосубъектность является базовой и разработанной категорией в теории права.

Правосубъектность определяют как способность быть субъектом права,

---

и социологии. – 2014. – № 11; Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.

³² См.: Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).

которая состоит из двух составных частей: правоспособности и дееспособности. Правоспособность – способность лица иметь права и нести обязанности. Дееспособность – способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя обязанности и исполнять их.

Таким же образом политическую субъектность можно рассматривать как сочетание потенциальной и актуальной возможности участия в публичной власти. Следовательно, политическая субъектность – это способность быть субъектом политических отношений, которая может быть потенциальной и актуальной. Потенциальная политическая субъектность формируется на основании правоспособности. Там, где право в своих нормах выделяет группу людей, возникает политический субъект, который потенциально может вступать в политические отношения и брать на себя политические обязательства. Актуальная политическая субъектность по аналогии с дееспособностью указывает на способность субъекта политики активно участвовать в политических отношениях: выражать политический интерес, создавать коллективы, влиять на принятие государственных решений.

Участие в политических отношениях в любой форме предполагает осознание и волю. И именно это понятие мы встречаем у одного из главных теоретиков политического понимания теории общественного договора, Ж.-Ж. Руссо. Он определяет волю как возможность субъекта принимать свободные решения согласно своего интереса. В принципе и у Локка, и у Гоббса понятия воли и интереса были также в той или иной степени затронуты, но Руссо на этом понятии сконцентрировал свое исследование. В работе «Об общественном договоре» он подчеркнул, что индивиды и коллективы обладают частной волей, которая не является общей, но может совпадать с ней. Общая же воля принадлежит Суверену, государству, сообществу граждан как целому. Общая воля носит тотальный и абсолютный характер, легитимирующий правовой порядок государства, и направлена всегда на общее благо-интерес. Частная же воля носит характер персональный и направлена на частное (индивидуальное или коллективное благо-интерес). Общая воля образуется из суммы частных волей, являя собой такое решение, которое, в конечном счете, приведет к общему благу (по Руссо – к упрочнению равенства).

Что важно в анализе концепта частной воли у Руссо, так это признание за ней догосударственного, внеправового характера. Например, в «Теории справедливости» Ролза воля субъектов в решении политических вопросов (такими признаются только вопросы, касающиеся устройства базовых

политических институтов) является чисто гражданской, лишенной любого частного интереса, который просто вынесен за скобки. У Руссо же решение политических вопросов, в том числе и об устройстве базовых институтов, исходит наоборот из частного интереса индивида.

В государственной жизни, согласно Руссо, индивид обладает способностью осознавать общую волю постольку, поскольку он является не только частным лицом, но и политическим – гражданином. Подчеркнем – не обладает общей волей, а может лишь осознавать и действовать согласно ей. Руссо прямо утверждает, что: «частная воля не может представлять общую волю»³³. Такой взгляд на проблему соотношения общего и частного в социальном контексте позволяет разрешить обычное недопонимание сути того, как складывается общая воля. Общая воля не есть воля частных индивидов («воля всех»), а воля Суверена, государства. Она направлена на благо³⁴.

Иллюстрационным является интерпретация получения общей воли Б. Расселом в «Истории западной философии»: «...политическое мнение каждого человека определяется собственным интересом, но собственный интерес состоит из двух частей, одна из которых специфична для индивидуума, тогда как другая является общей для всех членов общества. Если между гражданами нет возможности осуществления взаимовыгодной сделки друг с другом, которая всегда случайна, их индивидуальные интересы, будучи разнонаправленными, взаимоуничтожатся и останется результирующий интерес, который будет представлять их общие интересы. Этот результирующий интерес является всеобщей волей»³⁵.

Такая неопределенность – это слабость концепции Руссо. Он пытается легитимировать власть (показать связь между частной и общей волей) и через «метафизический» первоначальный договор, и через процедуру принятия решения. Однако в этом есть и своя эвристическая польза. Руссо заостряет внимание на внутренней борьбе политического субъекта: между его частным и гражданским интересом. Между прочим, это одновременно обнажает и моральный аспект политических вопросов.

Таким образом, политическая воля – это частная воля, стремящаяся стать общей. А политический субъект (индивид или коллектив) – это носитель политической воли. Право же оформляет то, как эта воля может быть

³³ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. С. 26.

³⁴ См.: Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157.

³⁵ Рассел Б. История западной философии. Т. 2. – М.: Миф, 1993. С. 214.

реализована. Причем его генетическое влияние имеет, по крайней мере, два аспекта: 1) легитимация суверенитета (верховенства) общей воли, 2) легитимация суверенитета (независимости, защищенности) частной воли в ее изъятии.

Во втором аспекте право создает политическую субъектность, наделяя субъект правами, а в первом наделяя его же обязанностями. Выражаясь проще, целью политических отношений для субъекта является возведение собственного интереса в общий интерес, а частной воли в статус общей (государственной) воли. Такое для субъекта возможно только при вступлении в политические отношения, которые формирует правовая система. Естественно, для вступления в такие отношения необходимо иметь правовой статус, который позволит субъекту реализовать свои политические интересы.

Значит, при социально-философском анализе изменений политической субъектности в первую очередь необходимо смотреть на то, как меняется правовая система государств, а также появления условий для ее изменений, которые могут быть вызваны как политической борьбой, так и, например, технологическими новшествами.

Исследование политической субъектности – это попытка зафиксировать важнейшие отличительные характеристики субъектов, реализующих свои интересы в политической сфере. В тривиальном смысле политическим субъектом является каждый дееспособный гражданин, достигший определенного возраста, имеющий право избирать и быть избранным. А это, по сути дела, каждый из нас, обладающий хотя бы только теоретической возможностью влиять на формирование политической системы и конфигурацию власти. Вместе с тем, как и другие центральные понятия нормативной политической философии (такие как «государство», «власть», «справедливость»), «политический субъект» – теоретический конструкт. Это, в частности, означает, что существенные характеристики таких субъектов могут выделяться достаточно произвольно, в зависимости от задач и интересов исследователя. Можно фиксировать необходимые и достаточные свойства или атрибуты политического субъекта – такие, например, как способность и готовность к осознанному действию, наличие политических обязательств, использование политического языка, следование императивам коллективной рациональности. Можно акцентировать внимание на отношениях субъекта и называть политическим субъектом того, кто вступает в политические отношения или же своим действием такие отношения создает.

В ходе подобной теоретической работы неизбежно возникает ряд методологических трудностей. Первая трудность в исследовании политической

субъектности связана с очень разным пониманием «политического». Согласно стандартной и наиболее распространенной интерпретации, политика и политическое связываются со сферой действия государственно-административных институтов или с формами государственного управления. Такая позиция хорошо известна, и здесь нет смысла останавливаться на ней подробно. Однако в современном демократическом мире набирает силу тенденция, в рамках которой происходит существенное расширение понятия политического. В широком смысле политическим может считаться все то, что становится предметом публичных споров, причем споров, конечно, не праздных, а затрагивающих существенные (и часто личные) интересы участников дискуссии.

Такое стирание границ между сферой публичного и сферой частного может показаться относительно новой тенденцией, однако еще в 1930 г. Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» писал: «Сегодня же мы присутствуем при триумфе гипердемократии, когда массы действуют непосредственно, помимо закона, навязывая всему обществу свою волю и свои вкусы. Не следует объяснять новое поведение масс тем, что им надоела политика и что они готовы предоставить ее специальным лицам. Именно так было раньше, при либеральной демократии. Тогда массы полагали, что, в конце концов, профессиональные политики при всех их недостатках и ошибках все же лучше разбираются в общественных проблемах, чем они, массы. Теперь же, наоборот, массы считают, что они вправе пустить в ход и сделать государственным законом свои беседы в кафе»³⁶.

Несмотря на резко негативную оценку этой тенденции автором цитаты, суть заключается именно в том, что политическим становится все то, что таковым (в массовом порядке) начинают воспринимать люди. Формальными индикаторами превращения вопросов неполитических в политические можно считать апелляцию к таким терминам, как «власть» или «справедливость», попытки интерпретации тех или иных фактов или интересов либо в качестве проявления властных отношений (в самом широком смысле), либо как нарушения принципов справедливости.

Конечной целью подобных дискуссий является, как правило, борьба за законодательное признание таких интересов. Отличие от традиционного понимания политического в том, что здесь мы имеем дело не с обращением к реальным механизмам функционирования власти или обеспечения справедливости, не с попытками изменить их или хотя бы обратиться к своей выгоде, а с использованием концептов («власть» или «справедливость»)

---

³⁶ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991. С. 46-47.

лишь в качестве ценностных понятий или теоретических конструктов. «Разговоры в кафе» – это формулировка некоторой желаемой реальности, которая может стать, а может и не стать предметом регулирования со стороны государственных институтов или их частью. Но тем не менее политическими эти разговоры позволяет считать уже сама претензия на политичность, особенно если эта претензия достаточно массова.

Столь разные трактовки политического создают существенные трудности для понимания политической субъектности хотя бы потому, что в рамках традиционного подхода политический субъект будет пониматься как реальный участник институциональных отношений, а в случае радикального расширения сферы политического – как участник, по преимуществу, потенциальный. Кроме того, такое расширительное толкование политики ведет к необходимости пересмотра всей конфигурации политического, т.е. всего категориального аппарата, начиная с самых базовых понятий, таких как политический субъект, политические свойства, политические отношения.

Главная теоретическая проблема здесь в том, что радикальное расширение сферы политического в современном обществе неизбежно ведет к пересмотру соотношения между публичным и частным. Политическое участие может обнаружиться в самых неожиданных сферах, внутри того, что раньше считалось безусловно частным. Можно вполне согласиться с Т.Алексеевой в том, что именно здесь, размышляя о соотношении публичного и частного, следует искать политическое, а не через определение друзей и врагов³⁷. А уже внутри сферы политического будут локализованы и политические субъекты.

Общие трудности, связанные с определением политического субъекта через набор свойств, можно рассмотреть на примере такого свойства, как использование политического языка. По аналогии с анализом, предложенным П.Рикером в отношении субъекта права, можно сказать, что субъект политики – это прежде всего тот, кто говорит. Точнее, тот, кто может, способен, компетентен пользоваться языком в политических целях, а также брать на себя ответственность самим фактом авторства. Но для того, чтобы стать подлинным субъектом (права), субъекту необходимы условия актуализации его способностей – возможность пользоваться языком, оценивать свое поведение, брать на себя ответственность. При этом П.Рикер полагает, что преимущественной средой для реализации этих человеческих потенциалов, в том числе и для субъекта права,

³⁷ См.: Алексеева Т.А. «Публичное» и «частное»: где границы политического? // Философские науки. – 2005. – № 4. С. 15.

является именно политическое³⁸.

Говоря о том, что политическое и политическая субъектность во многом определяются языком, мы имеем в виду даже не просто язык, а целую систему коммуникаций, которая складывается после того, как другие признают некоторое речевое поведение политическим языком и признают за индивидом право на такое поведение. Однако описание политического субъекта через политический язык и политический дискурс хотя и может помочь опознать субъектов на практике или ограничить их число, но все же не решает основную теоретическую задачу по поиску критериев политической субъектности. Проблема здесь в том, что идентификация того или иного языка как политического требует каких-то внешних критериев. Конечно, если мы видим животное, пользующееся речью, то, скорее всего, мы имеем дело с животным разумным. Однако как опознать некоторый символ или последовательность символов в качестве знаков, имеющих значение и смысл? Эта проблема является фундаментальной для философии языка: по каким критериям мы можем определить, что последовательность звуков, издаваемая младенцем, является осмысленной, а оставленная муравьем на песке последовательность линий не является карикатурой на Уинстона Черчилля?³⁹ Те же трудности возникают и с идентификацией политического языка именно как политического, а также при попытках вывести политическую субъектность на основе других важнейших свойств, таких как политическое сознание и политическое действие. Общая проблема в круговом характере описания, когда сама характеристика соответствующего сознания, языка или действия в виде скрытой предпосылки уже предполагает ту или иную концепцию политического.

Аналогичная проблема может возникать и при описании политического субъекта через отношения. Можно сослаться на пример такого описания, предложенного современным французским философом Ж. Рансьером, который пишет, что «политика не может определяться никаким субъектом, который ей предшествовал бы. Именно в форме политических отношений следует искать политическое “различие”, позволяющее мыслить субъект политики»⁴⁰. Идея о том, что человек – продукт общественных отношений, конечно, не нова. Интерес здесь представляет акцент на специфике отношений, формирующих политическую субъектность. Это отношения именно и сугубо политические. Вне таких отношений политические субъекты не

³⁸ См.: Рикер П. Справедливое. – М.: Гнозис, Логос, 2005. С. 30-40.

³⁹ См.: Патнэм Х. Разум, истина, история. – М.: Праксис, 2002. С. 14-19.

⁴⁰ Рансьер Ж. На краю политического. – М.: Праксис, 2006. С. 197.

существуют. Вопрос прежний – не достигнув согласия по поводу того, что такое «политическое», нельзя и опознать политические отношения.

Более содержательная попытка выразить сущность политической субъектности через отношения может, как представляется, быть связана с таким отношением, как «обязательство». Слегка модифицируя терминологию М.Вебера, будем говорить о политических субъектах «по случаю» и субъектах профессиональных⁴¹. Если говорить о политиках «по случаю», то обычно их (наши) политические обязательства (помимо общего обязательства соблюдать закон) трактуются и как специальные обязательства принимать участие в некотором предписанном количестве политических процедур – выборах, референдумах и т.д. Чаще всего это обязательства моральные, но иногда они закрепляются в соответствующем законодательстве, например в ряде стран существует так называемый обязательный вотум, который обязывает всех дееспособных граждан принимать участие в выборах под угрозой штрафных санкций. В этом случае моральный долг превращается в юридическую обязанность. Другая деятельность политических субъектов «по случаю», выходящая за пределы периодического волеизъявления в жестко определенных законом рамках, обычно либо не поощряется, либо относится не к политическим обязанностям, а к политическим правам. Однако если мы говорим о политике как сфере реализации субъектности, то должны признать, что в первую очередь эта деятельность целенаправленная, т.е. ориентированная на реализацию определенных (политических) целей, которые человек счел для себя настолько важными, что осуществил ради них самоидентификацию в качестве политического субъекта. А совершая столь сознательный и ответственный выбор, субъект неизбежно принимает на себя соответствующие обязательства.

Такая идентификация в качестве политического субъекта меняет его статус. В моральной сфере статус личности обычно связывается с наличием у нее определенных прав. Так, по мнению известного морального философа Т.Нагеля, о правах личности лучше всего говорить именно как о статусной составляющей того, что значит быть субъектом морального сообщества. По его словам, «моральный статус, как он дан посредством моральных прав, формально аналогичен правовому статусу, как он дан юридическими правами.

Это нормативное состояние, включающее то, что можно делать по отношению к людям, что дозволяется делать людям, какого рода обоснование

---

⁴¹ См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С. 652.

требуется для того, чтобы помешать им делать то, что они хотят и т.д.»⁴².

Думается, что то же самое верно и в отношении политического субъекта за тем исключением, что права здесь необходимо заменить на обязанности. И дело не только в том, что права и обязательства обычно используются как коррелятивные понятия: наличие прав у одних субъектов подразумевает наличие обязательств у других субъектов по обеспечению этих прав⁴³. И даже не в том, что политический субъект функционирует в системе политических отношений, которые не могут не включать отношений обязательственных. Дело прежде всего в субъективной стороне вопроса, в том, что именно идентификация себя в качестве политического субъекта предполагает осознание ответственности за такой выбор и принятие на себя определенных обязательств. При этом отличие политического субъекта от морального состоит в том, что в первом случае от этого самоидентификационного выбора в принципе можно уклониться. Поэтому если субъект такой выбор все же совершает, он, как представляется, налагает на себя дополнительную ответственность, точнее говоря – приобретает прежде всего обязательства, а не права. Если обоснованность замены прав на обязательства в вышеприведенной формулировке и может вызвать сомнения в отношении политических субъектов «по случаю», то в отношении профессиональных политических субъектов она кажется вполне очевидной.

С точки зрения философско-нормативного анализа политической субъектности важнее всего правильно понимать методологию, которая используется для приписывания субъекту наиболее существенных характеристик. Серьезная трудность состоит в том, что осмысление политической субъектности требует принятия решения о «локализации» такого субъекта – либо на индивидуальном, либо на коллективном уровне. Как представляется, политическая субъектность предполагает коллективный характер действия, целенаправленного и осознанного, когда индивиды совместно предпринимают усилия в политическом пространстве для реализации своих интересов, в том числе и для закрепления их на законодательном уровне. Однако в современной либеральной политической теории политический субъект чаще всего понимается именно как индивид. Индивидуализм представляется важной предпосылкой и основой

⁴² Nagel T. Personal Rights and Public Space // *Deliberative Democracy and Human Rights* / Ed. by H.H.Koh and R.C.Slye. Yale University Press, 1999. P. 35.

⁴³ См.: Матузов Н.И. Юридические обязанности личности // *Теория государства и права: Курс лекций* / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997. С. 305-310; Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М., 2007.

формирования политической субъектности. Частично это можно объяснить тем, что качества, которые требуются от полноценного политического субъекта – рациональность, осознанность, свободный выбор, способность подчинять индивидуальный интерес коллективному и ограничивать политическое действие моральными рамками, требуют от человека свойств, которые неразрывно связаны именно с индивидуальной субъектностью – автономией, волей, ответственностью. Таким образом, не удивительно, что индивидуализм становится необходимым условием и инструментом понимания политической субъектности.

Однако еще важнее отметить то, что индивидуализм в современной политической философии – это не только и не столько онтологическая характеристика, а методологический прием, который используется для исследования как субъектности, так и политики, права и морали в целом. Индивидуализм часто порицают за то, что он ведет к замкнутости и изолированности людей, отрицает нашу социальную сущность, способствует эгоизму и, в конечном счете, аморализму. Все эти аргументы имеют вес только при условии, если индивидуализм понимать как позицию психологическую или онтологическую. В этом случае, говоря о субъекте, мы описываем то, что он чувствует или переживает, либо указываем на его действительное место в мире.

Здесь важно обратить внимание на синкретизм современного общественного развития. Применительно к философии он нашел свое стройное развитие в творчестве А.С. Ахиезера⁴⁴. Применительно же к субъектам правовых отношений в качестве самостоятельного научного направления он (синкретизм) нашел отражение в работах Ф.Х. Галиева⁴⁵. Именно этот исследователь обосновал позицию о том, что деятельность субъектов современных общественных отношений регламентируется не каким-то одним видом социальных регуляторов, например, правом, а всей их совокупностью. «В современном мире, – по его мнению, – сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в

⁴⁴ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Новосибирск, Сибирский хронограф, 1997. – 807 с.

⁴⁵ См.: Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011; Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С. 36-73; Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356; Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.

обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей.

Определяя понятие синкретизма правовой культуры современного общества, ученый понимает под ним естественным образом формируемую в ходе жизнедеятельности общества объективную «взаимобусловленность, взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие различных социальных норм, в комплексе воздействующих на сознание и поведение людей» и способствующих «оптимизации общественных отношений в соответствии с представлениями о добре и справедливости»⁴⁶.

Синкретизм отражает и поведение каждого конкретного индивида. Наиболее интересен и важен другой вид индивидуализма, который и является полезным эвристическим и методологическим приемом для анализа политической субъектности. Это индивидуализм методологический. Считается, что сам термин был введен в научный оборот Дж. Шумпетером, учеником М. Вебера, а затем активно использовался самим М. Вебером, а также Ф. Хайеком, Л. Мизесом, К. Поппером и многими другими. Можно выделить два основных понимания методологического индивидуализма. Первое – такое, при котором методологический индивидуализм понимается как объяснительная схема, в рамках которой любые общественные явления могут быть объяснены как результат мотивации или действий отдельных индивидов. Более жесткое и последовательное распространение принципов методологического индивидуализма на сферу политики вообще вынуждает исключить из рассмотрения любые коллективы людей, в том числе и такие, как классы или политические партии. Примерами являются и механизм «невидимой руки», и объяснения происхождения государства в классических общественно-договорных теориях. В основе такого подхода при желании можно заметить идеологию утилитаризма с его акцентом на ценность интересов каждого индивида и известное утилитаристское исчисление. Именно Дж.С. Миллю принадлежит одно из наиболее ясных описаний этой версии методологического индивидуализма, которую условно можно назвать «социологической»: «Законы общественных явлений суть не что иное и не могут быть ничем иным, как только законами действий и страстей людей», т.е. «законами

---

⁴⁶ Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. С. 12.

индивидуальной человеческой природы. Соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое...»⁴⁷.

Второе понимание методологического индивидуализма – приоритет личных прав и интересов над интересами группы, коллектива или государства. Таким образом, понимаемый методологический индивидуализм запрещает жертвовать индивидуальными правами или интересами в пользу прав или интересов коллективных. Эту версию методологического индивидуализма можно условно назвать «политической». Если понимать методологический индивидуализм как объяснительную социологическую схему, то его теоретической оппозицией будет холизм. Если же использовать методологический индивидуализм как тезис о приоритете индивидуальных прав, интересов (и шире – субъектов) над групповыми, то противоположностью такого индивидуализма будет уже коллективизм.

Свои истоки приоритет личных прав и интересов над интересами групп, коллектива и государства в целом находит в доктрине естественного права. Зачатки этой доктрины можно обнаружить в античности⁴⁸ и средневековье⁴⁹. Наибольшее же развитие она получила в Западной Европе в эпоху Просвещения и Нового времени⁵⁰. В Российской империи ее появ-

⁴⁷ Милль Дж. Система логики силлогистической и индуктивной. – М.: Изд-во Лемана, 1914. С. 798.

⁴⁸ См.: Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208; Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108; Мальцева С., Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье. Том 1-2. – СПб.: Пневма, 2012. – 720 с., ил.; Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88/

⁴⁹ См.: Марсилией Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и К°, 2014; Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилией Падуанский // Марсилией Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и К°, 2014. – С. 11-63; Сауляк О.П., Экимов А.И. Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.

⁵⁰ См.: Верховодов Е.В. Генезис теории естественного права в Западной Европе: Дис... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2001; Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114; Руссо Жан-Жак. Политические сочинения / Изд. подг. Б. Бернарди, С.В. Занин; отв. ред. И.А. Исаев. – СПб.: Росток, 2013. – 640 с.; Федюшкина А.И. Христиан Томазиус: новации юридического образования в Германии (конец XVII – начало XVIII вв.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.

ление связывают с именем профессора Императорского Царскосельского лицея и Санкт-Петербургского университета Александра Петровича Куницына, подготовившего и опубликовавшего двухтомную книгу «Право естественное»⁵¹, стоившую ему отрешения от государственной службы и педагогической деятельности⁵².

После некоторого забвения доктрина естественного права получает новый импульс в конце XIX – начале XX века в творчестве русских религиозно-нравственных философов⁵³ и представителей возрожденного

– 2014. – № 3-2. – С 245-248.

⁵¹ См.: Куницын А.П. Право естественное. Часть 1. – СПб., 1818; Куницын А.П. Право естественное. Часть 2. – СПб., 1820.

⁵² См.: Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26; Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11.

⁵³ См.: Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности. Вступительная статья // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетей, 1999. – С. 8-25; Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – философия бытия, веры и нравственности // Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетей, 1997. – С. 8-25; Жданов П.С., Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28-35; Жданов П.С., Романовская В.Б. Этико-правовые концепции в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века. Монография. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012; История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998; Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников; автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетей, 1999. – С.5-7; Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М., 1989; Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетей, 1999. – 448 с.; Романовская В.Б., Жданов П.С. Общественный идеал в русской религиозной философии права (конец XIX – начало XX века) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 162-172; Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169; Романовская В.Б. Русское правосознание: исторические особенности // Общество,

естественного права⁵⁴. Наибольший же расцвет она приобретает в конце XX и начале XXI века, особенно на постсоветском пространстве⁵⁵, в том числе и в России, когда человек, его права и свободы законодательно определяются в конституциях суверенных государств как высшая ценность.

В ст. 2 Конституции РФ читаем: «Человек, его права и свободы является высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод чело-

---

право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996; Романовская В.Б., Леснова Н.И. Особенности системы источников права в правовой культуре России XVIII века // История государства и права. – 2007. – № 6; Романовская В.Б., Крымов А.В. Всеединство, право и идеал свободной теократии В.С. Соловьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4; Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 6. – С. 187-198; Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века: Монография. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2013; Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997.

54 См.: Крушельницкий М.А. Ганс Кельзен: диалог позитивизма и естественно-правовой теории // Юридическая мысль. – 2015. – № 3(89). – С. 31-34; Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 4. – С. 75-80; Ревнов Б.А., Крушельницкий М.А. Нормативизм Ганса Кельзена: взгляд из XXI века: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014; Ревнов Б.А. Классический позитивизм и нормативизм Ганса Кельзена: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014; Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002; Рябченко Н.Г. Концепция возрожденного естественного права: место и роль в политико-правовой науке Германии // История государства и права. – 2002. – № 3. – С. 47-48; Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002; Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его значение для позитивного права России в конце XIX и начале XX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002;

55 См.: Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197; Зоиров Д.М. Истоки формирования этнической государственности в Средней Азии и Закавказье // История государства и права. – 2004. – № 1. – С. 46-49; Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85; Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).

века и гражданина – обязанность государства»⁵⁶. Аналогичное положение содержится, например, и в Конституции Республики Таджикистан. В ст. 5 определено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны.

Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством»⁵⁷. Сходная ситуация наблюдается в большинстве государств, образовавшихся после распада СССР, да и во многих странах цивилизованного мира.

У российских ученых-юристов господствует мнение, что отечественная Конституция полностью базируется на доктрине естественного права, как в общем-то и большинство конституция развитых государств⁵⁸.

Профессор С.М. Шахрай, считающийся одним из разработчиков действующей Конституции, в лекции, посвященной ее 20-летию и прочитанной в Государственной Думе 16 апреля 2013 года, прямо заявил: «Возьмем, к примеру, главу «Права и свободы человека и гражданина». В основу этого раздела положена доктрина естественного происхождения прав и свобод человека, не дарования государством, а в силу рождения: право на жизнь, на свободу, на собственность и так далее. Из этого следует, что в отличие от прежних времен, государство не может лишить прав своих граждан, в том числе не может лишить гражданства. Как вы помните, раньше такая практика была сплошь и рядом»⁵⁹.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, профессор В.Д. Зорькин считает, что «отличительной чертой российской Конституции является то обстоятельство, что в ней достаточно четко сформулированы ее концептуальные основы, базирующиеся на естественно-правовом подходу к пониманию»⁶⁰.

Доктрина естественного права – это величайшее достижение человечества. С другой стороны, она же может быть использована и в деструктивных целях. Одной из опасных тенденций сегодня является все чаще осязаемая попытка настойчивого противопоставления прав человека

⁵⁶ Конституция Российской Федерации. – М., 2015.

⁵⁷ Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2015.

⁵⁸ См.: Конституции стран – членов СНГ. Сборник документов. – Ереван, 1997; Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сб. документов. – М., 1994.

⁵⁹ Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С.М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 160.

⁶⁰ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011. С. 53.

правам общества. При этом, по словам В.Д. Зорькина, общество все чаще рассматривается как нечто рыхлое, аморфное и принципиально не целостное. Индивид же – как нечто несомненное и четко определенное.

«Исходя из этого, – *отмечает В.Д. Зорькин в лекции для участников V Международного юридического форума в Санкт-Петербурге 28 мая 2015 г.*, – индивида наделяют несомненными – и все более широкими – правами. А основную часть общества обычно записывают в разряд «молчаливого большинства», для которого достаточно юридической нормативности личных прав и прав входящих в него сообществ.

Ошибочность такого подхода, – *считает В.Д. Зорькин*, – чаще всего обнаруживается именно в коллизиях «эпохи перемен». Когда как раз «молчаливое большинство», по факту выбранного им характера участия или неучастия в переменных, спасает или губит социально-государственный организм. Спасает или губит в зависимости от того, получили ли перемены у «молчаливого большинства» морально-этическую санкцию, готово ли это большинство признать перемены должными, благими и справедливыми»⁶¹.

Примеров «политического» понимания методологического индивидуализма, когда он понимается не как схема для объяснения социальных явлений, а как принцип разрешения конфликтов прав и обязательств, можно найти немало. Примечательно, что этот прием может применяться даже для аргументации в пользу групповых прав, в частности прав национальных меньшинств в условиях либерализма. Так его использует известный канадский политический философ У. Кимлика. Он полагает, что одним из важнейших аргументов в пользу групповых прав может быть увеличение степени свободы каждого (индивидуального) субъекта, входящего в группу⁶². Таким образом, в данном случае мы имеем дело одновременно как с коллективной, так и с индивидуальной политической субъектностью, при этом права и свободы индивидов (имея приоритет над групповыми правами и свободами), вполне органично сосуществуют с правами группы.

---

⁶¹ Зорькин В.Д. Право силы и сила права. Лекция для участников V Международного юридического форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г. <https://rg.ru/2015/05/28/zorkin-site.html>

⁶² См.: Kymlicka W. Multicultural Citizenship – A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford University Press, 1996. Ch. 3.

1.2. Общесоциальная основа субъектности политического класса

Политический класс является опосредованным субъектом. Отпochкование такого субъекта в обособленную политическую общность как «управляющую подсистему» ведет к умалению управленческой роли всей политической системы.

Политический класс как общественная страта выражает волю народа, которому принадлежит полнота власти в обществе. Первичная роль народа и составляет смысл демократизма российской политической системы.

В России, по убеждению В. Суркова, создается не «управляемая демократия», а «суверенная», и наше понятие о демократии ничем не отличается от европейского. «Мы строим открытое общество, – *заявил Сурков*, – не забывая о том, что мы свободны. Мы хотим быть открытой нацией среди других открытых наций и сотрудничать с ними по справедливым правилам, а не управляться извне». По мысли Суркова, «управляемая демократия» – это «навязываемая некоторыми центрами глобального влияния всем народам без разбора – силой и лукавством – шаблонная модель неэффективных и, следовательно, управляемых извне экономических и политических режимов»⁶³.

Развитие суверенной демократии призвано способствовать обогащению действующих институтов новым содержанием, упрочению и повышению их эффективности, совершенствованию правовой регламентации институтов, прежде всего законодательным путем, созданию и формированию новых институтов.

Конечно, неодинаковый характер институтов и структур отражается и на различных темпах их развития. Главное – в своевременной адаптации субъектов политической системы и иных институтов, позволяющих обществу непосредственно решать вопросы, к условиям общественного развития. Можно выделить ряд признаков субъектов политического класса, основным предназначением которых является разрешение общесоциальных задач.

Во-первых, выражение интересов соответственно народа, социальных общностей. Иерархия интересов, закрепленная в Конституции Российской Федерации, влияет на разные формы связей субъектов, включая и аспекты соподчиненности.

Во-вторых, функциональная общность и специфика их деятельности. Каждый субъект, выполняя свои специфические функции, участвует тем самым в реализации общих функций политического класса. А это требует

⁶³ Независимая газета. – 2006. – 29 июня.

вычленения и органического сочетания доли специфических и общих функций у каждого субъекта, поиска обоснованной меры выражения им общих функций, характера и пределов представительства, когда он выступает от имени политического класса.

Политический класс – ядро политической системы, в том числе государственных и общественных организаций. Он определяет линию внутренней и внешней политики страны. Политическое руководство, выработка целей и задач общественного развития, объединение и координация деятельности всех государственных и общественных организаций – та «призма» выражения общего, которая позволяет политическому классу выступать от имени политической системы, обеспечивает интеграцию всех ее подсистем.

Вся деятельность политического класса направлена на формирование и поддержание демократических основ общества «как образа политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими»⁶⁴.

В рамках структуры политического класса подсистема государства и его органы как субподсистемы выполняют наибольший объем функций политической системы по управлению общественными процессами, используя все политические методы воздействия, в том числе и принуждение.

Для общественных организаций характерно участие в управлении государственными и общественными делами в соответствии с их уставными задачами, для трудовых коллективов – сочетание участия в обсуждении и решении государственных и общественных дел с участием в управлении предприятиями и учреждениями.

В-третьих, каждый субъект политического класса есть своеобразная подсистема. Именно в качестве относительно целостной и однородной подсистемы они и входят в макросистему – политический класс. Для субъектов как подсистемы характерны следующие признаки: общие цели функционирования всех составных частей (субподсистем) подсистемы, единство принципов построения и деятельности, структурное единство, соподчиненность или иерархическая связь. Правильнее считать, что субподсистемы входят в политический класс не сами по себе, а лишь постольку, поскольку в нее входят подсистемы в целом. «Политичность» – прежде всего свойство субъекта в целом как подсистемы, она неодинакова у разных его звеньев.

---

⁶⁴ Сурков В. Национализация будущего. Параграфы PRO суверенную демократию // Эксперт. – 2006. – № 43 (537). – 20-26 ноября. С. 102.

В-четвертых, субъекты схожи и в то же время различаются между собой по степени организованности. Связь государства и граждан определяется институтом гражданства; Функционирование и взаимодействие государственных органов отличаются наивысшей степенью организованности, большей степенью «жесткости» и «нормативной определенности». Партия как система организаций, построенных на основе принципа демократического централизма, также выступает в качестве социальной системы. Каждая массовая общественная организация есть разновидность системы. В то же время все виды общественных организаций, используя «мягкие» средства взаимодействия, составляют своеобразный единый блок.

В-пятых, каждый субъект, развиваясь и функционируя в рамках политического класса, приобретает «общесистемные свойства, является организической частью более общей системы, его развитие в этом смысле подчинено закономерностям развития большой системы. Данная грань полнее раскрывает и черты субъекта, взаимодействующего с другими субъектами – подсистемами и их составными частями. Субъект выполняет свои задачи по осуществлению общих функций и задач политического класса в тесном сотрудничестве с иными субъектами. «Приращение» системных свойств обогащает каждый субъект. Исследование данных аспектов – проблема, требующая специального изучения.

В решении «общесистемных», комплексных задач звенья – субподсистемы разных субъектов нередко связаны более тесно, чем внутри системы. Недооценка этого приводит подчас на практике к созданию государственных органов или общественных организаций без учета уже действующих в указанной сфере звеньев, занятых решением смежных задач. Иногда какое-либо общественное движение стремится «замкнуться» в рамках организационной структуры. В итоге – наслоение, дублирование различных органов и организаций, например, в управлении промышленностью, строительством или в сложном построении и дублировании массовых организаций на производстве, структур в районах и городах.

Свойства субъектов политического класса позволяют выявить их системные связи. Слабая теоретическая разработка этой проблематики на практике приводит к тому, что их взаимодействие нередко налаживается стихийно, без строго обоснованного определения ее меры, оптимальной для того или иного типа решаемых задач, уровня взаимодействующих субъектов. Издержки в данной области до сих пор наиболее ощутимы, они снижают общий эффект действия политического класса и его субъектов в решении задач социального, экономического, культурного, научно-технического развития.

Проблема типологии внутрисистемных связей субъектов (совместное решение, согласование, координационная деятельность) в разных сферах для современного развития политической системы приобретает ключевое значение. Ее масштабность к дифференциация внутренней структуры, подчас приобретающие характер «организационного бума».

Целесообразно следовать порядку передачи функций одних субъектов другим. В случаях перераспределения функций между субъектами внутри одной подсистемы юридическим основанием должно быть соответствующее изменение закона или иного нормативного акта. Процедура делегирования права решать те или иные вопросы должна строго соблюдаться, что позволит четко определить круг вопросов, которые подлежат передаче и не касаются основных функций «передающего органа».

В случаях перераспределения функций между субъектами – разными подсистемами, например между государственными органами и общественными организациями, целесообразно шире оценивать его основания – природу функций, готовность и согласие общественных организаций, изменение методов выполнения функций, способов привлечения ответственности.

Актуально налаживание совместных действий разных субъектов для решения общих задач. Комплексный характер задач, фиксирование в законе, иных нормативных актах необходимости совместной деятельности обуславливают содержание и формы взаимодействия субъектов. Подобные задачи возникают в любой сфере общественного развития и в силу значительности и масштабности требуют согласованных усилий различных субъектов.

Дальнейшее поступательное развитие и стабильность российского общества зависят от совместных усилий всех политических субъектов. В целях стратегического планирования, определяющего национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу⁶⁵, необходимо «консолидировать усилия федеральных органов госу-

⁶⁵ См.: Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999; Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000; Мамонов В.В. Конституционные основы национальной безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2005; Селиванов А.И., Хабибулин А.Г. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.:

дарственной власти, других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»⁶⁶.

Для этого партийными и государственными органами с успехом применяются общие планы мероприятий, согласование серии намечаемых решений по методу «дерево целей», координация оперативной деятельности. Помогают программно-целевой подход и целевые комплексные программы, а также методы сетевого планирования и управления. Подобные «сценарии» разрешения общих задач должны сопровождаться введением в действие процедур их решения, обеспечения совместной деятельности всех субъектов. Одним из ключевых способов разрешения социально значимых задач стратегического значения является введение федеральных целевых программ, история которых насчитывает около 20 лет. Федеральные целевые программы – это инструмент реализации, прежде всего, долгосрочной экономической политики государства. Следует отметить, что поддержание таких программ является одной из приоритетных задач российской политической системы. В частности, на реализацию федеральных целевых программ в 2016 год в рамках распределения бюджетных ассигнований выделено 990 280 732,4 тыс. рублей⁶⁷.

Обеспечение строго обоснованной меры связей субъектов исключает как редкие, случайные контакты между субъектами, так и их искусственное усложнение, нарушение пропорции между степенью сложности решаемой задачи и адекватной ей совокупностью межсистемных связей. Изучение практики убеждает в своеобразной закономерности: чем больше связей между субъектами (по вертикали и горизонтали) в силу их чрезмерной специализации и мнимой причастности к решению того или иного вопроса, привычной реакции принятия «мер во исполнение», ограничивающихся обычно актом-решением, большим числом «внешних» согласований, тем меньше сила реального воздействия всех субъектов на управляемые объекты – процессы развития отраслей, подотраслей, предприятий, организаций и т. п. Поэтому главный критерий в

Формула права, 2011.

⁶⁶ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». <http://base.garant.ru/71296054/>

⁶⁷ См.: Федеральный закон от 14 декабря 2015 г. № 359-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

налаживании межсубъектных связей – возможность обеспечения эффективного совокупного воздействия па управляемые объекты и получения высоких конечных результатов.

Требуется обеспечить полный и всесторонний учет системы действующих субъектов, между которыми возможно и желательно налаживание сотрудничества. Организация взаимодействия внутри одной системы – дело более простое, нежели – между звеньями разных систем. В последнем случае многое зависит от «центров систем», т. е. головных органов в рамках той или иной системы, призванных организовывать, направлять и регулировать эти контакты.

Мера упорядоченности политической системы во многом зависит от пропорционального развития ее подсистем и элементов. Своевременное предотвращение и правильное преодоление возникающих диспропорций в развитии отдельных частей, тех или иных видов связей между ними и т. д. – важный резерв совершенствования политической системы. Равным образом это касается и последовательности ее действительно реализации общесистемных функций, принципов организации и деятельности.

Конституционное закрепление принципов построения российской политической системы позволило усилить ее внутреннюю нормативную «связанность» и роль стабильной ценностно-нормативной ориентации в процессе функционирования и развития. Неуклонное соблюдение трех видов конституционных принципов (общих для всей системы, например соблюдение законности, общих для групп субъектов, наконец, принципов, отражающих функционирование системы и ее субъектов в различных сферах общественной жизни) способствует динамичному развитию политической системы.

Какова же природа управленческой деятельности политической системы? Понятно, что характер этой деятельности весьма специфичен и не тождествен работе отдельных государственных органов, общественных организаций, отраслевых систем управления и т. п. Политической системе в целом свойственны некоторые общие моменты, прежде всего масштабность объектов управления – развития общества в целом и его сфер, происходящих в них процессов. Примечательны и выбор, а также разрешение главных политических проблем общественного развития и придание политического характера решению крупных хозяйственных, социальных, научно-технических, демографических и иных проблем. Преимущественное внимание к решению комплексных задач: открывает стратегические пути развития и способствует согласованности всех сфер общественной жизни.

Отсюда и управленческое воздействие политической системы характеризуется наибольшей степенью концентрированности. Субъекты политической системы действуют в пределах компетенции, т. е. нормативно-определенных сфер, составляющих часть общественных процессов. Обобщая и суммируя деятельность своих субъектов, политический класс в конечном итоге обеспечивает глубокое познание объективных закономерностей и их правильное использование, своевременное выявление противоречий общественного развития, выбор проблем и их эффективное разрешение на основе взвешенных политических решений.

В современной политологии в зависимости от подхода и методологии применяются несколько толкований термина «принятие политического решения». Он может определяться как: процесс, совокупность действий, выбор альтернативы. Причем, во всех случаях, семантика термина подразумевает не только порядок и динамику процесса, но и его результат⁶⁸. В нашем случае, в контексте изучения роли политической элиты целесообразно использовать третий вариант – выбор альтернативы. В этом случае под процессом принятия политического решения следует понимать выбор одного из альтернативных вариантов и его реализацию, а сам процесс может быть разложен на следующие этапы:

1. первичная обработка, анализ и классификация информации, выявление проблемы;
2. выработка нескольких альтернативных вариантов решения (минимум двух);
3. выбор оптимального политического решения;
4. фиксация в виде процедуры, обеспечивающая легитимность;
5. реализация полученного варианта политического решения;
6. Обратная связь – контроль и коррекция.

Если исходить из положения, что принятие политических решений по определению является одной из функций политической элиты, то предложенная последовательность позволяет сделать выводы об ее роли, характеристиках и эффективности. Также на основе этой последовательности можно объяснить появление различных негосударственных структур по типу Общественной палаты и всевозможных государственных агентств типа АСИ и других организаций, призванных улучшить систему управления.

Возвращаясь к этапам принятия решения, возможно предположить, что сегодня власть в избытке имеет массив данных, необходимых для первого

⁶⁸ См.: Дегтярев А.А. Принятие политических решений: Учебно-методическое пособие. – М.: МГИМО-Университет, 2004.

этапа. Существует фиксированное количество каналов, по которым данные поступают в систему госуправления. В России это, прежде всего, сведения федеральной службы статистики, данные налоговой службы, доклады и отчетность министерств, региональной власти, Роспатента и федеральных агентств. На современном уровне они формируются в низовых звеньях этих структур, затем автоматически обрабатываются по жестким алгоритмам и сводятся в отчетность. Кроме этого политическая элита получает результаты исследований различных государственных и негосударственных центров (всевозможные институты стратегических исследований и т.д.).

Второй и третий этап – является, отчасти сакральным, не имеет фиксированных процедур. Понимание этого на высшем политическом уровне приводит к усилению президентской вертикали – Администрации Президента РФ. В структуре Администрации Президента, из 21 управления только 4 не имеют прямой обязанности по информационному обеспечению (управления протокола, наград, документального обеспечения, пресс-служба), остальные 17 собирают данные по своему профилю, обрабатывают их и выдают результат президенту⁶⁹. Разумеется, имеется и отдельное экспертное управление. Добавим к этому, что президент еще напрямую получает информацию от разведывательных и силовых структур. Другие ветви и уровни власти работают на территориальном или отраслевом уровне, поэтому легко сделать вывод, что в распоряжении президента находится крупнейший центр принятия политических решений.

В этом плане интересно сравнение численности администрации президента России – 1547 чел. (2012 г.) и ее аналога Executive Office of the President – 1796 чел. (2012 г.)⁷⁰. В то же время, число работающих в аппарате Президента парламентской Франции менее 50 человек⁷¹, в двух офисах канцелярии канцлера Германии (Берлин, Бонн) работает 480 человек⁷², тогда как администрация президента малочисленного и явно президентского Казахстана насчитывает 366 человек⁷³. При этом структуры админи-

⁶⁹ См.: Администрация Президента // Президент России [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://state.kremlin.ru/administration/division>.

⁷⁰ См.: Executive Office of the President Fiscal Year 2013 Congressional Budget Submission // The White House [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2013-eop-budget1.pdf>.

⁷¹ См.: Устройство власти // Коммерсант [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.kommersant.ru/pda/power.html?id=2164210> (дата обращения: 24.03.2012).

⁷² См.: Bundeskanzleramt // Bundesregierung [Электронный ресурс] – Режим доступа.–URL: http://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Bundesregierung/Bundeskanzleramt/_node.html.

⁷³ См.: Устройство власти // Коммерсант [Электронный ресурс] – Режим доступа.

страции РФ, США и Казахстана идентичны. Т.е. в странах, где роль полномочия и роль президента велики, в его распоряжении имеется масштабный универсальный инструмент обработки и анализа информации, что явно указывает на центр принятия политических решений.

Важно, что вне зависимости от системы принятия решения, для сохранения ее равновесия требуется, чтобы нужное управляющее воздействие возникало при изменении входной информации, или появлении сигналов об изменении состояния системы. Это в значительной мере выполняют государственные органы и этого достаточно для ее стабилизации, но при желании обеспечить развитие, достичь нового состояния задача многократно усложняется. В этом случае мало обладать точными данными о состоянии среды и системы, их функциональных связях, необходимо еще в полном объеме владеть закономерностями ее развития. Здесь мы сталкиваемся с тем, что для моделирования стратегических решений в нескольких, альтернативных вариантах, и прогнозов внедрения каждого из альтернатив, для выбора оптимального политического решения (этапы 2 и 3) политические элиты не имеют четкого инструментария, формальных (математических, кибернетических)⁷⁴ и экспертных подходов к вопросу управления государством. Для прогнозирования, а значит и разработки альтернативных вариантов политических решений (воздействий на систему) с выбором оптимума недостаточно входной информации, необходима аналитическая работа с целью выявления закономерностей. В проекции на тему статьи это означает, что в распоряжении тех, кто принимает решения, должна быть система получения разработки информации. Развитие технологий, развитие информационного пространства предъявляет новые требования к развитию знаний и стратегии решений, настолько, что созданные военные, внешнеполитические и силовые ведомства, служившие ранее как раз теми аппаратами разработки альтернатив, сейчас, по сути являются механизмом формализации ведомственной информации. В этой системе политическая элита сама по себе не создает информацию, она только использует то, что доступно на момент принятия решения. Сегодня мы наблюдаем все больший крен в сторону принятия индивидуалистических решений, которые, по сути усиливают роль «решателя» в структуре политической элиты России. Это приводит к тому, что фокус внимания политической элиты сосредоточен на распоряжении каналами получения и центрами обработки данных по какому-то направлению, оставляя в стороне межве-

---

– URL: <http://www.kommersant.ru/pda/power.html?id=2164210>.

⁷⁴ См.: Соловьев А.И. Принятие государственных решений // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: www.vshu.ru/files/ec0ba.doc.

домственное взаимодействие по выработке комплексных политических решений, избегая конкурировать с вертикалью Президента РФ.

Возвращаясь к российским реалиям необходимо отметить, что большая часть политической элиты на первых трех этапах может принимать участие только в разработке узконаправленных, практически ведомственных решений (через комитеты Государственной Думы, через отраслевые ведомства Правительства РФ или сходные по функциям подразделения региональных исполнительных органов) в остальном ей доверен 5 этап исполнителей и отчасти 4-й – процедура легитимизации некоторой доли решений президентского окружения. В настоящее время эта функция носит больше символический характер за счет подавляющего партийного большинства и жесткой дисциплины внутри правящей партии. В этом заключается кардинальное отличие, например, от США, где президенту приходится немало потрудиться за легитимность решения.

Следствием фактической отстраненности от принятия политически значимых комплексных решений, к которому можно отнести модернизационный процесс, становится безответственность, разобщенность, пассивность и замкнутость элиты, что негативно влияет на качество управления отражающаяся в низкой эффективности разрабатываемых решений. Она обусловлена ограниченностью круга, допускаемого к важнейшему этапу – выбору оптимального политического решения. И здесь важно понять, насколько свободными в своем проектировании оказываются те, кто вырабатывает альтернативы политических решений. Политика по определению А.И. Соловьева в отличие от просто управленческой деятельности ориентирована на приоритетное распределение ключевых ресурсов общества в пользу «наиболее перспективных (с точки зрения властвующих) структур и совмещения их групповых интересов с общеколлективными потребностями в целях дальнейшего развития социума (общности, властвующих)»⁷⁵. Иными словами, выбор происходит в соответствии с собственными представлениями о приоритетах и пользе. Отсюда следует, что пока не изменится мировоззрение и ментальность президентского окружения, не изменятся и принципы отбора.

Сегодня мы наблюдаем, что эффективная обратная связь о результатах политического решения, в силу своей недостаточности, является объектом внимания властей всех уровней. Работают формальные ведомственные линии (успехи и провалы отрасли, экономический результат деятельности отрасли, статистические показатели) и обращения граждан

⁷⁵ Соловьев А.И. Принятие государственных решений // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: www.vshu.ru/files/ec0ba.doc.

– по сути, индивидуальные жалобы, где, зачастую, ответ формируется тем органом власти, который, по сути, допустил предмет жалобы. В данном контексте весьма прогрессивным выглядит создание Общественной палаты РФ и сети общественных палат на уровне субъектов России. Рассмотрим, каким образом она может повлиять на принятие политических решений. По действующему сегодня законодательству Общественная палата Российской Федерации проводит экспертизу законопроектов, внесенных в Государственную Думу⁷⁶. Таким образом, Общественная палата подключается к процессу принятия политического решения в момент парламентской процедуры, обеспечивающей его легитимность. Согласно предложенной схеме – это уже 4-й этап «фиксация», имеющий чисто формальный технический характер, если законопроект инициирован президентским окружением. Далее необходимо добавить, что участие Общественной палаты на 5 и 6 этапах не только разрешается, но и вменяется ей в обязанность. Таковой, например, является мониторинг исполнения указов президента. В ходе ее выполнения региональные палаты ежеквартально направляют свои отчеты и рекомендации направляются в рабочую группу при Президенте Российской Федерации. Здесь они поступают в канал мониторинга целевых показателей социально-экономического развития РФ, определенных опять же Президентом Российской Федерации. В целом, ОПРФ служит дополнительным инструментом контроля за исполнением действующего законодательства, и еще одной линией обратной связи между властью и обществом. Таким образом, Общественная палата, практически не влияя на принятие важных политических решений, повышает их легитимность и обеспечивает более высокий уровень исполнения. Последнее свойство отводит ей важное место в процессах модернизации, в целом повышая качество управления. Значение такого института может многократно возрасти, если он начнет принимать реальное участие на более ранних этапах принятия политических решений. Собственно, та же ситуация будет наблюдаться и с любым другим источником альтернативного мнения – оппозиция, СМИ, открытое правительство и пр.⁷⁷

Таким образом, для роста качества политических решений понятны

⁷⁶ См.: Экспертиза // Общественная палата Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.oprf.ru/1449/1537/>.

⁷⁷ См.: Ананских И.А., Труфанов А.Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130; Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010.

драйверы – усиление аналитической работы для формирования альтернатив и последствий выбора одного из вариантов и повышение включенности граждан в политический процесс через механизмы обратной связи. Сегодня эти вопросы решаются через подход «новая проблема – новая организация», когда под любую задачу правительство вынуждено создавать специальную организацию. Это происходит, поскольку ответственные решения может принять только узкий круг лиц, в других случаях ничего не происходит и система управления не работает в автоматическом режиме. Иллюстрацией может служить создание Агентства стратегических инициатив, которое призвано «улучшить предпринимательский климат», «ликвидировать административные барьеры» и «распространить лучшие практики»⁷⁸. Неблагоприятная ситуация в малом и среднем бизнесе, в социальной сфере привела к созданию очередной организации, которая должна все исправить⁷⁹. Очевидно, что нужная и полезная деятельность поможет интересным проектам, но не сумеет оздоровить бизнес-среду в целом. Ее состояние – есть результат действующих политических решений, а они в свою очередь – продукт имеющейся техники их принятия.

Субъекты политического класса призваны решать главную задачу – обеспечивать участие граждан в управлении государственными и общественными делами. Это служит оптимизирующим фактором управления общественными процессами, с одной стороны, условием формирования нового человека и развития его общественной активности, с другой.

---

⁷⁸ Об Агентстве // Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://asi.ru/about_agency/.

⁷⁹ См.: Исмагилов Р.Ф. Состояние и самочувствие малого и среднего бизнеса – вопрос национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 97-102; Исмагилов Р.Ф. Кадры, интеллектуальная атмосфера, малый и средний бизнес: актуальные проблемы современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 74-81; Роженцев С.В., Числов А.И. Малое и среднее предпринимательство: проблемы правовой охраны: Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2014; Роженцев С.В., Числов А.И. Органы местного самоуправления и интересы малого и среднего бизнеса: проблемы юридической ответственности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 104-119; Роженцев С.В., Числов А.И. Субъекты малого и среднего бизнеса, их интересы и правовая охрана // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 81-94; Роженцев С.В., Числов А.И. Интересы субъектов малого и среднего предпринимательства: механизм правовой охраны // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 82-93; Роженцев С.В., Числов А.И. Проблемы правовой охраны малого и среднего бизнеса: некоторые итоги размышления // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 98-108; Русских А.Ю. Предпринимательский климат в России: современные проблемы малого и среднего бизнеса // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 92-98.

На пороге XXI в. в России происходят существенные изменения во всех сферах – политической, экономической, социальной. Развивается взаимодействия центра и регионов, гражданского общества и органов государственной власти и местного самоуправления; формируются новые институты гражданского общества, принимающие активное участие в политическом процессе.

Политический процесс в России отличается рядом особенностей, среди которых следует отметить недостаточную разветвленность политики и экономики, социальных и личных отношений, отсутствие необходимого консенсуса между участниками политической жизни по ключевым вопросам.

Участие институтов гражданского общества в политическом процессе является саморегулируемым; принимаемые решения являются анонимными, что ведет к «коллективной ответственности», а фактически высокая концентрация политической власти и правящей элиты ведет к формированию в обществе радикальных движений, а не политических оппонентов.

Степень институционализации и характер существующих политических институтов и институтов гражданского общества свидетельствует об уровне развития политического процесса и типе общества. О масштабах развития институтов гражданского общества в России, вызвавшего процесс самоорганизации населения и участия данных институтов в политическом процессе свидетельствуют данные Министерства юстиции. В первой половине 1990-х годов в Министерстве юстиции Российской Федерации было зарегистрировано свыше 2000 общественных объединений общероссийского уровня. В настоящее время в России на 1 января 2015 года зарегистрировано 101847 общественных объединений, из них 90155 некоммерческих организаций⁸⁰. В том числе создаются и организовываются молодежные движения, принимающие активное участие в политическом процессе страны. Большая часть молодежи принимает активное участие в мероприятиях, проводимых на Селигере, митинги в Москве, качество переписи населения страны, агитация кандидатов в выборах; главное, чтобы молодежь осознавала свои действия, в какую сторону они направляют свое участие. Большая часть молодежи идет на митинг и участвует в столкновениях, в экстремистских демонстрациях, не понимая сути проблемы, не осознавая последствий принятого ими решения.

Так, например, прошедшая националистическая акция в Москве 2011 г.

---

⁸⁰ Число общественных объединений и организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на 1 января 2015 г. // Российский статистический ежегодник. – 2015.

повлекла за собой разжигание межнациональной розни по различным регионам. Граждане перестали ощущать справедливость закона, его действенность независимо от должностей. Проводимые во многих регионах конференции органов государственной власти совместно с органами безопасности выявили необходимость проведения как можно больше общероссийских, международных мероприятий по объединению общества и противостоянию межнациональным розням и экстремизму⁸¹.

«События последних дней показали, что несанкционированные митинги, демонстрации, пикеты, даже посвященные вполне безобидным или мемориальным мероприятиям, событиям, могут приобретать радикальную направленность, нарушать права и свободы граждан, угрожать в массовом порядке жизни и безопасности людей. Поэтому в соответствии с уже данными мною указаниями такого рода несогласованные мероприятия должны жестко пресекаться, а при неподчинении лиц, которые в них участвуют, властям, их участники подлежат безусловному задержанию»⁸².

Следует отметить, что молодежь воспринимает потасовки и возможность поучаствовать во время митинга в драках за участие в политическом процессе и реальное выражение своей воли, возможность изменить решения власти. Однако это совсем не так. Остальная часть молодежи предпочитает участвовать в политическом процессе, являясь членами политических партий, общественных организаций, деятельность которых направлена только на созидание общества, но ни как не на его разъединение, и во многих регионах это дружинники, волонтеры, оказывающие огромную помощь и поддержку органам власти и обществу. Благодаря активной молодежи решаются затянувшиеся на годы проблемы. Ими также поднимаются острые проблемы, но они их решают мирно с органами государственной власти и местного самоуправления без фактов экстремизма. Россия – многонациональный народ, и здесь надо поднимать уровень терпимости. Об этой части общества, стремящейся решать проблемы в рамках закона, можно сказать: они – патриоты своей Родины.

Согласно социологическим опросам, проводимым Социологическим центром Российской академией государственной службы при Президенте РФ совместно с Минобрнауки России, среди россиян 20 регионов показали, что за три последних года число тех, кто сам себя считает «патриотом

---

⁸¹ См.: Фалаев М. Безопасность в режиме ОНЛАЙН // Российская газета. – 2010. – 16 декабря С. 5.

⁸² Совещание Президента РФ Д.А. Медведева о дополнительных мерах по обеспечению правопорядка [Электронный ресурс]. – Рязань, 2010. – Режим доступа: www.kremlin.ru

России», выросло с 78,8 % до 84,3 %. В «не патриотах» числит себя каждый десятый. Очень способствует патриотическому настроению наличие высшего образования у молодёжи, количество которой составляет 89,5 %.

Для россиян патриотизм – это любовь к Родине, преданность своей стране, готовность к самопожертвованию ради нее, бережное отношение к культуре и природе. Многие не приемлют и не хотят благосклонно относиться к людям, которые стремятся противопоставить свои традиции и культуру, свой народ и государство другим культурам и народам. Однако в России любовь и патриотизм к Родине проявляется очень резко и не во благо самой Родине и гражданскому обществу. Патриотами можно назвать только людей старшего поколения, прошедших не только войну, но и имеющих уважение друг к другу, имеющих терпимость друг к другу, готовых прийти на помощь соседу и днем, и ночью, независимо от уровня его экономической составляющей⁸³.

В то же время проявлять толерантность, не изменяя своей вере, обществу очень тяжело. Религия является влиятельным политическим инструментом, используемым властью и оппозицией⁸⁴. Для самой религии вопрос ее политизации всегда очень щекотливый, однако, все мы понимаем, что и общество, и церковь ежедневно участвуют в политическом процессе своей

---

⁸³ См.: Жизнь и победа. Герой Советского Союза Ашик Михаил Владимирович. Страницы биографии. – СПб., 2015; Лапина Н.В., Моргунев В.Я. Формула доброты. Документально-художественная книга. – М., СПб.: Фонд «Университет», 2015; Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9; Чагин Г.В., Кубарев А.Г. Чагины. 600 лет на службе России. – М.: Буки-Веди, 2015.

⁸⁴ См.: Безносова Я.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Нетрадиционные религии в России и их роль в межконфессиональном диалоге (историко-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10(77). – С. 95-97; Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Влияние религиозно-нравственных ценностей на формирование правосознания современного юриста // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 4-2 (33). – С. 86-89; Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191; Мигунова Т.Л., Романовская Л.Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3-2. – С. 147-150; Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18; Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.

страны, встречаясь с министрами, «служит в армии», реализует национальную идею, создает социальную концепцию. Утверждение интересов Русской православной церкви и политических ценностей, которые она стремится привить обществу, переплетаются, этому не чужды и другие религиозные организации, только ислам не может существовать без политики и минуты.

Религиозные организации являются участниками политического процесса своих государств, они реагируют на глобализацию, их взаимоотношения являются составляющей частью общественно-политической жизни, отношений между странами и народами.

Уход от противостояний, межнациональной и религиозной розни лежит во взаимной терпимости⁸⁵. Это не значит стремление к сближению; толерантностью выступает лояльность к лицам иного вероисповедания, незаграивание религиозных тем⁸⁶.

Российская Федерация является одним из крупнейших полиэтнических государств мира, которое сложилось на федеративной основе и в котором сегодня проживают представители 182 этнических общностей. Нас объединяет общий государственный язык, российская культура, вобравшая в себя культурные традиции всех народов, у нас есть общие духовные черты – те, что определяют самобытность российской цивилизации. Мы, граждане России, являем собой российскую нацию, от гражданского единства которой во многом зависит наше будущее. При этом культурное многообразие всегда являлось важным фактором конкурентоспособности нашего государства, мощным ресурсом развития страны, об этом свидетельствует весь исторический опыт России.

Обладея уникальным этнокультурным и религиозным многообразием, Россия на протяжении столетий сохраняла межэтнический, межрелигиозный мир, поддерживала баланс интересов различных этнокультурных сообществ. Однако Россия существует не в изолированном пространстве, и мировой тенденцией является обострение межэтнических противоречий, рост нетерпимости даже в тех странах, которые достигли высокого качества жизни. Это происходит, в том числе, и на фоне нарастания миграционных потоков. Всё это свидетельствует о том, что не только экономическое благосостояние общества определяет гармоничность межэтнических отношений⁸⁷.

⁸⁵ См.: Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.

⁸⁶ См.: Малашенко А. Религия как политический инструмент используемый и властью, и оппозицией // Независимая газета. – 2010. – 7 декабря. С. 15.

⁸⁷ См.: Выступление губернатора Ростовской области В.Ю. Голубева на заседании

Еще одним из главных участников политического процесса и защитника гражданского общества являются Средства массовой информации (СМИ), которые определяют уровень развития культуры, формируют новую идеологию и главную линию развития цивилизованных стран⁸⁸. Нельзя говорить, что только СМИ формируют направление развития страны, но они также являются основным источником его укрепления или препятствием к его быстрому развитию. Ведь общество узнает о проблемах и обмане, с которыми они могут столкнуться в той или иной ситуации или организации благодаря СМИ. Так, предупреждение о попытках создания новой финансовой пирамиды является одной из форм защиты общества. Летом 2010 года пожар принес горе огромному количеству граждан, однако СМИ через Интернет объединило граждан для помощи людям, попавшим в беду, а государство благодаря СМИ оповещало население о выделяемых компенсациях пострадавшим при пожарах, принимаемых мерах по их защите и ликвидации последствий.

Таким образом, институты гражданского общества являются составной частью политического процесса, вовлекая в политику части общества, ранее находившиеся в стороне от происходящих в стране преобразований, отчужденные от государства и региональной власти, где принимаются решения по проблемам, касающимся непосредственно данных категорий граждан. Возможности реализации институтами гражданского общества своего потенциала многогранны, особенно когда это происходит в союзе с региональными и муниципальными органами власти, во взаимодействии с другими общественными организациями и ассоциациями, некоммерческими структурами, органами государственной власти, что, несомненно, будет способствовать модернизации российского общества.

Вместе с тем нерешенным остается вопрос недоверия граждан к политическим институтам общества. Отсутствие доверия у граждан к политическим институтам на постсоветском пространстве остается в ряду феноменов, наиболее пристально изучаемых политологами. Общесистемный кризис на протяжении двадцати лет, перерастающий в конфронтацию

президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kremlin.ru.

⁸⁸ См.: Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129; Никодимов И.Ю. Место и роль средств массовой информации в механизме реализации информационно-коммуникативной функции государства // Инновации и инвестиции. – 2014. – № 8. – С. 148-150; Федякин И.В. Государственное телевидение, как инструмент государственной информационной политики: политологический анализ российского и зарубежного опыта. – М.: МГУ, 2009.

власти и общества, означает, что важнейшие составляющие социума пришли в такое взаимное несоответствие, что разбалансированность системы не устраняется без кардинального изменения существующего социально-экономического строя. Формализация политических институтов, их непризнание гражданами и неспособность в полной мере влиять на них может привести к кризису политической системы.

Вопросами недоверия к политическим институтам занимаются как иностранные ученые (У. Бек, П. Розанваллон, Ф. Фукуяма), так и исследователи с постсоветского пространства (Г.А. Бериулава, О.А. Гаман-Голутвина, В.Я. Гельман, В.П. Мартъянов). Они исследуют основные принципы функционирования политических институтов, а также причинно-следственную связь недоверия к ним со стороны общества. Изучением тенденций ретрадиционализации занимаются такие ученые, как В.А. Ачкасов, С.Г. Карамурза, С.Я. Матвеева и др. Ими проводятся исследования, посвященные изучению развертывания ретрадиционализации, сравнению основных ценностей традиционного и модернизационного обществ, способов их взаимодействия и возможностей совместного сосуществования.

Автор ставит цель – проанализировать феномен недоверия к политическим институтам как стимул к развертыванию тенденций ретрадиционализации.

В трансформационный период растущий уровень недоверия населения к институтам государственной власти вызван отсутствием четкой политики и стратегии правления, которая была бы понята и принята гражданами. Власть разрабатывает планы и стратегии не для населения, а для внешних доноров, у которых правительство просит денег. К тому же на пути евроинтеграции, выбранной преимущественным количеством стран как приоритетный вариант развития у большинства постсоветских государств, руководящие структуры забывают о том, что такого рода программы должны быть приняты не европейскими партнерами, а населением.

Из-за отсутствия нормального общения с населением, люди попросту перестают считать институты власти важными участниками собственной жизни. Вследствие чего уровень доверия к ним падает и население начинает решать свои проблемы самостоятельно.

В государствах СНГ наряду с повсеместно нарастающим экономическим кризисом ощущается и то, что можно назвать кризисом разочарования: глубокое недоверие большей части граждан к истеблишменту, основным политическим партиям и многим государственным институтам, усталость и отвращение, вызываемые невыполненными обещаниями поли-

тиков и заметным уровнем коррупции⁸⁹.

В условиях существующих вызовов следует выделить несколько опасных тенденций, которые могут спровоцировать кризис государственности на постсоветском пространстве⁹⁰.

Во-первых, в переломные моменты, когда власть неспособна справиться с нарастающими проблемами и вызовами населения относительно экономической, политической и социальной неудовлетворенности существующим положением, оппозиционные силы выходят на первый план, тем самым завоевывая с помощью обещаний «о лучшей жизни» доверие граждан. Таким образом, вскоре наступает так называемый синдром «спасителя», когда недовольство существующей властью приводит к чрезвычайно высокой поддержке оппозиции, которая одерживает на выборах непропорционально триумфальную победу. Но в условиях затяжной политической и экономической трансформации возникает некий парадокс. В отличие от «стандартных» устоявшихся демократий, когда падение популярности правительства сопровождается ростом рейтинга оппозиции, в государствах постсоветского пространства данный факт встречается все реже и оппозиция не опережает, а иногда даже отстает от партии власти. Более того, как свидетельствует опыт, «спасители» обычно не спасают и быстро теряют поддержку, поскольку взятый ими на вооружение популизм противоречит непростым социально-экономическим реалиям постсоветских стран, и разочарование избирателей становится неизбежным. Следовательно, с обманутыми надеждами электорат уходит не к какой-то политической силе, а «в никуда» – в апатию. Это состояние, однако, не может длиться вечно и, как показывает история (украинская, венгерская), нередко заканчивается социальным взрывом.

Во-вторых, противоречивость высказываний и действий. Как отмечают

---

⁸⁹ См.: Мартьянов В. Падение публичной политики в России // Свободная мысль. – 2006. – № 5. – С. 5-18.

⁹⁰ См.: Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117; Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34; Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2004; Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.

восточноевропейские политологи⁹¹, декларируемые демократические ценности, которые являются основой программы большинства политиков, стремящихся к власти, получению наивысших государственных постов, после достижения цели уходят на второй план. Для большего контроля над населением они пытаются понемногу сокращать пространство гражданских свобод, заодно подрывая систему сдержек и противовесов, на которых основана любая демократия.

В-третьих, период преувеличенных общественных надежд, связанных с падением коммунистических режимов и последующей ускоренной интеграцией большей части стран региона в ЕС, остался в прошлом. Доказательством служат приведенные выше ситуации, с которыми уже сталкивались государства. Также до настоящего момента до сих пор непреодолен разрыв в уровне жизни, состоянии общественных и государственных институтов между странами СНГ и Западом, и это явно надолго⁹².

Однако с другой стороны население (в особенности это касается стран Восточной Европы) уже чувствует себя неотъемлемой частью западного мира, а потому склонно оценивать поведение своих элит по меркам развитых демократий, и результаты сравнения часто вызывают недовольство, поскольку бюрократический аппарат, привыкший играть по старым правилам, отказывается по факту осуществлять вводимые ими самими же нововведения. Ведь большинство из них переключают доступ к ресурсам, прежде всего силового и фискального характера.

В-четвертых, несмотря на 20-летний период внедрения и формирования демократических принципов на постсоветском пространстве, некоторые детали этого механизма работают с большими недочетами. Это, прежде всего, судебная система, во многих случаях зависящая от разного рода политических интересов и лоббизма влиятельных групп и лиц. Роль лоббистских контор порой выполняют политические субъекты, созданные политически амбициозными предпринимателями, и после выборов часто входящие на некоторое время в состав правящей коалиции⁹³. В результате у граждан возникает ощущение кризиса демократии как таковой, хотя речь идет скорее лишь об окончании первого этапа ее развития, когда встает

---

⁹¹ См. Косолапов Н. Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости // Pro et Contra. – 2003. – Том 8. – № 2. – С. 18-31.

⁹² См. Гельман В.Я. Возвращение Левиафана. Политика децентрализации в современной России // Политические исследования. – 2006. – № 2. – С. 90-107.

⁹³ См. Автономов А.С. Азбука лоббирования. – М.: ИРИС. 2004. – 264 с.; Белоусов А.Б. Лоббизм как политическая коммуникация. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005; Лоббизм в федеральном парламенте России // Парламентское право России: Учебник / Под общ. ред. О.Н. Булакова. – М.: Эксмо, 2006. – С. 421-475.

вопрос о том, как вернуть демократическим институтам их полноценный характер.

В-пятых, недоверие власти и граждан сопряжено с базовыми и ментальными проблемами, которыми поражено общество. Это, прежде всего, иждивенчество самих граждан, неспособность к самоорганизации, конструктивной самореализации.

Обыватель порой не только не желает участвовать в общественной жизни, но даже не стремится знать и изучать свои права. В связи с этим он нередко становится жертвой в отношениях с другими гражданами. Здесь есть некое наследие эпохи, когда людей приучили к тому, что за них все решает государство, все сделает государство, а от их мнения вообще мало что зависит. «И в этом, – по мнению министра юстиции РФ А.В. Коновалова, – конечно, есть большая вина самого государства. Мы не можем этим пренебречь, – продолжает он, – просто забыв об этом и посоветовав людям самим разобраться с этими проблемами»⁹⁴.

Нельзя забывать о патернализме власти, когда власть рассуждает о необходимости формировать правовое государство, но при этом крайне заинтересована в невежестве самих граждан для использования их в своих целях. Следует отметить и прецеденты выборочного правосудия, а также принятия удобных для власти законов даже на короткий период времени и в отдельных регионах. Таким образом, беззаконие представляется в качестве законов, причем утвержденных судом и выведенных в публичную сферу.

Дополняя предыдущий пункт, следует отметить еще одну составляющую ментальных проблем – это репрессивность мышления. Потому что если проблемы не решаются и граждане фактически становятся заложниками поведения власти и не готовы к конструктивному диалогу (а власть заинтересована в этом, она культивирует иждивенчество граждан и собственный патернализм и, как результат, свое собственное иждивенчество), то возникает необходимость найти виновного в неразрешенных проблемах. И тогда, как отмечал член Общественной палаты Российской Федерации О.В. Зыков, автоматически начинается «раскручиваться маховик» поиска виновных. Причем в данный список попадает все больше людей из разных слоев. В конечном итоге и сама власть оказывается в ситуации, в которую сама себя загоняет, тем самым попадая в собственную

---

⁹⁴ Лекция министра юстиции Российской Федерации А.В. Коновалова. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 63-64.

ловушку. Данный процесс сопровождается поиском пороков у власти, которые необходимо искоренять. И в итоге, граждане остаются с неразрешенной проблемой, поскольку в качестве способа устранения конфликта и наведения порядка они используют диалог с властью, причем исключительно в демагогическом режиме (мы встретимся, поговорим, и диалог образуется)⁹⁵.

К тому же, необходимо констатировать тот факт, что граждане, в большинстве своем, убеждены, что ответственность за будущее лежит на государстве. И до сих пор не готовы разделить эту ответственность даже с теми, кому они делегировали свое право определять курс на будущее. Люди и государство в нынешней ситуации оказались абсолютно идеологически не связаны. Институциональная связь между государством и обществом должна осуществляться элитой, которая выступает в роли посредника. И вот этой связи в большинстве государств постсоветского пространства сегодня нет. Политические элиты, которым граждане делегировали свои полномочия, выступают не посредником, а промежуточным звеном. Причинами сложившейся ситуации выступают: клиентарно-патронажные отношения и связи в структурировании политико-экономического процесса, а также пространства реальной политической борьбы; рентоориентированность политических элит, которые для достижения своих экономических целей используют политические возможности слияния власти и собственности; личное пользование государственно-административными ресурсами с целью подавления политического сопротивления и устранения экономических конкурентов. В данном случае для преодоления взаимного недоверия государства и общества необходимо в качестве основного критерия для отбора политических элит выдвигать не только идею, а прежде всего конкретного человека (на основе его личных качеств), который внутренне ее разделяет, а значит, является представителем элиты, реализовывающей декларируемую государством и поддерживаемую обществом национальную стратегию.

Роль элиты в установлении и поддержании взаимного доверия между властью и обществом переоценить невозможно. Элита располагает определенными возможностями влияния на общественные процессы. И эти люди должны понимать, что государство – их общее достояние с народом. И без здорового общества не может быть государства. И их забота об обществе, которое состоит не только из элиты, обладающей этими самыми возможностями, безусловно, необходима.

⁹⁵ См. Берулава Г.А. Стиль индивидуальности: теория и практика: Учеб. пособие. – М.: Педагогическое общество России, 2007.

Такую заботу, например, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин называет служением. «Люди, обладающие возможностями, – *считает он*, – должны быть наделены еще и духом служения – государству, народу. А также здравым смыслом, который говорит им о том, что нельзя рубить сук, на котором сидишь. Нельзя дискредитировать институты, которые тебе же нужны. Потому что завтра эти дискредитированные институты перестанут работать. А послезавтра ты окажешься в среде, лишенной всяческой институциональности, и будешь растерзан возмущенными толпами. Притом, что эти толпы породило твое желание подрывать доверие к тому, что тебе не нравится. К тому или иному институту, государству в целом и так далее»⁹⁶.

Профессор В.Д. Зорькин, сославшись на великого английского ученого Томаса Гоббса, который говорил об опасности войны всех против всех, подчеркнул при этом, что даже говоря об этой войне, Гоббс не имел в виду той особо опасной разновидности войн, которую ведут люди, подрывающие доверие ко всему и вся, и совсем не представляющие, чем это для них обернется завтра.

У нас в Отечестве, увы, такое недопонимание еще существует. И понятно, какую природу оно имеет. «К сожалению, в нашем обществе людьми, – *обращает внимание В.Д. Зорькин*. – обладающими возможностями влияния, зачастую являются эгоцентрики, наделенные блестящими способностями к ситуационному реагированию, но начисто лишенные всего того, что должно дополнять этот дар. А дополнять его должны такие эгоистические разумные рефлексы, как способность приподняться над своими сиюминутными интересами, способность заглянуть вперед и так далее. А также альтруизм, порождающий сострадание и солидарность. Совершенно очевидно, что без альтруизма не может быть устойчивой никакая элита, никакая институциональная среда, никакое общество. Все-таки нужны институты а не качество элиты»⁹⁷.

Определенная часть элиты обладает и интеллектом, и волей, и неиссякаемым стремлением к наживе. Вместе с тем у нее, к несчастью, плохо обстоит дело с солидарностью и состраданием. Это, безусловно, вызывает тревогу. Ситуацию необходимо исправлять, в противном случае невозможна стабильность в обществе, как и взаимное доверие между властью

---

⁹⁶ Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. С. 33.

⁹⁷ Там же. С. 33-34.

и обществом. Вопрос об общественном доверии должен быть поставлен во главу угла. Важно понимать источники доверия, механизм его защиты и придавать ему политическое, философское, правовое и психологическое наполнение.

В свете вышеприведенных тенденций, которые вызывают кризис государственности на постсоветском пространстве, логичным будет констатировать тот факт, что формальные институты постепенно нивелируются и обесцениваются, теряя легитимность (популярность и признание) у простого гражданина, даже такие сферы, как образование и здравоохранение. Они также государственные институты, но люди все больше стали обращаться в частные клиники, и при любой возможности отдают ребенка в частные учреждения. Есть недоверие к государственным институтам и к самому государству. Потому и распространяются тенденции ретрадиционализации, когда возрождаются традиционные институты. Все сферы на поверхности страны действительно показывают признаки системного кризиса, но тем самым укрепляются институты семьи и брака, ведения хозяйства, традиционные культурные ценности, историческая память.

Кроме того, как отмечают исследователи-транзитологи, труднее всего проследить процесс модернизации социальных отношений, общественного сознания, изменения их «качества» в обществах, находящихся на этапе трансформации. В целом предполагается, что в традиционном обществе социальные отношения обладают такими признаками, как латентность, эмоциональность, коллективность, безальтернативность, ориентированность на прошлое. Модернизирующееся же общество получает постоянное приращение открытости, рациональности, индивидуальности, избирательности, ориентированности на личный успех, осознанные формы солидарности и т.д.⁹⁸

Однако следует отметить, что сегодня в постсоветских государствах происходит возрождение традиционных культурных ценностей, но не в чистом виде, а в рамках приспособления к современным условиям как некий усредненный вариант модифицированных национальных ценностей⁹⁹.

---

⁹⁸ См. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-традиция, 2000.

⁹⁹ См. Бобоева Н.И. Эволюция государственной власти в историческом Таджикистане (IX – XIV вв.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2014; Зоиров Д.М. Таджики. От государства Саманидов до суверенной государственности. (Историко-правовой анализ). – СПб.: Реноме, 2014; Зоиров Д.М. Таджикистан: От государства Саманидов до суверенной государственности. – Душанбе: Деваштич, 2003; Зоиров Д.М. Граф Алексей Алексеевич Бобринский и его произведение

В современном мире, охваченном процессами глобализации¹⁰⁰, тенденции ретрадиционализации несут оздоровительный характер в контексте возрождения национального государства, традиционных ценностей, обеспечивающих мирное сосуществование, уважение друг друга и почитание граждан, борьбы с утратой национальной и культурной идентичности.

Но не стоит забывать и о негативных проявлениях. В условиях ретрадиционализации, как правило, формируется политическая система «замкнутого» типа. Попадание в политическую элиту базируется на системе рекрутирования по принципу «из своих». Различные политические группировки и кланы, формирующиеся по региональному, родственному признаку, на основе личной преданности, подчеркивают весьма отстраненную политику власти по отношению к народу, тем самым блокируя попадание обычных граждан в свой круг. Следствием чего является проявление коррумпированности и неэффективности власти на всех уровнях.

Также общее направление происходящих процессов, которые характеризуют большинство постсоветских государств, заключается в том, что они провозгласили себя светскими государствами при сильных авторитарных тенденциях и торможении формирования демократических принципов. Отказ руководства от компромиссов, основанный на неспособности общества к позитивной самоорганизации, способствует дискредитации парламентских форм политической деятельности.

Подводя итоги, необходимо выделить главные моменты. Примерно за два десятилетия независимости в странах постсоветского пространства устойчивая система политических институтов не появилась. Политическая борьба между политическими институтами велась не с целью повышения благосостояния населения, а для получения собственной выгоды в виде политических и экономических дивидендов. Несоответствие заявлений и действий основных политических акторов формировало апатическое настроение в обществе, которое, в конечном счете, приводило иногда и к социальному взрыву. Неспособность к самоорганизации и самореализации

«Орнамент горных таджиков Дарваза» // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 11-21.

¹⁰⁰ См. Кондрат Е.Н. Глобализация: понятие, сущность и основные процессы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 97-109; Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006; Эбзеев Б.С. Глобализация и современный конституционализм: два вектора развития // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 7-16.

граждан привела к невозможности установления конструктивного диалога между властью и обществом. А также неготовность граждан брать на себя ответственность за управление государством, непричастность к политическому процессу, и как следствие, неосознанное делегирование власти политическим элитам, сформированным по кланово-олигархическому принципу, привело к коррумпированности и неэффективности власти на всех уровнях.

Таким образом, совместное бездействие либо же действие, основанное на конфронтации власти и общества, привело к кризису государственности на постсоветском пространстве. Даже в условиях усиления авторитарных тенденций, при всей полноте власти президента одного только политического ресурса недостаточно для того, чтобы консолидировать общество. Поэтому политические институты утратили свою легитимность и начали обретать все большую популярность тенденции ретрадиционализации. Базовые традиционные ценности и институты вновь начали укрепляться в обществе, вытесняя политические на второй план. Для стабилизации политической обстановки, дальнейшего развития политических систем и успешного завершения трансформации на постсоветском пространстве необходимо реформирование всех политических институтов и государственных структур.

1.3. Типизация субъектов политического класса: методологический аспект

Структуризация политического класса основана на понимании политической системы как «механизма интегрированного выражения политики и власти, обеспечивающего управление и регулирование общественно-политической жизни общества, его единство»¹⁰¹. При этом политическая система характеризуется структурной целостностью и иерархичностью построения и выражает целевое и функциональное объединение частей, обладающих большой степенью автономности.

Политический класс представляет собой определенную систему политических субъектов, которые выступают ключевым элементом политической системы, придавая ей структурную целостность и иерархичность построения. Политические субъекты играют определяющую роль в общественно-политических процессах при формировании системы взаимодействия с иными общественными субъектами.

---

¹⁰¹ Тихомиров Ю.А. Субъекты советской политической системы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1981. – № 5. – С. 4.

Политический класс современной России молод – он существует не более двух десятков лет. В Советском Союзе политическое управление было подменено административно-бюрократическим, поэтому нынешний российский политический класс не имеет генетического преемства с классом советской номенклатуры, хотя многие действующие политики начинали свои карьеры в советские времена – в партаппарате, комсомоле, КГБ, структурах Академии наук и др.

Политический класс и политические институты в России сформировались буквально в последние два десятилетия – постепенно появлялись парламент и депутаты, политические партии и независимые профсоюзы, всенародно избираемый президент и назначаемый премьер-министр, Конституционный суд и система арбитражных и административных судов, рыночная экономика и ее институты, а также политтехнологи, политические эксперты, кафедры политологии, кандидаты и доктора политических наук. И еще: на смену немногочисленным советским политобозревателям пришло новое профессиональное сообщество – журналисты, специализирующиеся на политической тематике. Ничего этого в СССР не было, хотя политологическими (или околополитологическими) исследованиями в советские времена можно было заниматься в рамках некоторых идеологизированных научных дисциплин (история КПСС, новая и новейшая история, научный коммунизм, прикладная социология, международные отношения, конституционное право, теория государства и права, история политико-правовых учений).

Существующий на данный момент в России политический класс можно подразделить на три больших структурообразующих сообщества – в зависимости от степени их влияния на выработку и принятие политически значимых решений. Во-первых, это политики и государственные чиновники, непосредственно принимающие политические решения. Разумеется, их влияние может быть как реальным, так и номинальным. Они могут быть как публичными, так и непубличными, как назначаемыми, так и избираемыми. Особенностью российской политической системы является моноцентризм власти, отсутствие реального разделения властей, перекокс в сторону доминирования исполнительной ветви власти над законодательной, отсутствие полиархии и уничтожение любых ее предпосылок действующей властной элитой. К высшему эшелону этого сообщества следует причислить президента, премьер-министра, федеральных министров, депутатов Государственной Думы и Совета Федерации, судей Конституционного и Верховного судов, губернаторов (глав регионов), руководство провластных политических партий, а также верхушку силовой элиты.

Во-вторых, это представители групп интересов, прямо влияющие на выработку и принятие политических решений. Прежде всего, это корпоративные элиты – крупные и средние предприниматели, олигархи, топ-менеджеры больших корпораций, а также влиятельные и авторитетные в деловой среде фигуры, не имеющие формального статуса. Сюда же уместно отнести и политическую контрэлиту, не включенную в систему государственной власти, но оказывающую влияние на политический процесс, – лидеров оппозиционных непарламентских партий, общественных движений и независимых профсоюзов. К тому же слою можно причислить и глав традиционных для России религиозных конфессий, в первую очередь патриарха Московского и Всея Руси. Вместе с тем та роль, которую в последние годы играет патриарх в общественно-политической жизни страны, дает основания включить его и в число лиц, непосредственно принимающих политические решения¹⁰².

В-третьих, это представители социально и гуманитарно ориентированных интеллектуальных профессий, обеспечивающие политический процесс и косвенно влияющие на выработку и принятие политических решений. Это экспертное сообщество – научные работники в сфере общественных дисциплин (социологи, политологи, юристы, философы, психологи, экономисты), сотрудники аналитических организаций, рекламных и PR-агентств, политтехнологи, собственники и главные редакторы СМИ, политические журналисты (как штатные, так и внештатные), пресс-секретари и сотрудники пресс-служб политиков, политических партий, государственных органов и корпораций.

Эти люди располагают определенными возможностями влияния на население, на политику государства и общества. Они нередко становятся лидерами общественного мнения, в том числе и хозяевами газет и телеканалов. Указанные лица, по мнению профессора В.Д. Зорькина, «понимают, что государство – их общее достояние. Понимают они и то, что без здорового общества не будет государства. И потому забота об обществе, состоящем не только из тех, кто обладает этими самыми возможностями, категорически необходима»¹⁰³.

---

¹⁰² См. Патриарх Кирилл: «Церковь не выступает против свободы слова» // Слово Патриарха Кирилла на заседании высшего церковного совета 12.10.2012 года (точка доступа: http://actualcomment.ru/patriarkh_kirill_tserkov_ne_vystupaet_protiv_svobody_slova.html (дата обращения: 24.04.2015 года); Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день памяти мученицы Тагианы после Литургии в Храме Христа Спасителя г. Москвы (точка доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3958136.html> (дата обращения 27.04.2015)).

¹⁰³ Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации

Таким образом, с точки зрения участия в выработке и принятии политических решений политический класс можно представить в виде системы концентрических окружностей: в центре находятся те, кто непосредственно принимает политические решения; на ближайшей орбите – те, кто эти решения лоббирует и инициирует, но не имеет возможности непосредственно принимать; на отдаленных орбитах – те, кто эти решения инспирирует, вырабатывает, анализирует, публично и кулуарно обсуждает, а также пропагандирует в масштабах всего информационного пространства.

Как видим, понятие политического класса шире, чем понятие политической элиты: к политическому классу уместно причислить всех тех, чья профессиональная деятельность связана с политическим процессом, тогда как политическая элита – это ядро политического класса (состоящее прежде всего из бенефициаров политического процесса), вокруг которого вращаются все остальные.

К первому типу политических субъектов относятся субъекты, функционирующие в сфере политики. Такими субъектами выступают политические лидеры, политические партии, органы власти и управления. Особо в этом ряду следует выделить таких субъектов как органы власти и управления, которые включают в себя органы государственной власти федерального и регионального уровня и органы местного самоуправления, чье особое положение обусловлено той степенью влияния, которое они оказывают на политический процесс.

Первый тип политических субъектов составляет институциональный элемент политической системы общества, наряду с функционально-целевым (политическое целеполагание, властно-политическая интеграция общества, упорядочение режима социально-политической деятельности, обеспечение целостного управляющего воздействия на общественные процессы); нормативным (право, мораль, нормы общественных организаций, обычаи, традиции) и коммуникативным, выражающим системообразующие связи между подсистемами и элементами, между политической системой и другими подсистемами общества¹⁰⁴. Данные политические субъекты представляют собой своеобразный «мозговой центр», они наиболее динамичны и определяют содержание, использование, развитие других подсистем и элементов политической системы, имеют социальную

В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 33.

¹⁰⁴ Тихомиров Ю.А. Субъекты советской политической системы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1981. – № 5. – С. 4.

природу, производную от природы общественных субъектов, которые наделены определенным политико-правовым статусом, но не являются непосредственными субъектами политических отношений без опосредующих их деятельность организаций, выражающих их волю.

Основные политические субъекты являются агентами политического манипулирования. Политическое манипулирование можно определить, как скрытое ненасильственное управление политическим сознанием и поведением людей с целью побудить их действовать (или бездействовать) в интересах политика. Субъектом политического манипулирования является небольшая группа людей – политическая элита, обладающая особыми ресурсами – социальным капиталом для оказания воздействия на остальных.

Следует иметь в виду, что в политике, как и в любой иной сфере социальных отношений, нет постоянного социального статуса субъекта манипулирования. Субъектами политического манипулирования являются не только отдельные персоны, наделенные каким-либо статусом, но и элитарные группы (в том числе, парламентские партии).

Возможность манипулировать другими людьми заложена, в том числе, в социальном статусе субъекта. Так, аскриптивный статус сам по себе уже дает такую возможность. Склонность к манипулированию, как правило, подкрепляется возможностью манипулировать. Возможность, в свою очередь, определяется принадлежностью к правящему классу и доступом к механизмам власти. Так, Т.И. Заславская называет правящей элитой политиков, «занимающих высшие государственные посты, верхнее звено бюрократии и бизнес-элиты»¹⁰⁵. О. Крыштановская дает такую характеристику элите: «...это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса. Элита стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня. Элита не только правит обществом, но и управляет политическим классом, а также создает такие формы организации государства, при которых ее позиции являются эксклюзивными»¹⁰⁶.

«Переход» субъекта политической элиты в субъект политического манипулирования проявляется в изменении социального поведения. Прежде всего, перед субъектом манипулирования возникает цель, которая

---

¹⁰⁵ Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации: Учеб. пособие; Моск. высш. шк. социал. и экон. наук. Интерцентр. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Российской Федерации: Дело, 2004. С. 288.

¹⁰⁶ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. С. 73.

поддерживает сверхмотивированное поведение. Сверхмотивация и внешние стимулы приводят к формированию следующих черт поведения: 1) рационализация; 2) высокая динамичность; 3) концентрация внимания ко всем вопросам, связанным с достижением цели; 4) изменение структуры ценностей; 5) стремление к общению с конкретными субъектами, от которых зависит достижение цели; 6) демонстративное обращение к общественному мнению; 7) повышенное внимание к формированию необходимого имиджа.

Политическая, или правящая элита, выступает в качестве социальной базы для формирования субъектов политического манипулирования. А манипулирование в политической сфере представляется естественным для данной социальной группы поведением и способом достижения цели.

С нашей точки зрения, всех субъектов политического манипулирования можно разделить на три группы.

Первая группа, которую мы выделили как субъекта манипулирования, формируемого на базе политической элиты, – бизнес-элита. Мы будем использовать термин «бизнес-элита» «для обозначения группы крупных бизнесменов, вовлеченных в политический процесс»¹⁰⁷, а также таких субъектов манипулирования, которые непосредственно своей коммерческой деятельностью или опосредованно от нее способны оказывать влияние на политические решения. На формирование бизнес-элиты влияет социально-экономическая ситуация, которая во многом определяет цели и способы манипулирования.

Как известно, элита является закрытой социальной группой, однако в истории возникают периоды, когда происходит ее обновление. В российской истории такое обновление приходится на 90-е годы. В этот момент появилось множество работ, посвященных приходу новой элиты и формированию нового бизнес-класса¹⁰⁸. По мнению О.В. Крыштановской, экономика России базируется на крупных финансово-промышленных группах с превалярованием финансового капитала над промышленным; ее основу составляет «класс уполномоченных», или крупных собственников, которым государство поручило развитие рынка; она функционирует при отсутствии равных для всех возможностей «делать деньги»¹⁰⁹. Бизнес-элита зависима от государства, так как во многом существовала благодаря льготам и привилегиям. «Уполномоченный бизнес» был защищен государством,

¹⁰⁷ Заславская Т.И. Указ. соч. С. 2.

¹⁰⁸ См. Рывкина Р.В. Формирование новых экономических классов в России // Социологический журнал. – 1994. – № 4. – С. 37.

¹⁰⁹ Заславская Т.И. Указ. соч. С. 3-60.

и его риски были не так велики, как риски стихийного сектора»¹¹⁰. Как известно, риски в нашей жизни играют весьма существенную роль¹¹¹. Постепенно лоббистские устремления предпринимателей распространились на законодательное регулирование практически всех зон экономики, и бизнес-элита плотно вошла в правящий класс. Сейчас можно говорить о двух группах внутри элиты: бизнес-ориентированные политики и политически влиятельные бизнесмены. Оформившись как социальная группа, бизнесмены столкнулись с необходимостью работы по принципу бизнес-общество-власть, известному как корпоративная ответственность.

Накопление средств – это основная цель любого бизнеса, однако, в современных экономических условиях повышенной конкурентной среды и заполненности основных ниш рынка появляется необходимость моделирования социальной реальности через использование технологий социального манипулирования. Таким образом, конструирование социальной реальности проходит через формирование социальной миссии компании, что позволяет бизнесу подчеркнуть свою социальную полезность и увеличить конкурентные преимущества.

Необходимо отметить, что происходит не просто смешение интересов разных звеньев правящей элиты, но и постепенная интеграция ресурсов. Манипулятор, занимающий звено бизнес-элиты, для получения другого вида власти становится избранником народа и приумножает не только экономический капитал, но и политический, который, во-первых,

---

¹¹⁰ Заславская Т.И. Указ. соч. С. 32.

¹¹¹ См. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989; Золотухин А.В. Предпринимательский риск как экономическая и правовая категория: сравнительный аспект // Бизнес, менеджмент и право. – 2015. – № 1. – С. 40-44; Зубков В.И. Социологическая теория риска. – М., 2003; Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2009; Лукьянов Г.И. Риск в жизни человека и общества. – М.: СГА, 2004; Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. – Душанбе, 1972; Риски предпринимательства: Учебное пособие. – М.: МИЭТ, 2014; Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в экономике, в праве и социальной жизни: научные подходы к пониманию // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 203-211; Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Рок, риск, право и экономика: начало истории отношений // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11 – С. 11-17; Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Понятие риска в философско-правовом измерении в период Нового и Новейшего времени // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 174-184; Тихомирова И.В. Политический риск // Общая и прикладная политология. – М., 1997; Тихомиров Ю.А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юридическая техника. Ежегодник. № 9. – Нижний Новгород, 2015. – С. 46-52.

удовлетворяет амбициям данного субъекта, а во-вторых позволяет расширить поле монопольного захвата интересующих зон экономики. Прямое влияние бизнеса на региональную политику выросло, в том числе из-за того, что увеличивалось число губернаторов-бизнесменов.

Политическое влияние олигархов было обеспечено не только ростом их капиталов, но и тем, что в их руках оказались средства манипулирования: многие электронные и печатные средства массовой информации – наиболее популярные телевизионные каналы, радиостанции, газеты, журналы. «В России крупные политизированные медиа-холдинги в отсутствие реальных политических партий играли в начале 2000-х роль своеобразных эрзац-партий и обеспечивали информационную поддержку групп влияния, их связь с электоратом. Мобилизацию ресурсов и лоббирование тех или иных решений»¹¹². Постепенно государственные СМИ теряли свое влияние из-за недостаточного финансирования и снижения государством регламентации их деятельности, так до 2001-2002 года ОРТ (49%) находились под контролем структур Бориса Березовского, канал НТВ принадлежал Владимиру Гусинскому. К середине 2000-х ситуация менялась, однако и сейчас бизнес осознает, что СМИ являются не только каналом получения дополнительных материальных средств, но и важным каналом воздействия на общественное мнение. Примером могут служить современные крупные медиа-холдинги, такие как: «Газпром-медиа», ЗАО «Национальная Медиа Группа», «Проф-Медиа», РБК (РосБизнесКонсалтинг) и др.¹¹³.

СМИ оказывают существенное влияние на сознание и поведение людей, выступая как позитивным, так и негативным фактором формирования определенной конкретной политики¹¹⁴.

Таким образом, современная бизнес-элита характеризуется:

- относительной мерой независимости;
- достаточностью финансового ресурса для «прямой покупки» всех необходимых инструментов;
- доступом ко всем каналам информации и возможностью

¹¹² Рывкина Р.В. Указ. соч. С. 192.

¹¹³ См. Кому принадлежат российские СМИ [Электронный ресурс]. 2009. 7 янв. Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/sokol_14/post93393616.

¹¹⁴ См. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19; Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27; Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.

единоличного владения ими;

- возможностью доступа к некоммерческим ресурсам.

Субъект манипулирования – бизнес-элита, обладая данными признаками, имеет прямые возможности добиваться цели – достижения монопольного проведения своего решения, связанного с политической сферой. Поскольку, с одной стороны, субъекту манипулирования (бизнес-элите) требуется создание и поддержание имиджа «управляемого» объекта политической сферы, разработанного для органов государственной власти, а с другой стороны, необходимо общественное одобрение, которое не всегда можно получить, используя реальную репутацию, и именно для этого формируются «нужные» социальные имиджи, способные получать общественное одобрение. Для достижения основной цели бизнес-элите необходимо «работать» одновременно и с общественным мнением, и с властью.

Вторая группа, выделенная нами как субъект политического манипулирования – государственные чиновники. Согласно законодательству о государственной и муниципальной службе, их должности подразделяются не только на категории, но и на группы и квалификационные разряды. Таким образом, субъектом манипулирования, входящим в звено правящей элиты, мы определяем как «лица, замещающие государственные должности, и лица, частично занимающие должности категории «руководители». Однако субъектом манипулирования можно считать только чиновников категории «руководители», группы «высшие» должности гражданской службы. К таковым, например, можно отнести: первых руководителей Администрации Президента РФ, Аппаратов Совета Федерации РФ, Государственной Думы, Федерального Собрания РФ, Аппарата Правительства РФ, заместителей федеральных министерств и др. К лицам же, замещающим государственные должности, можно отнести президента РФ, премьер-министра РФ, министров РФ, губернаторов.

Основной целью деятельности этой категории лиц служит выработка, подготовка и проведение в жизнь решений, необходимых для эффективного функционирования конкретной политической сферы: «Чиновники вырабатывают определенные гарантии жизнедеятельности граждан, социальные стандарты и нормы, оказывающие определенное влияние на общество в целом, обеспечивают удовлетворение наиболее общих, основных потребностей граждан, качественный уровень жизни, то есть производят социальные услуги»¹¹⁵. Помимо прямых должностных обязанностей,

---

¹¹⁵ Анохин М., Павлутенкова М. Госслужба нового века: по страницам диссертационных исследований, защищенных в РАГС // Государственная служба. – 2001. – № 3 (13). – С. 79.

чиновники берут на себя роль управления адаптационными процессами общества. Такое поведение не только поднимает их статус в глазах общест­венности, но и способствует формированию привилегированного поло­жения. Это обусловлено формированием, разработкой и изменениями за­конов, регулирующих жизнь общества, которые, безусловно, отражаются на его настроении. Особый социальный статус «лиц, замещающих госу­дарственные должности, и лиц «высшей» группы «руководителей» предо­ставляет им возможность использования специфических адаптационных ресурсов, которые связаны с их социально-профессиональной принадлеж­ностью. Это закрепленные законодательно гарантии и различного рода льготы. М. Восленский описывает российскую бюрократию (чиновников) как номенклатуру – особый класс «управляющих», показывает рождение и развитие дисфункциональной бюрократии в России.

В основе манипулирования «управляемыми» в послереволюционном российском обществе лежала «система идеологии и соответствующая ей система воспитания»¹¹⁶. Масштабно организованное манипулирование со стороны класса чиновников предполагало отсутствие конфликтов со стороны «управляемых» и прямое воздействие, часто переходящее в насилие. Однако манипулирование и насилие часто несовместимы, последнее отрицает и нарушает скрытость действий и вызывает у «управляемого» субъекта чувство когнитивного диссонанса и, возможно, конфликт.

Чиновник часто находится в конфликте с объектом манипулирования, поскольку его задачей является выполнение определенных заданных свыше управленческих функций и обозначенная ограниченность влияния чиновника становится причиной как жесткой манипуляции зависящими объектами, так и желания выйти за обозначенные рамки, расширить сферу своего влияния. Как отмечает М. Вебер, для чиновников, как статусного слоя, нет ничего более чуждого, чем чувство солидарности с пролетариатом – и для них характерно скорее желание в еще большей степени отде­леть себя от пролетариата¹¹⁷.

Выход чиновником за границы своих функциональных возможностей позволяет отнести его к тому виду бюрократии, который М. Вебер назвал дисфункциональным. Сохранение статуса и привилегий требует применения манипулятивных технологий. Вполне естественно, что в ситуации нарастания конфликтной напряженности манипулятивные технологии

---

¹¹⁶ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия: МП «Октябрь», 1991. С. 166.

¹¹⁷ См. Вебер М. Социализм // Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки. – 1991. – № 2. – С. 58.

используются для сглаживания негативных настроений по поводу власти. При этом чиновник, как субъект манипулирования, стремится адаптировать решения власти для разных целевых (социальных) групп. Цель чиновника – монопольное проведение решения, без критической оценки объектом/объектами манипулирования его содержания. Как правило, манипуляция и направлена на внедрение некоторой нормы в общество. Эффективность манипулятивного сопровождения профессиональной деятельности чиновников проверяется общественным одобрением решений, что фактически подтверждает профессиональную квалификацию и сохранение служебного места чиновника.

Роль чиновника, выполняющего некий «заказ» общества на улучшение жизни населения, превращается в роль «вершителя судеб». Чиновник воспринимается как лицо, принимающее решение в отношении большинства, и хотя бы поэтому в обществе, где личность – основная социальная ценность, возникает ощущение манипулирования. Другими словами, «социальная миссия» противоречит роли «стоящего над... кем-то». С одной стороны, чиновник должен стремиться к карьерному росту в рамках своей профессиональной ниши, с другой – он не может обойтись без общественного одобрения. Манипулирование сознанием общественности позволяет сдерживать общественное несогласие и «гасить» социальные конфликты¹¹⁸.

В либеральном обществе профессиональным дискурсом манипулирования со стороны власти является демократия. Демократия превращается в манящую идею участия общества в создании законов и управлении политикой, используемой для манипулирования. Существует достаточно тонкая грань между реальными возможностями граждан и социально-политическими мифами. Последние необходимы потому, что создают и поддерживают социальные стереотипы, успокаивая общественное мнение и создавая ощущение стабильности.

Манипулятивные технологии депутатов представляют особый интерес. Отдельно надо выделить электоральные технологии. В распоряжении депутата, как правило, целая «армия» профессионально подготовленных людей,

¹¹⁸ См. Гучериев Х.С., Сальников В.П., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб., 1994; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996; Карапетян Л.М. Государственно-национальные конфликты и политико-правовые основы их развития // Социально-политический журнал. – 1996. – № 6. – С. 72-85; Козырев Г.И. Конфликтология. Социальный конфликт в общественной жизни // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 1. – С. 103-121; Лапаева В.В. Социально-политические конфликты и право // Драма российского закона. – 1996. – С. 88-105; Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8.

знающих технологии манипулирования. Так, по мнению П. Шампаня, специально подготовленные «социальные агенты»: политологи, политические журналисты, специалисты по опросам, специалисты по коммуникациям и др. – прямо участвуют в политической игре, создавая «новое социальное пространство». Деятельность проводится в рамках общей «игры», или процесса, в который вовлечены другие субъекты манипуляции, что значительно облегчает задачу. Манипулирование получает здесь необходимый дискурс, предполагающий существование принятых ролей – избираемого и избирателей. После избрания кандидата на пост формы манипулирования изменяются, поскольку избранный получает доступ к определенным ресурсам.

Известно, что одна из ключевых обязанностей депутата – обеспечить народное представительство на территории, по которой был избран. Он обязан:

- регулярно поддерживать связь с избирателями своего округа;
- информировать избирателей о своей деятельности;
- не менее одного раза в год отчитываться о своей работе перед избирателями округа;
- соблюдать правила этики; ответственность за нарушение норм депутатской этики;
- участвовать в работе сессий представительного органа местного самоуправления;
- лично участвовать в работе комитета или комиссии, членом которой он является.

Кроме того, он имеет право образовывать добровольные депутатские объединения – фракции, депутатские группы и др.¹¹⁹.

К специфической форме манипулирования в этот период можно отнести лоббирование. История формирования лоббирования не всегда предполагала легальный характер такого вида манипулирования, напротив термин «лоббирование» обозначал прямую покупку голосов за деньги. В настоящее время лоббизм всё больше понимается как естественный инструмент взаимоотношений власти и общества, установление связей с должностным лицом с целью добиться принятия выгодного для манипулятора решения¹²⁰.

Одним из основных представителей второго типа политических

---

¹¹⁹ См. Зиновьев А.В. Конституционное право России: проблемы теории и практики. – СПб.: Герда, 2000. С. 187.

¹²⁰ См. Ильичева Л.Е. Лоббизм и интересы предпринимательства. – М.: Мысль, 2000; Автономов А.С. Азбука лоббирования. – М.: ИРИС. 2004.

субъектов, входящих в политический класс сегодня, являются крупные международные корпорации.

Развитие новых транснациональных акторов, одним из основных видов которого являются ТНК, во второй половине XX в. привело к феномену, который Дж. Грум определил как «растущее многообразие»¹²¹ участников на мировой сцене. Однако не столько количественные параметры являются главными, сколько качественные изменения в политической структуре, которые последовали за этим благодаря развитию транснациональных отношений, охвативших сначала экономическую область, а затем и другие сферы; впоследствии этот феномен был назван глобализацией¹²². Ранее неизвестные возможности для данных акторов открылись в последней четверти XX столетия в связи с появлением принципиально новых информационных и коммуникативных технологий.

В результате высокой активности новых транснациональных акторов государствам приходится все больше «делиться» частью своих полномочий с одной стороны – с надгосударственными образованиями (международными организациями и институтами), с другой – с крепнущими транснациональными акторами (внутригосударственными регионами, ТНК и т. п.). Управленческие функции перераспределяются от государства к другим участникам международного взаимодействия.

И в научной литературе, и в СМИ существуют две основные трактовки понятия «корпорация» – широкая и узкая. В соответствии с первой корпорация – это сообщество (организация, объединение, группа) лиц, нацеленных на отстаивание или продвижение своих специфических (корпоративных) интересов. Таким образом, понятие «корпорация» нередко применяется к различным группам чиновников, военных, с использованием таких понятий, как «кланово-корпоративные» структуры¹²³.

В широком смысле корпорациями являются и такие объединения, как профсоюзы, союзы предпринимателей, другие социально-

¹²¹ Грум Дж. Растущее многообразие международных акторов. Международные отношения: социологические подходы. Под ред. П.А. Цыганкова. – М., 1998.

¹²² См. Васечко Л.А. Взаимосвязь права и политики в условиях глобализации // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 73-78; Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Числов А.И. Современные интеграционные процессы и роль государства и права в мировом сообществе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 193-197; Кондрат Е.Н. Мировая финансовая система в условиях глобализации: современные проблемы функционирования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 132-136; Мурсалимов К.Р. Роль государства в процессе глобализации мирового сообщества // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 55-59.

¹²³ См. Гаман-Голутвина О.В. Куда идет Россия. – М., 2000. С. 164.

профессиональные объединения. В действительности корпоративные объединения – это лишь одна из разновидностей более широкого круга организаций и объединений, именуемых чаще всего группами интересов или заинтересованными группами.

Существенная роль крупных корпораций в экономике и политике значительного числа стран и в первую очередь стран с развитой рыночной экономикой обозначилась еще в начале XX века. Именно тогда появились слова «монополия», «монополистический капитализм» и стали применяться меры по ограничению экспансии крупного бизнеса, подрывавшей основы рыночной конкуренции. Особенно большой интерес к корпоративной проблеме проявили ученые США, где несколько сот крупнейших корпораций превратились в «сердцевину индустриальной системы»¹²⁴.

Оценивая будущую роль корпораций в мировой экономике и политике, Дж. Гэлбрейт писал, что «масштаб деятельности крупнейших корпораций должен приближаться к масштабу деятельности государства», так как одной из характерных черт обеих организаций является то, что они выступают в качестве «источника власти»¹²⁵.

В современном мире ТНК представляют собой бизнес-структуры, деятельность которых охватывает несколько стран. Подобные корпорации набирают силу не только в экономическом, но геополитическом плане – если какие-то десятилетия после окончания Второй мировой войны доминировали компании, имеющие американское происхождение, то потом явную конкуренцию им составили европейские и японские, а теперь еще и корейские. С 1980-х годов основной стратегией многих ТНК становится производство компонентов в различных частях Земного шара.

Крупнейшие ТНК обладают огромными экономическими ресурсами, дающими им преимущества в этом отношении не только перед малыми государствами, но нередко перед средними и даже великими державами. Так, например, объем зарубежных продаж фирмы «Эксон» к середине 1970-х годов достиг свыше 30 млрд. долларов, что превысило объем ВВП такой экономически развитой страны, как Швейцария, и лишь немногим уступало ВВП Мексики¹²⁶. Это дает ТНК возможность оказывать существенное воздействие в своих интересах и на политическую сферу – как в странах базирования, так и в мире в целом.

ТНК – явление достаточно противоречивое. Они, несомненно,

¹²⁴ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М., 1969. С. 126.

¹²⁵ Galbraith J.K. The Anatomy of Power. – Boston, 1983. P. 56.

¹²⁶ См. Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. МГИМО (У) Мид РФ. – М., 2005. С. 245.

способствуют модернизации стран базирования, развитию их народного хозяйства, распространению ценностей и традиций экономической свободы и политического либерализма. Одновременно они несут с собой и социальные потрясения, связанные со структурной перестройкой, интенсификацией труда и производства; новые формы господства и зависимости – экономической, технологической, а нередко и политической. В ряде случаев последствия их деятельности ведут к дальнейшему обострению уже имеющихся и возникновению новых экологических проблем, к разрушению национальных традиций, конфликту культур. Так же бесспорно и то, что ТНК усиливают экономическую взаимозависимость и единство мира в хозяйственном отношении, способствуют созданию предпосылок для становления единой глобальной культуры как планетарного, общечивилизационного явления. И это тоже приносит неоднозначные результаты, что и вызывает критику ТНК со стороны различных идейно-теоретических течений. В определенной мере результатом подобной критики явились попытки международного сообщества ввести некоторые ограничения для деятельности транснациональных корпораций, подчинив ее определенным правилам, некоему «кодексу поведения», однако усилия, предпринятые с этой целью в рамках ОЭСР и ООН, не увенчались успехом.

Экономические процессы, контролируемые ТНК, охватывают большую часть мировой торговли, финансовых обменов и передач передовых технологий. Указанные процессы способствовали ускоренной экономической интеграции в Европе, Америке и Азии, усилению конкуренции и в то же время взаимозависимости между главными экономическими регионами современного мира. Вместе с тем они имели не менее серьезные последствия и политического характера.

Наиболее значимыми среди этих последствий, вызвавшими эпохальные изменения в облике современного мира и характере международных отношений, явились кризис в СССР, распад «мировой социалистической системы», а затем и разрушение Советского Союза со всеми его результатами для России и других бывших союзных республик.

Таким образом, ТНК обладают определенной автономией в своих решениях и деятельности, способны вносить изменения в международные отношения, учитываются государствами в их внешней политике, то есть отвечают всем признакам влиятельного международного субъекта. Начиная с 1970-х годов крупнейшие транснациональные корпорации стали именоваться государствами в государстве, а с развитием глобализации самые авторитетные обществоведы-политологи заговорили о «корпоративном перевороте» и даже о «корпоративном тысячелетии». Все чаще

и настойчивее ставится вопрос о воздействии корпоративного сектора на будущее демократии и гражданского общества.

В странах с развитой рыночной экономикой и устоявшимся корпоративным сектором политическое участие корпораций имеет уже давнюю историю, а также отработанные формы и методы такого участия.

В теории они описаны такими исследователями, как П. Дракер, Дж. Гэлбрейт, Э. Эпштейн.

Подробно анализируя бизнес-структуры как «политический институт», П. Дракер указывает на то, что «менеджеры всегда стремятся понять интересы политиков и сотрудничать с ними». Причем менеджер ни в коем случае не должен ограничиваться «реакцией» на действия политиков¹²⁷.

Дж. Гэлбрейт в книге «Новое индустриальное общество» отмечает: «Зрелая крупная корпорация становится по мере своего развития частью крупного административного комплекса, связанного с государством. Пройдет время, и граница между этими институтами исчезнет». В более поздней работе он пишет о корпорации уже не как об «удлиненной руке государства», а как об институте, который осуществляет «серьезное использование власти над законодателями и публичными официальными лицами, либо культивируя приверженность к ее интересам и целям, либо путем непосредственного или косвенного влияния». Главный тезис в его книге – тезис об угрозе концентрации власти в руках военщины и корпораций. «Корпоративная власть опасна», – заявляет он уже в предисловии к книге.

Центральное место в исследовании известного американского политолога Э. Эпштейна занимает анализ основных направлений политической деятельности корпораций, начиная с отношений с правительством и конгрессом и кончая их участием в электоральном процессе. Его главный вывод состоит в том, что при всех издержках политического участия корпоративного капитала крупные фирмы – «необходимый и легитимный участник политического процесса, скорее способствующий поддержанию плюралистической демократии в Америке, нежели подрывающий ее»¹²⁸.

На практике условно можно говорить о существовании двух систем, в рамках которых реализуется политическое участие корпораций в странах Запада: система функционального представительства и партийно-парламентская система.

Что касается партийно-парламентской системы, то ее главные элементы – избиратели, партии и парламенты или другие представительские

¹²⁷ См. Drucker P. «Managing in Turbulent Times». N.Y., 1985, p. 217.

¹²⁸ Epstein E. The Corporation in American Politics. N.Y., 1969. P. 324.

учреждения. В ее основе – территориальное представительство партий, осуществляемое через выборы.

Главными участниками системы функционального представительства являются уже не партии, формулирующие свои программы по всему спектру социально-экономических и политических проблем, а группы и организации, добивающиеся решения властей либо в интересах отдельных групп населения, либо по тем или иным конкретным вопросам, имеющим общественно значимый характер. Эти организации носят, таким образом, не общеполитический характер, а замыкаются на ту или иную общественно значимую функцию или интерес.

Существенное место в системе функционального представительства принадлежит неформальному взаимодействию общественных и властных структур – лоббизму¹²⁹.

При анализе российской практики следует отметить, что будучи влиятельнейшей группой интересов и весомым «политическим актором», крупные российские корпорации задействованы во всех основных структурах политической власти – президентской, правительственной, законодательной, а также региональной и местной.

Исследуя политическое взаимодействие корпораций на уровне президента и его администрации, надо отметить, что провозгласив почти сразу после победы на президентских выборах 2000 г. принцип равноудаленности от представителей как «большого», так и малого бизнеса, В. Путин уже в скором времени был вынужден внести существенные поправки в эти установки.

Так, использование административного ресурса помогло в 2000–2001 годах некоторым компаниям и бизнес-группам и прежде всего «Сибнефти», «Сибирскому алюминию», «Альфе» и «МДМ» осуществить далекоидущие вторжения в металлургическую, энергетическую, машиностроительную и другие отрасли экономики.

Тенденция к институционализации отношений президент – «большой бизнес» начала оказывать все более непосредственное влияние на процесс принятия государственных решений, причем отнюдь не только текущего, «разового» порядка. Наиболее влиятельная часть корпоративного капитала не просто лоббировала свои сиюминутные интересы, но и напрямую

---

¹²⁹ См. Бинецкий А.Э. Лоббизм в современном мире. – М.: Теис, 2004; Ильичева Л.Е. Лоббизм и корпоративизм. – М.: Экономика, 2002; Теория и практика нормативно-правового регулирования лоббизма (российский и зарубежный опыт): Монография / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Юридический институт, 2015. – 384 с.

участвовала в определении ключевых направлений общественно-политического развития страны.

Отражением новых тенденций в отношениях корпоративного капитала и высшей исполнительной власти явилось дальнейшее ослабление позиций крупных бизнес-структур в сфере массовых коммуникаций и прежде всего на телевидении. Таким образом, та модель взаимодействия бизнеса и власти, которая утвердилась в 2000–2003 гг., была сломана, и президент взял курс на создание более жесткой системы отношений с олигархами и крупным бизнесом в целом.

Эти изменения имели для отношений корпораций с правительством последствия двоякого рода: с одной стороны – многие компании, особенно обладавшие не слишком весомым административным ресурсом, лишались серьезного рычага воздействия на систему выработки и принятия касающихся их государственных решений. Роль и значение отраслевого лоббизма как основной формы представительства интересов в исполнительной власти существенно снизилась или переместилась на местный уровень.

Однако с другой стороны – лоббизм наиболее крупных корпораций пришлось поднимать на более высокий уровень. В первую очередь необходимо в этом ощутили нефтяные корпорации.

Отношения корпораций с законодательными органами характеризуются прежде всего активной лоббистской деятельностью. Но в отличие от органов исполнительной власти здесь наблюдается тенденция ко все более непосредственному представительству отдельных корпораций. В течение 1990-х годов налицо был рост прямого участия крупнейших корпораций в самом процессе выборов в Думу, когда они стали фактически выступать в роли своего рода «электоральных машин».

Изменение принципов комплектования Совета Федерации стимулировало приток представителей «большого бизнеса» и в этот законодательный орган. Одним из факторов, способствующих этому, является слабость партий и партийного представительства, что позволяет корпоративной элите брать на себя не только лоббистские, но и квазипартийные функции.

При всей сложности и многоплановости отношений корпоративного капитала и власти, специфике этих отношений на разных уровнях можно констатировать глубокое проникновение корпоративных структур практически во все институты власти. Отношения государство – корпорации условно могут быть описаны двумя тенденциями: во-первых, отношениями партнерства, во-вторых, созданием на всех уровнях крупных государственно-частных корпораций полуавтономного характера.

Таким образом, в настоящее время корпорации являются одним из

наиболее значимых участников в политическом процессе как национального, так и глобального масштабов, причем степень их влияния все больше возрастает, а сами крупные корпорации практически сливаются с государственными структурами.

В условиях постиндустриального информационного общества роль массовой коммуникации, публичной информации, информационного пространства, общественно-политического дискурса, а также интернета как новой коммуникационной среды становится исключительной. Социальный строй и историю в целом меняет не только развитие средств материального производства, но и совершенствование средств коммуникации. И ключевое культурное изменение при переходе от индустриального общества к информационному – это не смерть книги и печатных «бумажных» изданий, а разрыв с принципом линейной медийной коммуникации¹³⁰, возникновение гибридной гипертекстовой формы.

Правомерно предположить, что в подобных условиях возрастает и влияние политических журналистов – на социально-политическую реальность в целом и на отношения по поводу получения, удержания и использования политической власти в частности. Однако теперь они выступают уже не только в роли посредников между информацией и обществом, но и в качестве операторов массовой коммуникации, менеджеров и «фильтров» информационных потоков, «солдат», «офицеров» виртуальной реальности, мифотворцев и хозяев «карнавала».

Вполне очевидным сегодня представляется, что политическая журналистика оказывает значительное влияние на общественную жизнь современной России, и политические журналисты занимают определенное место в структуре российского политического класса.

В современной России социальный статус политических журналистов дифференцирован, при этом число высокооплачиваемых представителей профессии сравнительно невелико. Поэтому, в отличие от развитых западных стран, где политический журналист обычно дорожит своим местом, общественным положением и репутацией, в российских реалиях подкуп журналистов и редакторов («джинса», «черный пиар», публикация заказных оплаченных статей без отметки «на правах рекламы») – правило, а не исключение. Чем меньше и беднее газета, чем зависимее она от административного аппарата, тем легче ее сотрудники поддаются на подкуп. Впрочем, в ряде московских «газет влияния» и аналитических журналов ведется жесткая борьба с подобного рода практикой (через контроль над

¹³⁰ См. Хартман Ф. 10 тезисов к дискуссии о возможностях теории медий в эпоху информационного общества // <http://www.gnosis.ru/media/hartrus.html>

непредвзятостью авторской позиции в материалах, отслеживание каналов возможной ангажированности, увольнение ангажированных журналистов и т.д.). В основе стратегии таких СМИ лежит понимание того, что репутация и доверие аудитории – их главный капитал и что появление ангажированных материалов наносит ущерб изданию и превращает работающих в нем журналистов из хозяев и субъектов информационного пространства в наемных работников, обслуживающих чужие интересы.

Даже известные и высокооплачиваемые журналисты, которые, казалось бы, могут позволить себе любую степень профессиональной свободы, часто оказываются связанными определенными договоренностями и форматными рамками – корпоративными, клановыми, политическими или идеологическими. Они могут всячески маскировать свою предвзятость – например, с аналитических статей переключиться на интервью с политиками. Но для политического журналиста не задавать политику неудобных вопросов – это тоже признак ангажированности.

По всей видимости, в современных российских реалиях частью политической элиты следует считать лишь главных редакторов и собственников тех СМИ, которые оказывают существенное воздействие на политическую коммуникацию и политический процесс. К элите можно причислить и отдельных влиятельных и высокооплачиваемых журналистов. Абсолютное же большинство членов журналистского сообщества уместно рассматривать как представителей внеэлитных социальных слоев, прежде всего среднего класса.

В постсоветской России профессия политического журналиста относится к числу самых рискованных. Так, по данным Фонда защиты гласности и Центра экстремальной журналистики при Союзе журналистов России за два постсоветских десятилетия в стране погибло более 200 журналистов. В рейтингах международных организаций, защищающих права журналистов, РФ стабильно занимает верхние строчки как страна, в которой журналистская деятельность представляет опасность для жизни и здоровья. Характерно, что практически все погибшие журналисты специализировались именно на политической тематике и были убиты по политическим мотивам. Среди наиболее резонансных заказных убийств 1990–2000-х годов можно упомянуть убийства Дмитрия Холодова, Ларисы Юдиной, Юрия Щекочихина, Пола Хлебникова, Анны Политковской, Магомеда Евлоева, Натальи Эстемировой.

Главный вопрос, возникающий в связи с определением места политических журналистов в структуре политического класса, касается именно их функций и подлинной роли в процессе управления. Кто или властители

они – объекты или субъекты политического процесса? Слуги власти, ее инструмент (надежный или не очень), литературные «негры», посредники, транслирующие решения элиты на уровень массового сознания, представители «второй древнейшей» профессии – либо, напротив, добытчики информации, создатели смыслов, властители дискурса, менеджеры виртуальной реальности, манипулирующие общественным мнением, «бойцы» и «генералы» «невидимого фронта»? Либо они – посредники между властью и обществом, инструмент социального самопознания, датчик, барометр, нерв, сигнализирующий, что общество и государство больны и находятся в критической ситуации? Каково их подлинное влияние на характер принимаемых политических решений?

Представляется, что универсальной модели отношений между властью и политическими журналистами не существует. Журналист может быть и пропагандистом, безропотным слугой власти (или оппозиции), конъюнктурным ретранслятором в медиaprостранстве ангажированной точки зрения. Но он может быть и бескомпромиссным борцом за справедливость, разоблачителем коррупции и иных злоупотреблений правящих кругов. И причина тут не только в принадлежности большинства влиятельных СМИ и медиахолдингов «сырьевым» финансово-промышленным корпорациям, что явно не способствует развитию независимого гражданского общества, свободы слова и иных гражданских свобод.

Отношения политиков и политических журналистов асимметричны: каждый из них зависит от другого, каждый обладает и собственным уникальным ресурсом (политики – деньгами и властью, журналисты – силой слова, даром убеждения и публичностью), и собственной уязвимостью (для политиков это ограниченная возможность публичного воздействия, для журналистов – социальная, финансовая и физическая незащищенность). То есть у политиков есть ресурс «жесткой власти» (hard power), а у журналистов – ресурс «мягкой власти» (soft power). Журналисты не могут возбудить уголовное дело против политика, вызвать его на допрос, принудить к каким бы то ни было действиям. Но они могут публично вопрошать – задавать власти вопросы и требовать ответа на них¹³¹. А это бывает ничуть не менее страшно, чем возбуждение уголовного дела. Журналисты придают событию публичный статус, превращают его в медианарратив. Не замеченное СМИ событие, даже очень важное, остается за пределами общественного внимания: в современном мире работает принцип – существует только то, что показали по телевизору и о чем написали в газетах и

---

¹³¹ См. Черных А.И. Мир современных медиа. – М., 2007. С. 270.

интернете. СМИ зависят от власти политически и финансово, для власти же СМИ – единственный канал коммуникации с обществом.

Политические журналисты могут воздействовать на политическое пространство и политический процесс с помощью следующих методов:

- установление повестки дня (agenda-setting);
- определение моральных критериев, ценностных ориентиров, допустимых и недопустимых моделей поведения;
- поддержание легитимности власти, политического режима, политической системы в целом;
- содержательное наполнение представлений о легитимности власти, справедливости и «общем благе»;
- формирование общественного мнения;
- создание виртуальной реальности;
- обеспечение политической конкуренции;
- привлечение внимания к тем или иным важным темам и общественно значимым событиям;
- замалчивание тех или иных важных тем и общественно значимых событий;
- постановка вопросов к власти и обществу, требование ответа на них;
- искажение истинного масштаба и значения событий, явлений и политических фигур (прямая и скрытая манипуляция);
- обнародование конфиденциальной, закрытой или неизвестной информации;
- поддержание общественной дискуссии на общественно значимые темы – о политических ценностях, стратегиях развития, историческом прошлом, «национальной идее» и т.д.;
- публичное обсуждение готовящихся и принятых политических решений;
- публикация имиджевых материалов о политиках (как позитивных, так и негативных);
- рейтингование политиков, оценка их высказываний и политических поступков.

Двойственность профессиональной природы политической журналистики и статуса политических журналистов в современной России выражается как раз в том, что в большинстве случаев воспроизводятся обе ролевые функции и идентичности этого сообщества. Журналисты одновременно являются и «слугами» – нанятыми агентами власти, которые за деньги вынуждены заниматься пропагандой, озвучивать заказанные им интерпретации происходящего, манипулировать сознанием аудитории,

наделять реальность необходимыми чертами, и «демиургами» – создателями смыслов и картин реальности, способными управлять сознанием и поступками не только массовой аудитории, но и заказчиков-политиков. Одни и те же журналисты в каких-то ситуациях могут быть «слугами», а в каких-то – «демиургами».

В современной политологической литературе нет единства в определении системы общественно-политических субъектов. Встречается подход, согласно которому выделяются социальные и институциональные субъекты. В качестве первых, как во внутривнутриполитической, так и внешнеполитической жизни, выступают народы, нации, классы, социальные группы и слои, лидеры, выдающиеся личности. Вторыми являются институты государства и институты гражданского общества.

Здесь необходимо отметить, что именно в конструктивном взаимодействии институциональных и социальных субъектов, возможно демократическое протекание политического процесса. Так, к примеру, Ю. Хабермас подчеркивает, что для обеспечения условия для предполагаемого разумного формирования политической воли, должно возникнуть «взаимодействие между институционализированным формированием воли, которое протекает согласно демократическим процедурам в рамках образований, способных к принятию решений и запрограммированных на их проведение в жизнь, с одной стороны, и, с другой – запрограммированными, неформальными высокочувствительными процессами формирования мнений благодаря автономным объединениям общественности, которые не приемлют организации сверху и могут разворачиваться только спонтанно, лишь в рамках либеральной политической культуры»¹³².

Вместе с тем в реальном политическом процессе действующими субъектами (актерами) являются нелегитимные организации и группы людей (объединения, сообщества, ассоциации, союзы и т. д.). В первую очередь к ним мы относим террористические и радикально настроенные националистические организации, мафиозно-криминальные кланы¹³³.

К примеру, по свидетельству многих исследователей, в глобальную угрозу для человечества превратилась организованная преступность, опутавшая многие государства и вступившая в коррумпированные связи с представителями высших органов и институтов власти¹³⁴.

¹³² Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1995. С. 51.

¹³³ См. Труханов В.А. Традиционные (легитимные) и нелегитимные субъекты политического процесса // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. № 2(1). 2008. С. 110.

¹³⁴ См. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России

В конце текущего столетия мировое сообщество и наша страна в частности, столкнулись с опасной активизацией в различных регионах мира воинствующего национализма, нередко сочетающегося с религиозным экстремизмом¹³⁵. По оценкам некоторых ученых явление это получило название «суперэтнизм»¹³⁶. Его главная особенность стремление реализовать националистические цели с помощью силы. Националистическая волна захлестнула многие страны. Всплески националистически настроенных субъектов политического процесса наблюдаются как в странах «третьего мира», так и высокоразвитых, таких как Канада, Испания, Франция, Бельгия и т. д. Национализм тесно связан с терроризмом и сепаратизмом¹³⁷, что является угрозой не только для государства, но и для

// Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148; Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43; Исмагилов Р.Ф. Экономическая организованная преступность (теоретико-криминологический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1997. – 22 с.; Исмагилов Р.Ф. Экономика и организованная преступность: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – 114 с.; Кондрат Е.Н. Транснациональная организованная преступность и теневая экономика: некоторые общие проблемы взаимосвязи // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 128-135; Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гишинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милуков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.; Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110; Политический режим и преступность: проблема политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гишинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милуков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.

¹³⁵ См. Викторев Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма преречения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125; Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 87-89; Проблема внедрения экстремистской идеологии в России постоянно в поле зрения спецслужб и других ведомств. URL: <http://www.ng.ru> (проверено 20 апреля 2013 г.).

¹³⁶ См. Галкин А.А. Суперэтнизм – как глобальная проблема // Свободная мысль. – 1994. – № 5.

¹³⁷ См. Мамедов С.К. Проявления сепаратизма и международное право //

всей системы национальной безопасности¹³⁸. К пониманию этого пришли многие ученые и политики, среди них Р. Абдулатипов, А. Дмитриев, Т. Мамсуров¹³⁹.

К нелегитимным субъектам политического процесса, и в первую очередь мирового, мы так же относим террористические организации, в основе деятельности которых лежит радикальная религиозная или идеологическая окраска (например Аль-Кайда, ваххабитские военнизированные организации, фашисты, расисты и т. п.)

Терроризм – это «систематическое использование крайнего насилия и угрозы насилием для достижения публичных или политических целей». Такую формулировку предлагают американские исследователи В. Маллисон и С. Маллисон¹⁴⁰.

Практика политического экстремизма в современных условиях, возрастание роли терроризма на международной сцене и во внутривнутриполитической борьбе многих стран мира привели к вовлечению в политически мотивированную насильственную деятельность большого количества различных политических сил. Часты случаи, когда те или иные террористические структуры находятся в управлении крупных политических движений, либо, отпочковавшись от них, соотносят свою деятельность с их политическими установками.

Поэтому они могут быть разделены на две большие группы: во-первых, отдельные государства, политические партии и движения, которые инспирируют или поддерживают отдельные террористические организации, нередко используют их в своих политических интересах; во-вторых, сами террористические или иные экстремистские организации непосредственно осуществляющие террористические акции, то есть к структурам, непосредственно участвующим в террористической деятельности, относятся:

Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 119-122.

¹³⁸ См. Александров А.И., Ковалевский С.С., Коровников А.В., Сурков К.В. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2003; Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Под ред. проф. А.В. Опалева. – М.: 2004; Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.

¹³⁹ См. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М., 2000; Абдулатипов Р.Г. Этнополитические конфликты в СНГ: наднациональные механизмы разрешения. – М., 1996; Дмитриев А.В. Этнический конфликт: теория и практика. – М., 1998; Мамсуров Т.Д. Национальный вопрос и безопасность России // Безопасность Евразии. – 2001. – № 3.

¹⁴⁰ См. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы. – М., 2000. С. 37.

международные и национальные террористические организации.

Современный мир представляет собой гигантскую систему или макро-систему, в которой функционируют в противоречивом единстве различные ее стороны и элементы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на политический процесс, как в отдельно взятых странах, так и мирового масштаба оказывают влияние наряду с традиционными или легитимными и не легитимные акторы.

Глава 2. ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

2.1. Справедливость – социально-правовой принцип формирования политического класса и его взаимоотношения с обществом

Потребность в социальной справедливости, остающейся важнейшей политической ценностью для значительной части граждан современной России даже спустя почти четверть века после исчезновения страны, в основе государственной идеологии которой лежала эта идея, во многом определяет отношение населения к институту государства и политической элите. Косвенным образом свидетельствует об актуальности проблемы справедливости и активность обсуждения данной темы в научной литературе. Так, за период 2010–2015 гг. в обществоведческих российских журналах, входящих в базу «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), категории «справедливость» посвящены свыше 20 тыс. научных статей.

Справедливость можно рассматривать относительно сфер проявления (конституционная, экономическая, социальная, политическая) и функциональности (принцип, механизм). Последнее имеет особое значение в исследовании данной проблемы, т.е. справедливость есть социальный механизм, регулирующий всю систему общественных отношений, в том числе и политических¹⁴¹.

---

¹⁴¹ См. Баранов В.М., Сальников В.П., Кронский В.С. Социальная справедливость и истинность советского права как ведущие ориентиры деятельности органов внутренних дел: Монография. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989; Баранов В.М., Листков А.Н., Сальников В.П. Право. Справедливость. Законность: Рецензия на монографию Блумштейна Ю.Д. «Уголовное право и социальная справедливость» (Минск, 1987) // Методологические основы политико-воспитательной работы в органах внутренних дел: Сб. науч. труд. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1990. – С. 150–156; Биктасов О.К. Идея справедливости: к истории ее происхождения и развития // Правоохранительная деятельность и правовое государство. Вып. 3. – СПб., 1994. – С. 31–36; Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном праве и правоприменении (теоретико-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд.

Политическая справедливость выступает как справедливость государственно-правового сообщества, предметом оценочного суждения являются правовая и государственная инстанции (закон, указ, решение и т.п.). Справедливость в сфере политики с античных времен служила оправданием социальной структуры общества, политического режима, распределения власти, т.е. критерии справедливости никогда не бывают нейтральными, и разные политические силы этот феномен используют в борьбе за власть, включая справедливость в контекст своей политической идеологии.

В партийном строительстве России 2000-2016 гг. данный аспект активно подчеркивается. Например, в преддверии парламентских выборов 2016 г. большинство политических партий провозглашают установление справедливой и социально ориентированной власти, а справедливость – это критерий развития и обновления страны и благополучия граждан. При этом подчеркивается, что интересы крупного капитала должны соответствовать интересам личности, общества и государства.

Представляется, что подобная постановка проблемы справедливости в реальной политической жизни дает основание рассматривать справедливость как механизм формирования власти и влияния на нее. Одним из основных составляющих элементов этого механизма является институт выборов.

Важным условием утверждения политической справедливости является демократия, при которой формируются определенные правила распределения власти, а именно: всякая власть находится на службе у граждан; критерием назначения на должность является компетентность кандидата, возможность для каждого претендовать на участие во власти. То есть гражданин обладает политической свободой и стремится к осуществлению своих целей, но поскольку люди изначально не равны, то и результаты этих стремлений будут различны, и это справедливо. Но возникающие отношения руководства-подчинения и чрезмерный рост силы и престижа руководства могут привести к перекосам в этих отношениях и деформации

юр. наук. – М., 2001; Горшкова О. Справедливость сильнее закона // Ваш тайный советник. – 2008. – № 23(301); Маленин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – М., 1992; Муромцев С.А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. – СПб, 1893; Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015; Чечельницкий И.В. Справедливость и правотворчество // История государства и права. – 2014. – № 3. – С. 28-33; Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в праве // История государства и права. – 2014. – № 6. – С. 57-63; Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23; Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980;

в системе власти, и, соответственно, получивший монополию на осуществление власти имеет возможность проводить в жизнь принципы справедливости или препятствовать их реализации. Но все же именно при демократической системе власти демократическим способом (альтернативные выборы) формируются институты власти разного уровня, прежде всего институты законодательной власти, представляющие интересы граждан. Парламент способен обеспечить утверждение свободы, прав граждан, предотвратить угрозу диктатуры. Отсюда можно предположить, что именно демократия – лучшая форма государства, гарантирующая равные свободы для всех, что и выражает основной принцип справедливости.

Демократы «первой волны» выступали за равенство. Т. Джефферсон писал: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными, что они наделены Создателем определенными правами, среди которых имеется право на жизнь, свободу и стремление к счастью»¹⁴². То есть демократы считали равенство самоочевидным: без равенства нет справедливости. Сенека утверждал, что «равенство есть начало справедливости»¹⁴³. Современные демократы самоочевидным считают неравенство людей, путая одинаковость и равенство. Хочется подчеркнуть, что, говоря о равенстве как о принципе справедливости, мы прежде всего говорим о политических правах, особо выделив избирательное право¹⁴⁴. Именно свобода выбора определяет возможность участия в формировании власти и влияния на нее. И здесь интерес представляет вопрос о степени возможности и определяющих факторах. Обратимся к исследованиям конца XX – начала XXI в.

В декабре 1988 г. в русле реформы М.С. Горбачёва был принят Закон «О выборах народных депутатов СССР», предусматривающий выдвижение

¹⁴² Декларация независимости 4 июля 1776 года // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. V. – М., 1997. С. 41.

¹⁴³ Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцию. – М., 1977. С. 56.

¹⁴⁴ См. Зиновьев А.В. Избирательная система России (комментарий Закона о выборах Президента России): Пособие / Под ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000; Зиновьев А.В., Поляшова И.С. Избирательная система России: теория, практика и перспективы. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003; Сербин М.В. Избирательная система Российской Федерации в условиях модернизации политической системы страны: Монография. – СПб.: ГУАП, 2012; Сербин М.В., Малькевич А.А., Островский Б.А. Основы избирательной системы и избирательного процесса в Российской Федерации: Учебное пособие. – СПб.: ГУАП, 2008; Роль и задачи политических партий в повышении электоральной активности молодежи: Мат. межвуз. нач.-практ. конф. Санкт-Петербург, 19 ноября 2010 года / Под ред. Н.В. Шубиной, М.В. Боера, М.В. Сербина. – СПб.: ГУАП, 2010.

депутатов в кандидаты по мажоритарному принципу. Это право принадлежало трудовым коллективам, общественным организациям, собраниям избирателей по месту жительства, т.е. создавались условия для выдвижения неограниченного количества кандидатур. И эти всенародные альтернативные выборы дали возможность подключить народ к формированию власти, и таким образом новая власть в лице формирующейся элиты получила широкую поддержку снизу, что усиливало ее легитимность. В то же время новая избирательная система имела и механизмы ограничения волеизъявления народа, главные из которых – квоты депутатов от общественных организаций, фильтрующая деятельность избирательных комиссий, возможность сделать выборы безальтернативными, не прямые выборы депутатов в Верховный Совет¹⁴⁵. То есть была возможность контролировать ход избирательной кампании и избавиться от наиболее радикальных кандидатов. В результате предпринятых мер в каждом четвертом округе выборы получились безальтернативными. И еще один очень важный момент: среди депутатов более чем в два раза снизилась доля рабочих и крестьян, но почти в три раза увеличилась доля руководителей. Для развитых западных демократий это нормальное явление, но для нашей страны, провозглашающей на протяжении 70 лет главенство рабочего класса и колхозного крестьянства, это было ударом по чувству справедливости.

Следует заметить, что новый парламент становится основным поставщиком сил для новой власти, и выборы, как уже отмечалось, стали механизмом формирования новой элиты и способом очищения, т. е. выталкивания из ее рядов неугодных в силу каких-либо причин. Выборность изменила не только лицо центральной власти, но и соответственно региональной, которая обрела независимость от центра¹⁴⁶. Представляется, что именно в этот период в политическом пространстве определялись политические игроки и роль граждан в процессе формирования власти. А для того, чтобы институты были хороши, справедливость требует, чтобы их устанавливали те, кому надлежит их уважать, т.е. все граждане или их уполномоченные, ибо только сами граждане могут выбирать любые институты¹⁴⁷. Для этого демократия гарантирует гражданам политические свободы: каждый гражданин имеет право выставить свою кандидатуру, выбирать одного из нескольких кандидатов. То есть в политике действует принцип выдвижения кандидатур и свободных выборов, а справедливость определяет, что каждый, обладая политической свободой, в меру своих способ-

¹⁴⁵ См. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М., 2005. С. 109-110.

¹⁴⁶ См. Там же. С. 115.

¹⁴⁷ См. Бешлер Ж. Демократия : аналитический очерк. – М., 1990. С. 91.

ностей стремится к осуществлению определенных целей, но поскольку способности не равны, то стихийно возникает иерархия должностей. Таким образом, в избирательном процессе формируются особые отношения, при которых повинующиеся (избиратели) дают свое согласие на повиновение, преобразующееся в соответствующий объем власти, проявляющейся в коллективной деятельности избранных (депутаты, глава государства и т.д.). Но при этом может возникнуть интересная ситуация, когда народ живет сам по себе, а власть – сама по себе, и, чем больше граждане осознают это, тем меньше их участие в избирательных кампаниях, люди «голосуют ногами» – они не приходят на избирательные участки. Эти процессы имеют место в любой политической системе, но особенно их острота проявляется в формирующихся демократиях, в том числе и в России.

Несправедливость, на наш взгляд, прежде всего ощущается гражданами в периоды, предшествующие выборам, что определяется такими факторами, как манипулирование обществом, так называемый черный пиар. Его использование в избирательной кампании России буквально потрясло западных политиков, которые, в отличие от российских, боятся, что это будет работать против них, что общество не примет таких методов политической борьбы, что разбирательство в суде испортит репутацию и т.п. Некоторые считают, что Россия вообще не готова к демократии, а бывший федеральный канцлер Германии подчеркнул, что «Россией можно править только авторитарно»¹⁴⁸.

Журналисты промолчали, граждане смирились с неизбежным, поскольку трудно противостоять административному ресурсу, позволяющему манипулировать общественным мнением и результатами выборов, используя при этом различные виды зависимостей политических игроков и населения от действующей власти. Происходит прямое нарушение закона, принципа избирательного равенства: один человек – один голос. На выборах мобилируются все ресурсы системы – финансовые, медийные, организационные, воздействующие на решения и действия других людей. Широко используется подкуп избирателей, шантаж руководителей предприятий с целью обеспечения нужного процента голосов или организуется массовое вступление в партию (так было накануне выборов в Госдуму в 2003 и в 2007 г.). Возможно уголовное преследование неугодных, сговор политических игроков. Главным механизмом избирательного процесса выступал избирком, повышалась роль политтехнологов.

Формирующийся депутатский корпус на разных уровнях все больше

---

¹⁴⁸ Россия 2003-2004: выборы и реформы: матер. X межд. науч.-практич. конф. / Под ред. А.Н. Мельникова. – Барнаул, 2003. С. 43.

состоит из чиновников, бизнесменов, но практически отсутствуют другие группы населения – молодежь, женщины, пенсионеры, работники социальной сферы, образования, культуры, рабочие и крестьяне вообще забыты (создается впечатление, что таких социально-профессиональных групп вообще нет). Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что выборы фактически стали механизмом закрепления лидирующего положения политического класса. Власть осталась непроницаемой для разночинцев. Демократические альтернативные выборы, выражающие сущность справедливости, призванные расширить доступ к власти для всех слоев населения, сыграли иную роль – они прекратили доступ в элиту незлитарных слоев (вышеперечисленных), которые стали почти полностью отрезанными от власти¹⁴⁹.

В этом плане интересны результаты выборов 2007 и 2011 гг., которые подтвердили стагнацию политической жизни в России и существование управляемой демократии, а также инфантильное отношение к политике граждан, настроенных только на свои личные заботы. С одной стороны, это можно рассматривать как положительное явление, но с другой – результат выборов продемонстрировал, что граждане не являются серьезным фактором политического процесса, т.е. их участие и влияние на власть минимально, и следовательно, институт выборов как особый механизм справедливости и часть справедливости как механизма формирования власти работает на воспроизводство конфликтов в различных сферах общественной жизни и ограничения прав личности¹⁵⁰.

В рамках демократических избирательных систем в качестве еще одной составляющей механизма справедливости выступают политические партии. В. Меркель отмечал, что развитие института партий власти

¹⁴⁹ См. Крыштановская О. Указ. раб. С. 144.

¹⁵⁰ См. Громова Д.И. Конфликтология: Курс лекций. – М.: ЭКСМО, 2000; Карташова Н.В. Специфика конфликта в профессиональной юридической деятельности // Права человека и статус правоохранительных органов: Материалы международного симпозиума (3-4 марта 1994 г.). Ч. I. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1995. – С. 159-162; Карташова Н.В. Особенности конфликтов в деятельности милиции (полиции) // Общество, право, полиция: Материалы межвузовской научно-практической конференции. 23-24 мая 1996 г. Ч. 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1996. – С. 47-49; Кузбагаров А.Н. Примирение споров по конфликтам частноправового характера: Научное издание. – СПб.: СТАТУС, 2010; Основы конфликтологии: Учебное пособие / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Юрист, 1997; Тихомиров Ю.А. Юридические конфликты: природа, виды, преодоление // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. – Вып. 6. – М., 1994. – С. 49-61; Юридическая конфликтология: Монография / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: 1995.

стало «дефектом демократии», ограничением для участия в выборах представителей гражданского общества. Народные партии, не имея мощной поддержки, как правило, неудачно выступив на выборах, исчезают с политического поля. Согласно новому закону о выборах вообще уменьшаются шансы даже участвовать в них. В такой ситуации можно говорить лишь о мнимом конституционализме, квазидемократии, профанации идеи разделения властей. Выборы все больше становятся (и это не только в России) не механизмом отбора лучших среди равных, а зоной острой конкуренции между группировками самой элиты, и поэтому не выборы, а назначения остались единственным способом рекрутирования в элиту представителей гражданского общества, а это противоречит сущности справедливости.

Таким образом, справедливость как социальный механизм есть совокупность институтов, взаимоотношений между ними, моральных и правовых норм, а как особый механизм формирования власти функционирует в соответствии с определенными принципами: равной свободы, прежде всего политической, равных возможностей, выборности, ответственности, честности. Действие этого механизма проявляется через политическую и государственную власть, ее институты. Можно выделить следующие структурные элементы формирования власти: институт выборов (закон о выборах, избирательная система, избирательное право, свобода выбора); политические партии; политическая идеология; политическая элита (способы формирования), ее взаимодействие с гражданским обществом. Следовательно, справедливость можно рассматривать и как особый механизм формирования власти, знание и совершенствование которого очень важно, так как нарушение справедливости, о чем говорилось выше (закон о выборах, ограничение избирательных прав, шантаж, создание однодневных партий и т.п.), ведет к воспроизводству несправедливости, падению доверия к власти, правовому нигилизму и другим подобным явлениям, а также создаются условия для установления диктатуры (режим личной власти) через использование внешне демократических процедур.

Справедливость является неотъемлемым элементом права, вся история человечества свидетельствует о представлении о праве как справедливости, в противоположность несправедливости. Хотя справедливость является также оценочным понятием и в каждую экономическую эпоху имела разное содержание и толкование. В теории естественного права справедливость понимается как воздаяние равным за равное¹⁵¹.

---

¹⁵¹ См. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социальности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 4(90). – С. 42-47; Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго

История договорного права развитых государств свидетельствует о наличии общего требования взаимной справедливости, которое особенно учитывалось при толковании договоров в спорных случаях. Статья 1135 Французского Гражданского кодекса содержит в числе прочих и понятие «справедливости», а абзац второй параграфа 138 Германского Гражданского уложения гласит, что договор является недействительным, если наличная диспропорция взаимных обязательств и одна из сторон заключила его, используя стесненное положение, неопытность, недальновидность и слабозволие другой стороны¹⁵².

Отсюда раздаются и мнения о целесообразности замены принципа свободы договоров принципом справедливости договоров¹⁵³.

В.С. Нерсесянц полагал, что право как равенство включает в себя и справедливость. Ученый, говоря о смысловом и этимологическом восхождении справедливости к праву, утверждал, что только право и справедливо¹⁵⁴. Несправедливым может быть, например, закон, но право несправедливым не может быть. По мнению В.С. Нерсесянца, справедливость – это правовая оценка всего остального, неправового. Он также отмечал, что требования так называемой «социальной справедливости» с правовой точки зрения имеют рациональный смысл и могут быть признаны и удовлетворены лишь постольку, поскольку они согласуемы с правовой всеобщностью и равенством и их, следовательно, можно выразить в виде требований самой правовой справедливости в соответствующих областях социальной жизни¹⁵⁵.

Справедливость традиционно рассматривается как фундаментальный правовой принцип современного государства, главным образом

Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122; Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 20-32; Сальников М.В., Федюшкина А.И. Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 125-129; Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46; Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.

¹⁵² См. Гражданское уложение Германии / *Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz*: Перевод с немецкого. Книга 1. – М.: Волтерс Клувер, 2006.

¹⁵³ См. Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. Т.2. С.16-17.

¹⁵⁴ См. Нерсесянц В.С. *Философия права*. – М.: Норма-Инфра-М., 1998. С. 28.

¹⁵⁵ См. Нерсесянц В.С. Указ. соч. С.31.

отражающий основы жизнедеятельности общества.

Под правовыми принципами традиционно понимаются руководящие положения, идеи, основные начала права, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общественного развития, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права, закрепленные в нормах действующего законодательства и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение¹⁵⁶. Другими словами, под правовыми принципами понимаются основные начала, наиболее общие руководящие положения права. Такие основные начала присущи как праву в целом (правовой системе), так и отдельным отраслям права, а также их подотраслям.

Принципы права отражают существо содержания, социальную направленность и главные отраслевые особенности правового регулирования, что помогает лучше уяснить его смысл, правильно толковать и применять конкретные правовые нормы.

По мнению авторов трехтомного учебника по теории государства и права, изданного в Санкт-Петербурге под редакцией профессоров Р.А. Ромашова и В.П. Сальникова Фондом «Университет», принципы права – это «основные исходные начала, положения, идеи, выражающие сущность права как специфического социального регулятора. Принципы права выражают главное, основное в праве, тенденции его развития, то, на что право должно быть ориентировано, устремлено». Они «выражают закономерности права, его природу и социальное назначение, представляют собой наиболее общие правила поведения, которые либо прямо сформулированы в законе, либо выводятся из его смысла»¹⁵⁷.

Вместе с тем принципы права должны учитываться при обнаружении пробелов в законодательстве и применении правовых норм по аналогии¹⁵⁸.

¹⁵⁶ См. Калмыков Ю.Х. О значении общих положений гражданского законодательства. / Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. – М., 1998. С. 17.

¹⁵⁷ Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, дополненное, переработанное. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. С. 20

¹⁵⁸ См. Божок В.А. Институт аналогии в гражданском и арбитражном процессуальном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005; Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юрид. лит., 1974. – 184 с.; Лазарев В.В. Пробелы в праве: вопросы понятия пробелов и критика теории беспробельности права. – Казань: КазГУ, 1969; Назарова Н.Л., Сальников С.П., Лисинская И.Е. Институт аналогии в современном праве России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 51-57; Фомина Л.А. Аналогия закона и аналогия права в системе способов преодоления пробелов гражданского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009; Хачатуров Р.Л. Аналогия в праве // Вектор науки

Для гражданского права это обстоятельство особенно имеет особенно важное значение, так как оно чаще других отраслей сталкивается с такими ситуациями. В соответствии со статьей 6 Гражданского кодекса Российской Федерации в случаях, когда предусмотренные пунктами 1 и 2 статьи 1 названного Кодекса отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствуют применимые к ним обычаи, к таким отношениям, поскольку это не противоречит их существу, применяются нормы гражданского законодательства, регулирующие сходные отношения (аналогия закона). А при невозможности использования в указанных случаях аналогии закона права и обязанности сторон определяются, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости (аналогия права). Таким образом, разрешение той или иной жизненной ситуации возможно на основе правовых принципов, являющихся оценочными и «усмотрительными» понятиями.

А.Г. Диденко, рассмотрев широкий спектр оценочных понятий в гражданском праве, приходит к выводу, что оценочный метод является также самостоятельным методом гражданско-правового регулирования. Под ним он имеет в виду предоставление уполномоченным субъектам возможности самостоятельно устанавливать правовое предписание для конкретного случая в рамках общих границ, предусмотренных законодательством¹⁵⁹.

Тем самым дозволительный характер гражданско-правового регулирования заведомо предполагает возможность появления таких правоотношений, которые вообще не предусмотрены ни в одной правовой норме, но соответствуют общим началам и смыслу гражданского законодательства. Принцип справедливости реализуется в таких основных началах гражданско-правового регулирования как:

- принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела;
- принцип юридического равенства участников гражданско-правовых отношений;
- принцип неприкосновенности собственности;
- принцип свободы договора;

ТГУ. – 2009. – № 5(8); Шергина М.Н. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 28-31; Шиндяпина Е.Д. Аналогия права в правоприменении: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2007.

¹⁵⁹ См. Диденко А.Г. Оценочные понятия в гражданском законодательстве. // Гражданское законодательство РК. Статьи, комментарии, практика. – Астана, 2002. С. 81.

- принцип самостоятельности и инициативы (диспозитивности) в приобретении, осуществлении и защите гражданских прав;
- принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, в том числе свободы имущественного оборота (перемещения товаров, услуг и денег);
- принцип запрета злоупотребления правом и иного ненадлежащего осуществления гражданских прав;
- принцип всемерной охраны гражданских прав, включая возможность восстановления нарушенных прав и обеспечение их независимой от влияния сторон судебной защиты.

Одним из наиболее сложно реализуемых вышеуказанных правовых принципов является принцип юридического равенства участников правоотношений. Если установить формальное юридическое равенство (наделить всех одинаковыми правами, обязанностями и запретами), то фактическое неравенство усугубится, и сильный получит возможность злоупотреблять своей силой в ущерб слабому. Поэтому закон должен предусматривать такие правила, которые позволяют юридическими средствами нивелировать фактическое неравенство и сделать контрагентов действительно равными партнерами. Необходима простая формула: равенство нравственного достоинства обеспечивается установлением справедливого юридического неравенства, адекватно уравнивающего фактическое неравенство.

Даже если одна из сторон экономически сильнее другой, они должны выступать в гражданско-правовом отношении как субъекты, располагающие равными возможностями, и в равной степени находить признание и защиту своих интересов. Государство должно помогать экономически слабой стороне, используя соответствующие приемы правового регулирования¹⁶⁰. Предоставляя слабой стороне дополнительные права и, соответственно, возлагая на ее контрагента по договору дополнительные обязанности, ГК РФ и другие законы тем самым обеспечивают на деле равенство участников договорных отношений. Следовательно, задача гражданского права состоит в «выравнивании» участников имущественного оборота путем установления для слабой стороны обязательства особых условий участия в договорных отношениях: льготного порядка заключения, изменения или расторжения договора, предоставления слабой стороне дополнительных прав и возложения на ее контрагента дополнительных обязанностей, ужесточения ответственности сильной стороны в обязательстве

¹⁶⁰ См.: Яковлев В.Ф. О правовом обеспечении экономического развития // Журнал российского права. – 1997. – № 9. – С. 22.

за его неисполнение либо ненадлежащее исполнение, и наоборот, ограничение ответственности слабой стороны и т.п.¹⁶¹

Экономическое неравенство, препятствующее реализации принципа равного нравственного достоинства, может быть обусловлено различными субъектными особенностями: спецификой гражданина как физического лица, гражданина-потребителя, потребителя в широком смысле (как стороны, противостоящей производителю). Слабой стороной может быть и производитель, занимающийся определенным видом предпринимательской деятельности (таковым, к примеру, является сельскохозяйственный производитель). От степени экономического неравенства зависит «дозирование» правовых средств, требующихся для устранения его неблагоприятных последствий. В связи с этим чрезвычайно важно выявить каждый вид обязательства, характеризующийся экономическим неравенством контрагентов, и установить субъектный признак, которым экономическое неравенство обусловлено. От этого зависит правильная унификация юридического материала, распространение правовых норм, отражающих определенный уровень экономического неравенства на все правоотношения, в которых оно присутствует.

Участников гражданских правоотношений можно условно разделить на две группы: производители (т.е., кто совершает основное договорное действие: продает товар, передает имущество во временное пользование, выполняет работы, оказывает услуги, предоставляет займы денежные средства и т.д.) и потребители (те, кто «покупает» товар, работу, услугу, временное пользование имуществом и т.д.). Проблема обеспечения интересов потребителя (имеется в виду потребитель в широком смысле: как сторона, противостоящая производителю) решается путем достижения оптимального соотношения между экономическими и юридическими средствами. Это соотношение можно охарактеризовать как обратно пропорциональное. Чем лучше интересы потребителей обеспечиваются экономически, тем мягче может быть их законодательное ограждение, и наоборот: чем хуже развито производство, тем большей опасности подвергается потребитель и, следовательно, тем жестче должна быть законодательная защита. Уровень обеспеченности потребительских интересов непосредственно зависит от состояния производства, конкуренции, соотношения спроса и предложения. И если в обществе с развитыми товарноденежными отношениями указанные экономические факторы весьма эффективно работают на потребителя, то в условиях неразвитой товарно-денежной

---

¹⁶¹ См. Там же.

инфраструктуры они практически не действуют, в силу чего особое значение приобретают правовые средства.

Степень неравенства производителя и потребителя может быть различной. Эти различия предопределяются разными факторами: направленностью обязательства (к примеру, положение потребителя на рынке услуг может быть более благоприятным, чем положение заемщика в кредитных отношениях, или наоборот), предметом договора и т. п. В некоторых случаях экономическое неравенство предопределяется сферой хозяйственной деятельности (дефицитностью тех или иных товаров, работ, услуг), что также должно быть учтено в законодательстве.

В целом действующий ГК РФ создан как закон, регламентирующий отношения между производителями и потребителями как экономически равноправными контрагентами. Тем не менее в нем содержатся нормы, предоставляющие дополнительные права стороне, противостоящей производителю. Некоторые из них имеют общее значение и поэтому размещены в первой части ГК РФ, в частности это ст. 426 и 428, регламентирующие публичный договор и договор присоединения. Кроме того, экономическое неравенство производителя и потребителя предопределило создание специальных договорных институтов во второй части ГК РФ (например, договоров проката и банковского вклада).

Экономическое неравенство между производителем и потребителем (как стороной, противостоящей производителю) может усугубляться, если противостоящая производителю сторона (юридическое лицо или гражданин) действует не с предпринимательской, а с потребительской целью. По выражению А.Л. Маковского, в основе такого неравенства лежит то, что предприниматель, в отличие от потребителя, – профессионал; он, действуя в обороте, знает больше и может больше, с него, соответственно, должен быть и больший спрос¹⁶².

В ГК РФ предусмотрен специальный правовой режим для договоров, в которых участвует потребитель. Часть норм имеет общее значение. Так, в ст. 401 ГК РФ предусмотрено, что потребитель в отличие от предпринимателя по общему правилу несет ответственность при наличии вины. В ст. 426 ГК РФ предусмотрены особые правила для публичного договора, применимые к обязательствам, в которых участвует потребитель. Кроме того, специфическое правовое регулирование, предусмотренное в ст. 428 ГК РФ для договоров присоединения, распространяется на такие правоотношения с участием потребителя, которые могут быть квалифицированы

¹⁶² См.: Маковский А.Л. О концепции первой части Гражданского кодекса // Вестник ВАС РФ. – 1995. – № 4. – С. 86.

как договор присоединения.

Участие в обязательстве потребителя обуславливает также особую регламентацию конкретных видов гражданских договоров. Причем важно иметь в виду, что специального регулирования требует не просто участие в правоотношении потребителя, а определенная степень его экономического неравенства. Поэтому особое регулирование предусмотрено не для всех обязательств с участием потребителей, а лишь для таких, в которых, по мнению законодателя, существует экономическое неравенство, требующее юридического противовеса. Так сформулирован институт розничной купли-продажи. Содержащиеся в нем правила направлены на то, чтобы нивелировать экономическое неравенство между розничным продавцом и потребителем, приобретающим товар для целей личного использования. Потребитель может участвовать и в других отношениях купли-продажи, в том числе и таких, где ему противостоит продавец-предприниматель. Однако специальное регулирование, направленное на устранение экономического неравенства, установлено лишь для тех договоров, где потребителю противостоит розничный продавец. Значит, по мнению законодателя, только при розничной купле-продаже интересы потребителя нуждаются в особой защите.

Поскольку ГК РФ предусматривает специфическое правовое регулирование для отношений с участием потребителя, необходимо четко представлять, в каком случае лицо может считаться действующим с потребительской целью. Во-первых, важно учитывать, что потребительскую цель может преследовать коммерческая организация, а предпринимательскую – некоммерческая. Потребительская цель определяется не формальным статусом юридического лица или гражданина, а конкретным намерением при заключении конкретной сделки. Во-вторых, в отношении коммерческих организаций действует презумпция, согласно которой все совершаемые ими сделки носят предпринимательский характер. Применительно к некоммерческим организациям, напротив, действует презумпция потребительской цели¹⁶³.

Наибольшая степень экономического неравенства существует в отношениях между производителем, действующим с предпринимательской целью (далее по тексту будет именоваться как предприниматель), и потребителем-гражданином. В таких обязательствах зависимое положение потребителя усугубляется естественными качествами гражданина как физического лица. Указанное экономическое неравенство требует значительного внедрения в

¹⁶³ См.: Гражданское право: Учебник: в 3 т. 4-е изд. / Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой Т. 2. – М., 2008. С. 45-46.

гражданские правоотношения публичного регулирования, позволяющего юридическими средствами выровнять контрагентов. Эта проблема существует практически везде.

Особого внимания заслуживает вопрос о равенстве субъектов гражданского права при принятии решений собраниями, в частности решений коллегиальных органов юридического лица¹⁶⁴, собраний кредиторов при банкротстве¹⁶⁵, участников общей долевой собственности на земельные паи¹⁶⁶, собственников в многоквартирном доме¹⁶⁷. Субъектами таких решений являются лица, обладающие правом на голосование: участники юридического лица, сосособственники, кредиторы в деле о банкротстве и т. п.

Специфика указанных решений как юридических фактов заключается в том, что они, во-первых, вступают в законную силу, даже если кто-то из участников собрания голосовал против их принятия, и, во-вторых, порождают правовые последствия для всех участников, в том числе и тех, кто не участвовал в собрании или голосовал против. Подчинение меньшинства решению, принятому большинством, – демократический принцип цивилизованного правопорядка. В Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ¹⁶⁸ обоснованно отмечено, что для решений собраний, исходя из их природы, как правило, не применим принцип единогласия; в виде исключения он может быть сохранен только для наиболее важных вопросов, затрагивающих каждого участника; во всех остальных случаях решение должно приниматься большинством голосов.

Российское право предусматривает различные системы голосования: как предоставляющие каждому участнику один голос, так и наделяющие их разным количеством голосов. С одной стороны, члены производственного кооператива имеют по одному голосу при принятии решения общим собранием независимо от размера пая (п. 2 ст. 15 Федерального закона от

¹⁶⁴ См., например, Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1; Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7 – Ст. 785.

¹⁶⁵ См. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

¹⁶⁶ См. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30 – Ст. 3018.

¹⁶⁷ См. Жилищный кодекс Российской Федерации. – М., 2015.

¹⁶⁸ См. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Бюллетень нотариальной практики. – 2009. – № 3. – С. 2-13.

8 мая 1996 г. № 41-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «О производственных кооперативах»); каждый участник полного товарищества и товарищества на вере по общему правилу имеет один голос (ст. 71 и 84 ГК РФ). С другой стороны, акционеры (участники общества с ограниченной ответственностью) обладают количеством голосов, пропорциональным количеству принадлежащих им акций (долей в уставном капитале) (ст. 31 Федерального закона «Об акционерных обществах» и ст. 32 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»); конкурсный кредитор и уполномоченный орган обладают на собрании кредиторов числом голосов, пропорциональным размеру их требований к должнику (п. 3 ст. 12 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»; количество голосов, которым обладает собственник помещения в многоквартирном доме на общем собрании, пропорционально его доле в праве общей собственности на общее имущество в доме (ст. 48 ЖК РФ).

Зарубежное право также закрепляет различные правила голосования. Например, акционерное законодательство Англии предусматривает, что в компании с акционерным капиталом каждый член имеет один голос на каждую акцию или на каждые 10 фунтов стерлингов принадлежащей ему доли в акционерном капитале; во всех других случаях голосование проводится по принципу один голос на каждого члена компании¹⁶⁹. Законодательство Германии, США, Англии и Франции, регламентирующее несостоятельность (банкротство), закрепляет разнообразные начала голосования¹⁷⁰. Рассматриваемый вопрос не единообразно разрешался и в дореволюционном отечественном и зарубежном законодательстве¹⁷¹.

Если голосование построено по принципу «один участник – один голос», нет сомнений в соблюдении принципа равенства. Однако этого нельзя сказать о процедуре, при которой участники имеют разное количество голосов, поскольку они обладают неравными возможностями при принятии решения. И все же главный вопрос состоит не в том, нарушается ли равенство при такой форме голосования, а в том, является ли неравенство справедливым. Как уже отмечалось, справедливость требует учета нравственно обоснованных факторов. Поскольку процедуры, основанные на предоставлении неравного числа голосов, учитывают главным образом

¹⁶⁹ См.: Петровичева Ю.В. Акционерное законодательство Англии и России. Сравнительно-правовой анализ. – М., 2002. С. 151.

¹⁷⁰ Подробнее об этом см.: Степанов В.В. Правовое регулирование несостоятельности в Германии, США, Англии, Франции и России // Актуальные вопросы гражданского права / Под ред. М.И. Брагинского. – М., 1998. С. 161-228.

¹⁷¹ Подробнее об этом см.: Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. – М., 2000. С. 428-431.

имущественный признак (размер корпоративного участия в юридическом лице, сумму права требования к банкроту, долю в праве общей собственности), необходимо определить, является ли он разумным и этически верным основанием для отступления от принципа равенства.

Применение начала пропорциональности при наделении правом голоса основано на том, что лицо должно иметь влияние на решение вопросов, рассматриваемых на собрании, пропорциональное его интересу, который, в свою очередь, определяется размером его имущественного права. Критикуя принцип пропорциональности, И.Т. Тарасов писал, что понятие об интересе всегда субъективно; нередко бедный человек связывает с одной акцией больше интереса, чем богатый – с десятками акций; соразмерить право голоса с интересом, взяв за основу величину вклада в акционерный капитал, так же невозможно, как невозможно соразмерить ум с деньгами. Поэтому неравенство имущественных прав и обязанностей должно влиять только на пропорциональное неравенство их осуществления, т. е. получение пропорциональных имущественных выгод и обременений. Например, в акционерном праве в отношении права голоса необходимо сделать различие между использованием им в сфере или вне сферы имущественных отношений: в имущественных вопросах должно применяться начало пропорциональности во всем его объеме (сколько акций – столько и голосов), во всех остальных вопросах управления компанией должно соблюдаться полное равенство в использовании правом голоса¹⁷².

Справедливое юридическое неравенство всегда служит утверждению высшего равенства – равенства нравственного достоинства, следовательно, оно не должно создавать условий для недобросовестного поведения в конкретных правоотношениях. Поэтому, если признать неравенство в праве голосования необходимым¹⁷³, оно может считаться справедливым лишь в том случае, когда его реализация не влечет получения лицом, имеющим больше голосов, необоснованных преимуществ за счет лица, имеющего меньше голосов. Не случайно правовые системы, допускающие пропорциональный принцип голосования, уделяют серьезное внимание тому, чтобы законодательно исключить злоупотребления преимуществом в количестве голосов. В частности, в вышеуказанном проекте Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ обосновывается необходимость включения в ГК РФ норм о таких основаниях

¹⁷² См.: Тарасов И.Т. Указ. раб.

¹⁷³ Вывод о соответствии пропорционального принципа голосования Конституции РФ сделан КС РФ в Постановлениях от 22 июля 2002 г. № 14-П и от 30 января 2009 г. № 1-П.

ничтожности решений собраний, как противоречие содержания решения основам правопорядка или нравственности, нарушение принципа равного отношения к участникам собрания при прочих равных условиях (недопустимое вмешательство в права акционеров на участие в управлении обществом, получение излишних, необоснованных преимуществ одних участников голосования перед другими и т. д.).

Принцип равного нравственного достоинства участников правоотношения по отношению друг к другу должен соблюдаться и в процессуальных отношениях. Как уже отмечалось, одно из проявлений равного нравственного достоинства – равное право на истину. В юридическом аспекте равное право на истину означает, в частности, равное право на справедливое разрешение спора: полное исследование и объективную оценку фактических обстоятельств конкретного правоотношения, а также справедливое применение к нему законодательных норм¹⁷⁴. Стороны равны в праве на установление истины судом. Однако их фактическое неравенство (прежде всего по имущественному положению, предопределяющему разницу в квалификации юридического представительства, или по социальному статусу) нередко приводит к тому, что они имеют несопоставимые возможности влияния на установление истины по делу. В то же время фактическое неравенство не должно препятствовать реализации равного права на истину. Для этого процессуальный закон должен наделять участников процесса, относящихся к разным «весомым» категориям, различным процессуальным статусом (объемом процессуальных прав, обязанностей и ответственности), нейтрализующим фактическое неравенство.

Кроме того, для обеспечения равного права на истину большое значение имеет правильное применение судом принципа состязательности. Необходимо помнить, что состязательность – не самодостаточный процессуальный принцип, а лишь средство для вынесения справедливого судебного решения. Этот принцип в чистом виде работает там, где возможно состязание, а состязание возможно только между равными соперниками. Если один из них заведомо сильнее другого, состязание превращается в юридическое «избиение». Поскольку в таких условиях принцип формальной состязательности не способствует установлению истины, он должен быть восполнен дополнительной активностью суда.

Вышеизложенное можно проиллюстрировать на процессуальных особенностях рассмотрения дел, вытекающих из публичных правоотношений, принципиальная особенность которых состоит в том, что

¹⁷⁴ См. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.

одной из сторон в них выступает государственный орган, выражающий публичные интересы. Эти отношения основаны на властном подчинении одной стороны другой. Частному юридическому лицу или гражданину сложно на равных спорить с государством, поэтому судебная процедура должна процессуальными средствами помогать слабой стороне, обеспечивая ее фактическое равенство в споре с государством. В России эта проблема стала особенно актуальной в аспекте совершенствования административного судопроизводства. В АПК РФ и ГПК РФ есть специальные главы, которые регламентируют особенности рассмотрения дел, возникающих из административно-правовых отношений. Прежде всего, специфика выражается в распределении бремени доказывания. Поскольку при возникновении административного спора заявителем выступает, как правило, лицо, чьи права нарушены государством, и это лицо находится в административной зависимости от него, то такому заявителю практически невозможно представить доказательства противоправности действий государства. В связи с этим потребовался перенос бремени доказывания на более «сильную» сторону – государство. Если в соответствии с общим правилом искового производства каждое лицо должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, то согласно нормам гл. 22 АПК РФ, регулирующей особенности рассмотрения административных споров, публичные органы должны доказать законность оспариваемого акта и наличие обстоятельств, послуживших основанием для его принятия. Другая сторона должна лишь доказать, что административный акт нарушает ее права и законные интересы. Аналогичное правило о бремени доказывания предусмотрено в ст. 249 ГПК РФ.

С предыдущим вопросом тесно связана проблема особенностей состязательности по административным спорам. В административном судопроизводстве нет и не должно быть формально равной состязательности. Поэтому в целях фактического выравнивания спорящих сторон законодатель предоставляет «слабой» стороне дополнительные процессуальные гарантии по истребованию доказательств, обеспеченные повышенной активностью суда. Согласно ст. 200 АПК РФ суд вправе по своей инициативе истребовать доказательства от публичного органа и применить ответственность за их не предоставление. Данный вопрос аналогичным образом урегулирован в ст. 249 ГПК РФ.

В АПК РФ установлены специальные правила подсудности дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. В частности, заявление о привлечении к административной ответственности

должно подаваться по месту нахождения лица, привлекаемого к административной ответственности; заявление об оспаривании решения административного органа подается в суд по месту нахождения заявителя. Аналогичные положения предусмотрены в ГК РФ. В процессе работы над проектом АПК РФ вносилось предложение об установлении подсудности по указанным делам по месту нахождения государственного органа. В обоснование этого предложения приводился, казалось бы, логичный довод: нередко объем документов, которые должен предоставить в суд государственный орган, весьма велик, поэтому целесообразно приблизить суд к «источнику доказательств». Однако законодатель поступил мудро, принеся указанную техническую целесообразность в жертву одному из основных принципов административного судопроизводства – защите «слабой» стороны.

Обеспечению фактического равенства сторон также служит ст. 201 АПК РФ, предусматривающая особенности решения по делу об оспаривании ненормативных правовых актов. В частности, такие решения подлежат немедленному исполнению, если иные сроки не установлены судом. Суд вправе также установить в резолютивной части решения обязанность соответствующего органа или должностного лица сообщить суду об исполнении решения.

Можно выделить несколько моделей понимания справедливости российскими гражданами. Они не являются альтернативными и могут совмещаться в сознании людей в различных комбинациях.

Во-первых, наиболее распространено социал-демократическое видение справедливости в контексте конструирования отношений между социальными группами с явным доминированием дистрибутивного аспекта. Справедливость понимается в этом случае как социальное равенство в области прав и обязанностей граждан, их статуса вне зависимости от уровня доходов. Однако требования социума чаще всего касаются все же материальной стороны жизни. Согласно этому подходу, по мнению большинства граждан России, природные богатства не могут принадлежать кому-то одному или немногим, они должны быть достоянием всех жителей страны. Соответственно средства, полученные от добычи полезных ископаемых, должны распределяться между всеми жителями.

Во-вторых, в либеральной парадигме акцент делается на равенстве всех перед законом и жестком контроле государства за реализацией этого принципа. Но в представлении многих граждан России сами законы, устанавливаемые облаченными властью людьми, несправедливы. С точки зрения права наказание справедливо, когда оно соответствует характеру и степени

общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения, а также личности виновного. При этом суд не должен руководствоваться субъективными аспектами – эмоциями или чувством мести. Однако гарантированный государством гражданам уровень справедливости не всегда воспринимается ими как достаточный или адекватный. Более того, многие убеждены, что «в государственных отношениях России действует не равное для всех, абстрактное право как единая система, а право – как произвол конкретных личностей»¹⁷⁵. Для многих возникает почти неразрешимая субъективно проблема: как относиться к этим законам и нормам? В общественном сознании распространены стереотипы, согласно которым законы защищают не человека, но установившее их государство, а справедливость как «высшая правда» – ценность более высокого уровня, чем закон и право. Несправедливыми в общественном сознании считаются и некоторые правоприменительные практики. Например, право на самозащиту, защиту своих близких и своего имущества при рассмотрении дел в российских судах часто оборачивается наказанием за превышение пределов необходимой обороны, что, с точки зрения большинства, несправедливо. Сомнительной считается и система штрафов за взятку, если она получена чиновником. Классическое выражение «Вор должен сидеть в тюрьме» персонажа В. Высоцкого из фильма «Место встречи изменить нельзя» в общественном сознании трансформировалось в «Укрывший чиновник должен сидеть в тюрьме». Принцип воздаяния за преступления против жизни, особенно если речь идет о детях, также воспринимается буквально: «Око за око и зуб за зуб» (т. е. жизнь за жизнь). Аналогичным образом в некоторых национальных регионах России воспринимается право кровной мести¹⁷⁶. Действующий в настоящее время в России мораторий на исполнение смертной казни (в 1996 г. Б.Н. Ельцин подписал указ о поэтапном сокращении смертной казни в стране) далеко не всеми воспринимается как справедливый. Существующая правоохранительная система не гарантирует достижения фактической справедливости для

---

¹⁷⁵ Фан И.Б. Апатия вместо жажды: свобода и справедливость в жизни российского гражданина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2011. – Вып. 11. – С. 270-283 (Fan I.B. Apathy instead Thirst: Freedom and Justice in a Life of a Russian Citizen // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2011. Vol. 11. P. 270-283). С. 272.

¹⁷⁶ См. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2014. – 736 с.; Смирнов А.М. Институт кровной мести в контексте генезиса общества и государства // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 119-125.

всех¹⁷⁷. Многие граждане России убеждены в том, что в стране не действует даже принцип «Своим – все, остальным – закон». На практике реализуется другое правило: «Своим – все, остальным – ничего». В общественном мнении закреплён стереотип об абсолютной бесперспективности участия в судебных разбирательствах, противоположной стороной в которых выступают должностные лица или государство. Многие граждане России убеждены, что тяжбы в судах часто используются для «наказания неугодных власти», а также в целях перераспределения собственности, отъема бизнеса. До сих пор в массовом сознании популярна старая русская поговорка: «Закон – дышло, куда повернул, туда и вышло». Фактическая избирательность применения норм законов воспринимается как крайне неспра-

---

¹⁷⁷ См. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и яллийские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150; Возгрин И.А., Сальников В.П. Новое информационное обеспечение правоохранительной деятельности органов внутренних дел (концептуальные проблемы и система организации). – СПб., 2000; Деятельность государства и правоохранительных органов: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Выпуск 22. Часть 2. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005; Проблемы развития современного общества и правоохранительные органы: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 12. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2000; Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.; Рахимзода Р.Х. Министерство внутренних дел Республики Таджикистан как правоохранительный орган // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 110-117; Рахимзода Р.Х. Правоохранительная система Республики Таджикистан: понятие и общая характеристика // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 172-183; Рахимзода Р.Х. Судебная система, прокуратура, органы национальной безопасности, министерство юстиции Республики Таджикистан и правоохранительная деятельность государства // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 110-117; Рахимзода Р.Х. Таможенные и налоговые органы, Национальная гвардия, Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан в контексте правоохранительной деятельности // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 196-204; Теоретические прикладные проблемы деятельности правоохранительных органов в современных условиях: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том выпуск 13 часть 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: 2000; Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 156 с.; Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М.: Информационно-методический центр Главного управления кадров МВД России, 2004. – 95 с.

ведливая. Такой подход исходит из исторического опыта¹⁷⁸, традиций¹⁷⁹ и исконного российского правового нигилизма¹⁸⁰.

¹⁷⁸ См. Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Каныкова Т.Е., Лядов А.О., Сальников М.В. Российское право. IX-XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.; Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А., Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»); Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»); Сальников М.В. Развитие русской общественной мысли конца XIV – начала XVI в. // История государства и права. – 2005. – № 1. – С. 49-50; Сальников М.В., Румянцева В.Г. Догма права в концепции С.А. Муромцева // История государства и права. – 2004. – № 5. – С. 5-6.

¹⁷⁹ См. Дашин А.В., Сальников М.В., Клименко О.А. Обычное право в правовой системе традиционного общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 42-58; Ерофеев К.Б., Сальников М.В. Древняя Русь и правовые идеалы славянских язычников // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 52-66; Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.

¹⁸⁰ См. Бондарев А.С. Правовой нигилизм – форма правовой антикультуры личности // Вестник Пермского ун-та. – Серия: Юридические науки. Вып.2. – Пермь. – 2001; Вороненков Д.Н. Правовой нигилизм и правовой идеализм в современном российском обществе на рубеже веков / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Юридический ин-т (Санкт-Петербург), 2004. – 155 с.; Домбровский В.В., Шелепова М.А. Правовой нигилизм и некоторые вопросы правосознания личности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 191-199; Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29; Захарцев С.И., Сальников В.П. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 172-180; Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30; Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179; Кальной И.И. Правовой нигилизм и его основания // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4(1). – С. 60-66; Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как явления российского политического менталитета // Право и жизнь. – 2002. – № 47. – С. 5-38; Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 3-16; Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Общая теория государства и права. В 3 т. Т.3. / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2001. – С. 327-356; Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Правовая культура. – 2012. – № 1(12); Ромашов Р.А. Правовая культура и правовой нигилизм

В-третьих, в сознании людей справедливость связана с системой нравственных ценностей. Так, она рассматривается как высшая характеристика идеального политика наряду с его порядочностью и честностью. Справедливость ассоциируется также со способностью власти таким способом разрешать социальные и политические проблемы, чтобы у всех участников конфликта оставалось ощущение адекватности принятого решения (т. е. в данном случае речь идет об эмоциональном восприятии, об оценке и не более того). Это понимание справедливости охватывает два аспекта: справедливость взаимодействия и процедурную справедливость.

Наконец, в-четвертых, справедливость воспринимается как духовная ценность, универсальный принцип воздаяния каждому за содеянное, основанный на тяге человека к правде. Для людей действительно верующих и при этом воцерковленных (а таких в стране не более 15-17%) проблема воздаяния за несправедливость решается в рамках догм религии как наличие идеи высшей справедливости, реализация которой всего лишь отложена во времени. Для всех остальных достижение справедливости остается неосуществимой мечтой.

Для массового сознания россиян нетипично консервативное понимание социальной справедливости, когда ставка делается на корпоративизм, а ресурсами поддержки населения выступают полученные на основе обязательного социального страхования и зависящие от сферы занятости и продолжительности отчислений накопления самого работника. Современная концепция пенсионного обеспечения в РФ как раз и строится на этой идее¹⁸¹.

Общественное мнение большей части граждан нашей страны едино в том, что в современной России справедливость отсутствует совсем¹⁸².

молодежи // Правовые и экономические аспекты молодежной политики: Матер. Междун. науч.-прак. конф., г. Санкт-Петербург, 29 апреля 2009 г. / Под общ. ред. Т.И. Козловой; Институт правооказания и предпринимательства, Межрегиональная обществ. организация юристов и предпринимателей «ФОРУМ». – СПб.: ИПП, 2009. С. 48-53; Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 2-8; Смирнов А.М. Феномен правового нигилизма в российском обществе и готовность граждан к внесудебным способам разрешения криминальных конфликтов // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 143-146; Туманов В.А. О правовом нигилизме // Сов. государство и право. – 1989. – № 10. – С. 20-27; Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 52-58.

¹⁸¹ См., например: Новиков В.А. Пенсионное обеспечение и социальная справедливость (на примере РФ) // Вестн. междунар. ин-та менеджмента ЛИНК. – 2012. – № 28. – С. 178-185.

¹⁸² См., например: Константинова Л.В., Константинов С.А. Социальная

Особенно остро, как проявление тотальной несправедливости, воспринимается социальная эксклюзия, обеспечивающая фактическое социально-статусное неравенство различных социальных групп. Во многом такое субъективное восприятие связано с тем, что расширение справедливости оценивается как некий идеальный, но при этом ожидаемый, абсолютно естественный ход развития социума и государства, а крайне негативно воспринимается именно ее нарушение (проводится аналогия с воздухом, отсутствие которого не просто заметно, но не позволяет жить). Однако реакция на социальную несправедливость носит в России спорадический и преимущественно эмоциональный характер, выплескивающийся в отдельных протестных акциях. Именно таким образом следует оценивать массовые протестные акции декабря 2011 – февраля 2012 г; большинство их участников совершенно искренне негодовало по поводу нарушений их избирательных прав на думских выборах из-за фальсификаций результатов. Участия в конструировании справедливого проекта будущего фактически ни одна из социальных групп не принимает.

Справедливость основывается на идее общего блага и добра, а также недопустимости зла в государстве в отношении одновременно многих людей и каждого человека персонально¹⁸³. «В либерально-демократических обществах справедливость понимается как высшая степень согласованности различных интересов, воплощенная в такой политической системе, при которой соблюдаются условия для достижения максимума свободы для возможно большего числа индивидов; это равенство в свободе по универсальному закону»¹⁸⁴; в России же простые люди чаще всего воспринимают властные структуры и государственную власть как источники несправедливости. Перманентное ощущение социальной несправедливости – очень серьезный фактор риска дестабилизации политической обстановки. На фоне развития новой волны экономического кризиса это может значительно усугубить ситуацию в стране. Образ социальной справедливости как общественного идеала не является чем-то незыблемым и неизменным; он не имеет единого критерия истинности для различных соци-

---

справедливость в российском интерьере // Власть. – 2012. – № 5. – С. 98.

¹⁸³ См. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.; Захарцев С.И., Лапина Н.В., Моргунов В.Я. Формула доброты: Документально-художественная книга. – М.; СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 468 с. + 64 илл.; Степашин С.В. Коррупция – абсолютное зло в любой стране, а в стране, где высок процент бедных – зло в квадрате // Человек и труд. – 2007. – № 2. – С 4-11.

¹⁸⁴ Фан И.Б. Указ. раб. С. 271.

альных групп. Кроме того, в общественном сознании постепенно формируется идея «восстановительной» справедливости даже спустя много лет после того, как этот принцип был погран.

Мониторинг «Политический Петербург», который Центр эмпирических политических исследований факультета политологии СПбГУ проводил с 2000 по 2013 г.,¹⁸⁵ неизменно фиксировал, что тема справедливости не актуализирована в сознании только у 10-13 % жителей мегаполиса. Не менее 30 % респондентов при выборе между альтернативами «права человека» или «справедливость» называли именно вторую ценность, а свыше 40 % хотели бы совмещения этих принципов в общественной жизни. Кроме того, задача реализации справедливости в сознании рядовых граждан соотносится с ценностью свободы. Свобода актуализирована в сознании людей в меньшей степени, чем справедливость, но тем не менее воспринимается гражданами нашей страны необходимым условием реализации справедливости, в то время как справедливость предполагает воплощение в общественной жизни свободы – «свободы для» и «свободы от». Максимальные возможности для самореализации людей в соответствии с их способностями должны сочетаться с системой экономических, социальных и политических отношений, устанавливающей определенные ограничения на действия всех индивидов, но вместе с тем способствующей реализации общественного блага. В общественном сознании справедливость воспринимается как идеал, ценность и право человека.

Специфика понимания справедливости российскими гражданами зависит от их возраста и уровня материального благосостояния. Большинство людей среднего и старшего возраста понимают справедливость как социальное равенство, «правильное», соразмерное воздаяние за поступки людей, что не всегда соответствует принципу законности. Ценность справедливости менее важна для молодых людей, они воспринимают ее как принцип отношений на уровне личного взаимодействия. Женщины и люди с низкими зарплатами в большей степени, чем мужчины и обладатели высоких доходов, признают значимость этого принципа в социальной жизни. Идеи тотальной эгалитарности как высшего проявления социальной справедливости на сегодняшний день в сознании россиян развиты слабо и сохраняются преимущественно в массовом сознании

---

¹⁸⁵ См. Ежегодный телефонный опрос взрослого населения Санкт-Петербурга с репрезентативной выборкой объемом не менее 1111 респондентов и контролем по полу, возрасту, уровню образования; ошибка выборки не превышает 3%. Аналитическая группа: докт. полит. наук, проф. О.В. Попова, канд. полит. наук, доц. О.В. Лагутин, канд. полит. наук, доц. Е.О. Негров, А.В. Шентякова.

старших возрастных групп.

С точки зрения российской политической элиты, декларация принципа справедливости способна объединить представителей различных социальных групп, смягчить социальную напряженность в обществе, что особенно актуально во времена экономического кризиса, а то и стать основанием общенациональной идеи. Однако это представление достаточно иллюзорно. Объективно интересы различных социальных групп, например чиновников и рядовых граждан, собственников и наемных работников, существенно отличаются. Любое политическое решение будет восприниматься совершенно по-разному, достаточно вспомнить, например, об отношении к единой шкале налогов с доходов малообеспеченных и богатых людей в России. Для первой группы понятие справедливости в сфере налогообложения связано с установлением процедуры дифференцированного исчисления налогов в зависимости от размера получаемых доходов по образцу ряда скандинавских стран. Плоская недифференцированная шкала налогов воспринимается как неправильная, усугубляющая материальное неравенство в обществе. Особенно несправедливой в общественном мнении считается возможность ухода собственников от уплаты налогов. Таким образом, в представлениях низших и средних социальных слоев российского общества нарушены принципы общности и равномерности (соразмерности) обложения налогами всех граждан страны. Для богатых и даже просто обеспеченных людей прогрессивная система налогов, да и высокие налоги сами по себе – это нарушение принципа социальной справедливости. Более того, наемные работники считают справедливым отчисление с размера своей зарплаты только подоходного налога, в то время как с собственника предприятия, по их представлениям, следует взимать и подоходный налог, и налог на собственность, и налог на результаты производства.

Объявление справедливости абсолютным благом и основной целью общественного развития очень заманчиво, однако на практике реализовано в полной мере быть не может. Скорее, речь должна идти о некой мере гарантированной государством справедливости. Статьи 1 и 7 Конституции РФ определяют социальное государство как высший тип демократического образования, гарантирующий права и свободы личности, взаимную ответственность общества и государства, соблюдение принципа разделения властей, правовой характер принимаемых законов, правовую организацию государственной власти и ограничение ее посредством права. Заявленное в Конституции развитие российского государства как социального фактически декларирует, что оно опирается идею социальной справедливости.

Предъявляемый российскому обществу политическим классом концепт справедливости в целом соответствует взглядам рядовых граждан и охватывает два из четырех перечисленных выше аспектов. Однако и в нем отсутствуют элементы абсолютности, всеобщности и универсальности: справедливость, реализуемая государством, не может быть единой для всех, она партикулярна, направлена на определенные социальные слои.

Программа «Справедливой России» буквально проникнута духом идеи справедливости в социал-демократическом ключе и отвечает потребностям значительной части населения страны. В партийных документах КПРФ также можно найти идеи справедливости, понимаемой как социальное равенство. Идеи справедливости в партийных документах ЛДПР носят декларативный характер. Концепт справедливости «Единой России» максимально близок идеям предвыборной программы В. В. Путина во время президентских выборов 2012 г.

В предвыборной статье В.В. Путина «Строительство справедливости. Социальная политика для России» (февраль 2012 г.) категория «справедливость» упоминалась 11 раз, причем 5 раз – в контексте сомнения в том, существует ли она, и 2 раза – с приставкой «не» как прямая декларация ее отсутствия. В.В. Путин убежден, что Россия имеет «более высокий уровень социальных гарантий, чем страны с сопоставимым уровнем производительности труда и доходами на душу населения»¹⁸⁶, а реализация принципа справедливости в современном российском государстве связана с двумя аспектами – с помощью социально обездоленным людям и предоставлением шанса на вертикальную социальную мобильность тем, кто сам по себе уже имеет для этого ресурсы и возможности («Это поддержка слабых, тех, кто по объективным причинам не может зарабатывать себе на жизнь. Это обеспечение работы социальных лифтов, «равного старта» и продвижения каждого человека на основе его способностей и таланта»¹⁸⁷).

Стратегия российской политической элиты в области достижения общественной справедливости на период с 2012 по 2018 г. касается следующих аспектов.

Во-первых, снижение показателей разрыва уровней доходов населения за счет: а) обеспечения достойной зарплаты тем, кто только выходит на рынок труда; б) повышения уровня стипендии студентам до прожиточного минимума; в) обеспечения достойной зарплаты неквалифицированным рабочим и включения квалифицированных в систему управления

¹⁸⁶ Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. – 2012. – 13 февраля.

¹⁸⁷ Там же.

предприятиями; г) социальной адаптации инвалидов; д) роста социальных пенсий бедным; е) накопительной стратегии и ориентации на самообеспечение в старости среднего класса.

Во-вторых, помощь семьям с детьми для преодоления рисков бедности и решения жилищного вопроса, а также содействие рабочей занятости женщинам с детьми.

В-третьих, политика в жилищной сфере, где справедливость понимается как: а) помощь малообеспеченным гражданам за счет развития цивилизованного рынка арендного жилья; б) развитие системы ипотечного кредитования для среднего класса; в) наведение порядка в жилищно-коммунальном хозяйстве за счет создания благоприятных условий для привлечения частных инвестиций в эту отрасль и установления социальной нормы потребления коммунальных ресурсов; г) обучение граждан основам законодательства и экономики ЖКХ.

В-четвертых, область здравоохранения, где ставка делается на: а) сдерживание роста объема и стоимости платных услуг; б) амбулаторное лечение пациентов, что для государства более выгодно, чем развитие стационарного; в) развитие отечественной фармацевтической промышленности; г) повышение ответственности каждого человека за состояние своего здоровья (здоровый образ жизни, занятия спортом).

В-пятых, изменение стратегии образования. В области среднего образования ставка делается на получение равных по качеству знаний вне зависимости от типа школы и места ее расположения, профильное обучение в старших классах в соответствии с интересами школьника и его жизненными планами (т. е. узкая образовательная подготовка только по нескольким предметам), совершенствование качества ЕГЭ; в системе высшего образования – на присоединение неэффективных вузов к сильным, передовым и увеличение прикладного аспекта образования на уровне бакалавриата. В отношении начального профессионального образования ставится задача повышения его престижа. Прорекламированы возвращение системы дополнительного образования в сферу ответственности государства и стратегия сдерживания стоимости платных услуг.

В-шестых, культурная политика, которая должна обеспечить развитие: а) системы самодеятельного художественного творчества; б) системы грантов деятелям искусства и художественным коллективам, в том числе молодежным; в) предоставляемой на конкурсной основе государственной поддержки программ формирования публичных электронных библиотек, музейных и театральных интернет-ресурсов, приобретения права на бесплатное размещение в Интернете выдающихся фильмов и спектаклей;

г) на основе цифрового телевидения общенациональных каналов культуры профильно для различных групп населения.

В-седьмых, изменение миграционной политики с привлечением на постоянное жительство преимущественно квалифицированных иностранных специалистов, перспективной молодежи из ближнего и дальнего зарубежья до 300 тыс. чел. в год.

Следует обратить внимание и на восьмую и девятую задачи: преодоление социальных конфликтов за счет создания имиджа предпринимателей как честных творцов своих капиталов и обеспечение эффективности социальных расходов государства за счет совершенствования системы повышения квалификации и развития прикладных навыков работников, а также оптимизации распределения средств в виде финансовой поддержки только результативных структур.

Как видно из приведенных материалов, идея справедливости в сознании российской политической элиты очень тесно переплетена с идеей государственного патернализма. Это отнюдь не плохо и способствует поддержанию социальной стабильности. Однако в целом в России сложилась парадоксальная ситуация, когда заказ на реализацию принципа социальной справедливости в стране присутствует и со стороны населения, и со стороны властей, однако проявляется он преимущественно в дискурсивных практиках, реализуясь в общественной жизни лишь фрагментарно. Вместе с тем новый виток экономического кризиса, снижение стоимости углеводородов, выступающих основным источником пополнения бюджета нашей страны, спекулятивные действия банков с целью девальвации рубля, эффекты постоянно вводимых новых экономических санкций других государств против России в связи с ситуацией вокруг Крыма и самопровозглашенных республик в восточных районах Украины, экономические анти-санкции нашей страны – все это резко снижает возможности реализации прогрессивной политики руководства страны в области социальной политики и обеспечения принципа социальной справедливости.

2.2. Идеология как системообразующий фактор политического процесса

Исследование феномена идеологии сталкивается с множеством трудностей, которые связаны с ролью идеологий в современных обществах, подвергающихся постоянной модернизации, либо осуществляющих реакционный поворот к традиционалистским ценностям и встающим на путь умеренного или крайнего консерватизма. Сформировавшиеся в

современной научной литературе концепции деидеологизации и реидеологизации основываются на исследовании степени и силы влияния идеологических факторов на массовое сознание и политические процессы. Критики и апологеты говорят о «конце идеологий» либо об усилении роли идеологий и проникновении их во все сферы жизни современных обществ, однако вне идеологического контекста и идеальных факторов не мыслятся глобальные и региональные политические процессы¹⁸⁸.

Обращаясь к процессуальным параметрам любой политической системы, мы, в первую очередь, говорим о динамических процессах и изменениях в политическом пространстве и его отдельных элементах. Эти изменения взаимосвязаны и влияют друг на друга, составляя тем самым единый комплекс – политический процесс, фиксирующий и раскрывающий изменение состояний и форм политических объектов и явлений.

П. Сорокин в работе «Социальная и культурная динамика» трактует «процесс» вообще, понимая его как «любой вид движения, модификации, преобразования, перестройки или «эволюции», любое изменение данного логического субъекта во времени, касается ли оно изменения его места в пространстве, или речь идет о модификации его количественных и качественных аспектов»¹⁸⁹.

Процессы, протекающие в любой социальной системе или в одном/нескольких её компонентах, и изменения, которым подвергаются системы, суть процессы не изолированные друг от друга. П. Штомпка отмечает: «Человеческие общества постоянно изменяются на всех уровнях своей внутренней структуры Общество – это отнюдь не целостная сущность, а многоуровневое, внутренне связанное направление процессов»¹⁹⁰. Сам факт изменения является многоплановым (или многоаспектным) процессом, где задействовано множество различных аспектов и факторов, влияющих и определяющих дальнейший ход событий и смену состояний.

Таким образом, процесс включает в себя систему постоянно трансформирующихся взаимодействий. Потому отделение «политического» от «социального» представляется нам возможным при разделении сфер

---

¹⁸⁸ См. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17; Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20; Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетей, 1999. – 280 с.

¹⁸⁹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: РХГИ, 2000. С. 80.

¹⁹⁰ Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 86.

и способов этих взаимодействий. Определяется ли политическое посредством власти, то есть в «узком» понимании политики, либо за счет целедостижения на основе решений, касающихся общественного устройства в рамках тех или иных нормативных предписаний, мы будем исходить из понимания политики (и политического) как одного из инструментов регулирования социальных процессов, функциональной области, составной части общесоциального.

Категория «политический процесс» описывает весь объем политической динамики и движения, охватывая единичные проявления изменений в частях целого, и позволяет анализировать характерные (типичные) формы связи между ними. Комбинации различных характеристик изменений предполагают множество подпроцессов внутри всей (общей) совокупности динамических процессов, каждый из которых (подпроцессов) проявляется в конкретной смене состояния конкретного политического явления во времени и пространстве.

Политический процесс – своеобразный вектор, на который оказывают влияние как различные политические факторы – институционализованные (государство, партии, лидер), политическая иерархия, политические элиты, политическая система и режим, – так и факторы, характеризующие формы человеческого существования: религиозные, культурные, этнические и другие. Все они суть структурные факторы, то есть социально-экономические и культурно-ценностные предпосылки и условия, способствующие или препятствующие многообразным общественно-политическим процессам. Сам же политический процесс протекает между и внутри множества факторов (и предполагает выбор из множества факторов), которые в значительной степени определены.

В таком контексте мы можем рассматривать идеологию как структурный фактор, институционализованную культурно-ценностную модель политического процесса, определяющую «содержательное наполнение выбираемых формальных процедур и институтов»¹⁹¹ и способы освоения и постижения политического универсума.

Необходимо отметить, что сам концепт идеологии в политической науке в силу различных подходов к данному феномену приобретает различные трактовки. Появившаяся в эпоху модерна как эффективный и практически единственный механизм конструирования политической действительности идеология со временем утратила свою «идеальную» составляющую. К.

---

¹⁹¹ Мельвиль А. Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – № 2. – С. 12.

Гирц одним из первых обратил внимание на одну из главных проблем идеологии: произошла «почти полная идеологизация самого понятия «идеология». Автор связывает это со слишком узким подходом к проблеме, не учитывающим социальные и психологические контексты, и именно потому «общественные науки пока что не сумели развить подлинно безоценочное понятие идеологии»¹⁹².

Т. Иглтон в своем фундаментальном труде, посвященном исследованию идеологии, отмечает, что нет единственного адекватного определения понятия. Он приводит перечень более десяти трактовок идеологии, которые можно встретить в современной научной литературе. Среди них: процесс производства значений, знаков и ценностей в социальной жизни; социально необходимая иллюзия; способ, при помощи которого социальные акторы сознательно придают значение своему миру; ориентированный на действие набор верований; процесс, посредством которого социальные идеи преобразуются в действительную реальность, и другие. При этом Иглтон убежден, что разнообразие дефиниций не является проблемой, а скорее следствием разнообразных и часто противоречащих и несовместимых друг с другом концепций, в которых понятие идеологии не может и не должно быть синтезировано в «великую глобальную теорию идеологии»¹⁹³.

Как идеальная составляющая политического процесса, отражающая его объективные тенденции, и как идеализированная форма представлений людей о процессах, происходящих в обществе, идеология во многом является катализатором изменений общественно-политической практики, системой идей, детерминирующей политический процесс. Духовно-культурные формы включены в социальную динамику как побуждающий фактор, «и они становятся отправными точками в символическом конструировании социальной реальности, в формировании основ осмысленного социального и культурного порядков и в устройстве механизма, обеспечивающего участие в последнем»¹⁹⁴.

Идеология в политическом процессе призвана сформировать символическую модель, которая выступала бы моделью политической реальности, в условиях государственно-правового процесса – правовой реальности¹⁹⁵. Это становится необходимым и обязательным условием идеологии

¹⁹² Гирц К. Идеология как культурная система // НЛЮ. – 1998. – № 29. – С. 7-8.

¹⁹³ Eagleton T. Ideology: An Introduction. – London: Verso, 1991. P. 1-5.

¹⁹⁴ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс. 1999. С. 72.

¹⁹⁵ См. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.; Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой

в её процессуальном аспекте. Преемственность и изменения в политике требуют критериев, которые бы символически структурировали среду и являлись ответом на вызовы и противоречия, существующие в политическом поле. Подобные критерии или «основополагающие нормы» в устройстве макросоциальных порядков, как их определяет Ш. Эйзенштадт, «обеспечивают некоторую предсказуемость социального взаимодействия в долгосрочной перспективе и наделяют принимаемые решения смыслом, который значим, несмотря на различные противоречия человеческого бытия вообще и социальной жизни в частности»¹⁹⁶. Эти критерии, их содержание находят выражение в политической символике. Идеологические сигнификаты символически структурируют политическую реальность: устанавливают границы политического, формируют основы рационализованного процесса политических изменений и механизмов участия в них. Процесс производства идеологией значений, символов и ценностей, вызывающий определенную политическую практику, позволяет нам определить идеологию как, во-первых, локализованную сферу интеллектуальной и духовной деятельности по освоению действительности, направленную на создание символической модели мира политики, и, во-вторых, форму сознания, дающую представление о социально-политической динамической реальности, способах и формах её изменения, претендующую на универсальность.

М. Фриден отмечает, что теоретические исследования идеологии прежде отличались излишне унитарным подходом к вопросу, ограничиваясь изучением природы форм и различий конкретных идеологических доктрин, либо ограничивались классификацией идеологических позиций. Для начала автор предлагает отталкиваться от нескольких положений, определяющих суть идеологии. Во-первых, идеологии всегда присущи социальным группам, они «произведены, направлены на (группы) и потребляются группами». Второй аспект отражает основные функциональные характеристики идеологии и её роль в социальном процессе: идеология легитимизирует, интегрирует, социализирует, упорядочивает и систематизирует, упрощает и ориентирует действие. В-третьих, идеологии – это формы политического мышления. Отражая все разнообразие воспринятого,

---

идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6. – С. 164-168; Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79-85; Слабоднюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrücken, Deutschland: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 360 с.

¹⁹⁶ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс. 1999. С. 8.

идеологии тем самым формируют концептуальное представление о существующих или воображаемых социальных мирах. Четвертое, идеологии являются источником власти в том смысле, что, оправдывая определенные политические решения и поддерживая политические действия и определенную политическую практику, идеологии вызывают власть как возможность руководить и оказывать влияние на человеческое бытие¹⁹⁷.

Приоритет социальных групп в идеологической сфере характерен в большей степени для эпохи Modernity. Возникновение современных идеологий совпало с процессом дифференциации общества на группы и, в первую очередь, функциональная дифференциация групп в экономической сфере послужила толчком к возникновению конкуренции в сфере идеально-духовных конструктов как систем описания общества и проектов социального развития. Абстрактное описание возникших универсальных социальных связей в индустриальном обществе несет в себе исключительно функциональную нагрузку. Идеология выступает как нормативно-символическая сфера, легитимирующая социально-политический порядок, или же своего рода «внешняя среда», навязывающая нормы и значения и потому способствующая успешной социализации индивида. В таком срезе идеология представляет собой форму организации и контроля структуры, которая обуславливает процессы, происходящие в этой структуре.

Сконструированная политическая реальность и в особенности её идеальная составляющая всегда определяются группами индивидов. Социальные группы как носители определенного набора ценностей, стандартов, норм и культурных символов воспринимают действительность сквозь призму этих нормативно-символических форм и, как следствие, представляют собой социально-структурное основание для того или иного означивания и определения реальности. Социальная обусловленность возникновения и функционирования идеологических конструктов проявляется в способности идеологии вбирать в себя всю социальную реальность, всю сумму её противоречий, всю раздробленность и фрагментарность социального мира и тем самым легитимировать эти противоречия.

Идеология представляет собой специфическую форму рационализации мира и жизни, которая позволяет человеку найти устойчивые ориентиры для своей деятельности, если мы, вслед за Т. Парсонсом, будем понимать рациональное как связь средств с целью, достигаемую в условиях данной ситуации и при помощи наиболее подходящих средств, которыми распола-

---

¹⁹⁷ См. Freedен M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. – Oxford, 1996. P. 22-23.

гает актор¹⁹⁸. Подобное представление об идеологии в методологическом анализе приобретает негативный оттенок. Определяя универсальность и всеобщность частных субъективных интересов, идеология не анализирует и не позволяет это делать людям, а связывает поверхностные факты, не исследуя сущностные связи. М. Оукшот пишет, что рационализм как тип мышления «обманым путем» присвоил всю сферу нравственности и морального воспитания и овладеть такой рационалистической моралью можно только через усвоение идеологии. «Рационалист разрушает существующее невежество и заполняет образовавшуюся пустоту определенными знаниями, абстрагированными от личного опыта...»¹⁹⁹. Редуцируя политические явления и, в конечном итоге, схематизируя всё политическое, подменяя действительность системами массовых представлений, теоретически и логически обоснованными, идеология формализует массовое сознание. Таким образом, мы можем определить идеологию как средство идейного воплощения групповых интересов, содержащее в себе видение политического и социального развития общества.

Как явление более частного характера по отношению к идеологии в целом, в политической науке рассматривается понятие политической идеологии. Политическая идеология – явление сложное, многогранное и исторически изменяющееся. Она возникает только на определенной ступени развития общества и играет в нем существенную роль. Политическая идеология является ядром идеологии и в концентрированном виде отражает интересы определенного класса. Политическую идеологию можно определить как совокупность идей, теорий, взглядов, которые отражают и оценивают социальную действительность с точки зрения интересов определенных политических сил, стремящихся преобразовать эту действительность в своих интересах²⁰⁰. По мнению А.И. Соловьева, политическая идеология представляет собой «определенную доктрину, оправдывающую притязания той или иной группы лиц на власть (или ее использование), добывающейся в соответствии с этими целями подчинения общественного мнения собственным целям»²⁰¹. Несмотря на то, что автор признает определенную предвзятость оценок и склонность к духовному экспансионизму данного политического феномена, он делает акцент на том, что это

¹⁹⁸ См. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проспект, 2000. С. 113.

¹⁹⁹ Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / Пер. с англ. – М.: Идея-пресс, 2002. С. 36-37.

²⁰⁰ См. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. – М., 1971.

²⁰¹ См. Соловьев А.И. Политология. Политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект Пресс. 2005. С. 335.

инструмент, с помощью которого консолидируют групповые объединения граждан, обеспечивают связь с низами, выстраивают определенную последовательность действий в политическом пространстве.

Политическая идеология является интеллектуальной и духовной основой политической деятельности. Взаимодействие этих основ определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, политическая идеология разъясняет силам, действующим в политике, общую социальную и политическую ситуацию в мире, перспективы развития, определяет ценности, которые лежат в основе действий, указывает средства, обеспечивающие реализацию этих ценностей. Во многих случаях политическая идеология дает и общие директивы для действий.

Во-вторых, политическая идеология выступает организующей силой, объединяющей политическое движение. Важным связующим звеном каждого крупного политического движения является убеждение в принадлежности к сообществу близко, подобно или даже одинаково мыслящих людей.

В-третьих, политические идеологии представляют собой совокупность символов, имеющих эмоциональное содержание. В той или иной степени они содействуют интенсификации действий индивидов и групп.

В современной политической науке выделяют четыре основные модели генезиса политической идеологии:

1. Модель конденсации работает в случае, когда (в результате своеобразной конденсации искажений массового сознания) происходит трансформация идеологических представлений, присущих обыденному политическому сознанию, в теоретические идеологические структуры.
2. Своеобразная конденсация распространенных в массовом сознании представлений, стереотипов, политических предрассудков и иллюзий характерна, прежде всего, для уравнилельных, утопических, популистских идеологий, в наибольшей степени связанных с обыденным политическим сознанием. Такие идеологии более или менее отражают повседневный опыт граждан и не стремятся подняться до осмысления глубинных социальных процессов.
3. Интегративная модель характеризуется синтезом, интеграцией, конвергенцией различных идей и представлений существующих политических течений. Новая идеология образуется путем сочетания элементов двух или нескольких идеологий. Американский политолог Д. Эверсон назвал это «новым пересечением» идеологических

установок (неоконсерватизм, неолиберализм и тому подобное).

4. Дивергентная модель. В данном случае формирование новой политической идеологии происходит в результате редукции, дезинтеграции, дивергенции, то есть «расщепления» идеологии уже существующей, на основе одного из ее элементов (совокупности элементов), которые, таким образом, выступают в качестве своеобразного ядра нового идеологического образования,
5. Модель ревитализации идеологии. Для этой модели характерен возврат к старым идеям, их возрождение в более или менее модифицированной форме.

Наиболее распространенным методом формирования политической идеологии является редукция. Суть редукции состоит в сведении к единому знаменателю множества противоречивых элементов, или компонентов к какому-либо одному или нескольким базовым элементам. С помощью редукции достигается большая компактность идеологии, ее простота и доступность для среднего человека определенной политической ориентации. Степень редукции варьируется в зависимости от степени открытости или закрытости конкретной идеологической системы: от минимальной в умеренных идеологических системах и до крайних – в радикальных и революционных. При этом существует определенная закономерность, согласно которой степень радикальности той или иной идеологической конструкции прямо пропорциональна степени редукции основных ее элементов.

Выделение моделей генезиса идеологии носит условный характер, поскольку в реальном процессе формирования и изменения идеологий они нередко сочетаются, пересекаются и не встречаются в чистом виде.

Основные структурные элементы политической идеологии, формирующие ее содержательный и инструментальный аспект: связь с общей мировоззренческой системой эпохи: программные установки, сформированные на основе тех или иных положений этой системы: стратегия реализации программных установок; пропаганда; конкретные шаги по реализации программы, а также следующие функции:

1. Познавательная функция – на основе систематизации знания, полученного в различных сферах человеческой деятельности, создается определенная модель мира и человека в нем, отражающая интересы определенной человеческой общности;
2. Оценочная (аксиологическая) – на основе интересов конкретной человеческой общности дается оценка определенных ценностей: нравственных, эстетических, правовых, политических, экономических, религиозных и так далее;

3. Программно-целевая – ставит перед данной человеческой общностью цели, пути, способы и конкретные программы их достижения;
4. Футурологическая – формирует представления о будущем развитии данной общности и всего человеческого общества в целом;
5. Защитная – обеспечивает конкурентное взаимодействие с другими идеологиями;
6. Социально-организующая – формирует принципы организации и управления жизнью данной человеческой общности, ее взаимодействия с другими общностями”.

В связи с проблемой интеграции идеологических конструктов в массовое сознание выделим три уровня политической идеологии:

- теоретико-концептуальный, на котором формируются важнейшие положения, раскрывающие своеобразие видения мира, исходящие из интересов и идеалов определенного слоя, класса, нации или государства;
- программно-политический, на котором теоретические положения конкретизируются в виде различных норм, установок, программ, определяющих конкретные управленческие решения и стимулирующих политическую деятельность граждан;
- актуализированный, определяющий степень освоения гражданами целей и принципов, лежащих в основе данной идеологии, их готовность следовать осуществлению соответствующих политических, экономических, социальных программ.

Каждый из этих уровней играет свою роль в производстве, распространении и трансформации идеологии. Эта инфраструктура обуславливает то, что А.И. Соловьев называет «технологизацией политических коммуникаций»²⁰².

Политическую идеологию можно рассматривать в трех аспектах: историко-генетическом, гносеологическом и социальном. Первые два аспекта в полной мере раскрываются при исследовании ее предмета отражения. Существуют три точки зрения на предмет отражения политической идеологии:

- 1) предметом отражения является экономика;
- 2) предмет отражения – область политических отношений;
- 3) предмет отражения – классы, классовая структура.

Все эти точки зрения взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Анализ литературы, посвященной проблеме политической идеологии,

---

²⁰² Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. – 2001. – № 2. – С. 10-12.

позволяет обобщить и систематизировать социально-политические параметры функционирования идеологии, которые включают в себя:

- создание «картины мира»;
- обеспечение связи с общей мировоззренческой системой эпохи;
- теоретическое выражение самосознания определенной социальной группы, слоя, класса, нации, этнической или иной общности;
- определение механизма теоретической защиты социально-политических и экономических интересов субъектов политики;
- объяснение социально-политической и экономической ситуации в мире;
- прогнозирование перспектив развития и декларирование цели развития;
- определение ценностей, которые лежат в основе политических действий.

Политическая идеология указывает средства, обеспечивающие реализацию этих ценностей:

- выступает в качестве инструмента интеграции общности и консервации деструктивных социальных процессов;
- формирует волю, стремление к политическому действию, мобилизует активность политических субъектов;
- осуществляет функцию смыслообразования действительности;
- выполняет директивную функцию;
- используется как средство позитивного целеориентирования (духовного сплочения и руководства), которое направляет поведение людей в сфере социальных и политических отношений;
- регулирует поведение социальной группы, участвующей в политическом действии или готовящейся к нему;
- играет роль канала передачи традиции.

Наиболее важным является вопрос о функциональной эффективности политической идеологии, которая может измеряться как качественными, так и количественными параметрами. «Идеология эффективна, если она обеспечивает единство общества, объединяет его граждан вокруг общенациональных задач, адекватных времени и условиям. Идеология считается неэффективной, если она не воспринимается обществом, не способствует достижению поставленных целей, не определяет пути дальнейшего развития общества в конкретных исторических условиях»²⁰³, – такие критерии эффективности – неэффективности политической идеологии

²⁰³ Бутенко А.П., Кочеткова Л.И. Идеология в России: проблемы и перспективы // Социально-политический журнал. – 1998. – № 14. – С 33.

дают А.П. Бутенко и Л.И. Кочеткова.

Отметим, что любая политическая идеология практически не отличается от инструментальной природы государственной идеологии, они выполняют одинаковые функции.

Субъектность государства в политике определяется его регулятивными потенциями – способностью мобилизовать материальные, финансовые, людские ресурсы, использовать этот потенциал в социально значимых целях, обеспечить наиболее существенные права и свободы своих граждан. А это во многом зависит от того, насколько государство способно аккумулировать общенациональные интересы и реализовывать их в своей практической политике. Поэтому идеология, наряду с правовыми нормами, выступает средством реализации государственных целей, политики государства. Воздействие государства на личность не может строиться лишь на принуждении и насилии – такого рода формы государственности нежизнеспособны и могут существовать лишь в относительно коротком временном интервале. Именно идеология позволяет обеспечить реальное единство ценностных ориентаций индивида и государства, интегрировать множество существующих социальных, конфессиональных, территориальных, этнических и иных групп в нечто целое, самоидентификация с которой является для индивида субъективно значимой²⁰⁴.

Ценностные ориентации, пропагандируемые морально-этические доминанты, представления о путях и конечных целях развития общества и государства постепенно трансформировались в правовые нормы, установленные и охраняемые государством. Поэтому государственную идеологию можно рассматривать и как предтечу, предшествование права. Исходящие от государства идеологемы, освященные его авторитетом и защищаемые им, служат как бы протоправом, предправом, поскольку способны при определенном стечении обстоятельств превратиться в собственно правовые нормы.

Государственная идеология – специфическая форма взаимодействия, взаимосвязи идеологии и политики, существующих в обществе идеологем и собственно политической деятельности государства²⁰⁵. Именно идеология

---

²⁰⁴ См. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.

²⁰⁵ См. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32; Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. – № 2(8). – С. 16-18; Сальников В.П., Романовская В.Б. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7.

позволяет создать систему ценностей, лежащую в основе политического поведения, определить конкретные цели, ближайшие и перспективные, выбрать средства их достижения. Поэтому можно сказать, что идеология порождает политику, выступает ее предпосылкой и условием возникновения и существования. В основе государственной политики всегда лежит определенная система ценностей, предопределяющая логику происходящего и предпринимаемого. Политика, совершенно свободная от каких бы то ни было ценностных детерминант, невозможна, поскольку в основе даже, казалось бы, совершенно аналогичных, спонтанных действий государственных деятелей всегда имеется идеологическая подоплека.

Различия в политике влекут за собой и различие в государственной идеологии, а также различие ценностей. Скажем, проводимая сегодня политика США и Западной Европы является неприемлемой для России, как неприемлемыми для нас являются и сегодняшние западные ценности²⁰⁶.

Государственная идеология, в любой из ее форм, является столь же неотъемлемым признаком всякого государства, как и общепризнанные признаки, такие как государственный суверенитет, территория, право, механизм управления и т.д.²⁰⁷. Отсутствие какого-либо из них делает невозможным существование как государства вообще, так и конкретной его формы. Более того, ослабление или меньшая, чем это необходимо, степень выраженности названных признаков способны привести к кризисным явлениям, а то и к гибели данного государства. Так, ослабление эффективности

– С. 44-50.

²⁰⁶ См. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98; Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147; Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22; Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68; Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.

²⁰⁷ См. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М., 1997; Жуков В.Н. Право как ценность // Государство и право. – 2010. – № 1; Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987; Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86; Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 47 с.

государственного управления, слабость органов государственной власти во всей ее вертикали, достигшие критического уровня, безусловно губительны для государства, но в той же степени, как и ослабление его идеологических основ и поддержка их общественным мнением. Такое государство может некоторое время существовать в силу инерции, тщетно пытаясь преодолевать многочисленные трудности и проблемы. Следствием ослабления воздействия на общественное мнение граждан является ослабление национальной или государственной самоидентификации, утрата субъективной значимости государства для его граждан. Перестает существовать чувство Родины, ощущение личностного характера связей между государством и индивидом, что не может не сказаться на прочности государства.

Государство (в силу своей социальной природы) представляет интересы всех социальных групп и слоев населения, поэтому оно легитимизирует и придает статус нормативных лишь тем ценностям, которые объективно служат интересам всего общества. Исходящие от него идеологемы могут служить в большей степени, чем всему населению в целом, каким-либо группам элит, находящимся в настоящее время у власти. Однако оно не может полностью абстрагироваться от реальных интересов и потребностей граждан, поскольку следствием этого может стать разрушение сложившегося баланса социальных сил, их соотношения, что чревато катаклизмами и губительно для него. Поэтому следствием полного ухода государства из сферы идеологического регулирования и идеологической мотивации политической деятельности стало замещение его иными субъектами, идеологемы и ценностные доминанты которых уже не выражают интересы всех социальных групп и общества в целом.

Можно назвать несколько функций, которые призвана выполнять государственная идеология в любом обществе: регулятивная, социализаторская, коммуникативная, консолидирующая и др. Но стержнем их является именно функция консолидации общества в некую политическую целостность. Речь не идет о том, что она отрицает или нивелирует объективно существующие в любом обществе политические, экономические, социальные и иные противоречия, это вряд ли увенчалось бы успехом. Вместе с тем именно она придает всем этим противоречивым, зачастую диаметрально противоположным интересам социально приемлемые формы их выражения и создает тем самым возможность их реализации.

Государство в силу своих коммуникативных, пропагандистских, экономических и иных возможностей сознательно внедряет те ценности, которые адекватны объективным интересам всего общества, на базе которых происходит выработка интегративной для всего общества идеологической

системы. Это не означает, что государство сознательно нивелирует своеобразие мировосприятия и мировоззрения различных групп, стратов, классов, стремится унифицировать всю множественность существующих ценностей и взглядов. Оно лишь вырабатывает и представляет ту модель относительного единомыслия и консенсуса, которая необходима для его стабильности, объединяет в единое целое все население независимо от социальных, конфессиональных, этических, статусных и иных различий. Эти ценности не могут быть искусственно выработаны профессиональными идеологами или механически заимствоваться из иноцивилизационного опыта, они – следствие исторического и социокультурного развития данного государства и его народа. Такие ценности возникают стихийно, как следствие процесса саморегуляции общественной жизни, аккумулируя в себе политико-правовые традиции и обычаи²⁰⁸.

Осуществляемая государством идеологическая деятельность не противоречит тем статьям конституционных актов различных стран, которые провозглашают идеологическое многообразие или, подобно ст. 13 Конституции РФ, гласят, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Исходящие от действительно демократического государства идеологемы не авторитарны и тем более не репрессивны. Претендуя на универсальность, они вполне толерантны в отношении иных существующих в данном социокультурном и геополитическом пространстве ценностных систем. Характерная для тоталитарного общества воинствующая вездесущность единой партийно-государственной идеологии не свойственна большинству современных демократических государств. Они участвуют на равных условиях в борьбе за воздействие на общественное сознание своих граждан, конкурируя с иными субъектами политической жизни – оппозиционными партиями и общественными движениями, нередко с церковью, различными группами политической элиты и т. д. Государство не вытесняет из духовной сферы иные ценности и не пытается насильственно насадить единомыслие, его идеология не подменяет все многоцветье существующих и возможных

---

²⁰⁸ См. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22; Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81; Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.

ценностных систем и оценочных суждений. Государственная идеология существует именно как одна из некоего множества идеологий, не насаждаемая государством насильственно, а объективно стоящая над частными групповыми ценностными системами в силу своего интегративного характера. Государство лишь стремится убедить своих граждан в том, что возможны ценности, интегрирующие всех – бедных и богатых, образованных и малограмотных, исповедующих разные религии и атеистов, говорящих на разных языках и проживающих в различных регионах. При этом государственная идеология является своего рода коммуникативным пространством для всего множества существующих в нем «частных» идеологий, предполагая процедуры и правила достижения согласованных решений, поиска компромиссов, нахождения согласия между всеми действующими в политике субъектами.

Однако и демократическое государство, провозглашающее и реально обеспечивающее идеологическое многообразие и свободу убеждений, не может допустить легального существования и открытой пропаганды ценностей, направленных на раскол общества, нелегитимное изменение государственного строя. Поэтому именно государство выступает своего рода цензором, следящим за общественным спокойствием и применяющим меры государственного принуждения в отношении деструктивных идеологий и их носителей. Даже в самых демократических государствах запрещены политические объединения, призывающие к насильственному изменению государственного и конституционного строя, нарушению целостности государства, проповедующие и разжигающие социальную, расовую, национальную, религиозную рознь. Государство сознательно регламентирует идеологическую деятельность субъектов политики, отвергая те идеологические системы, которые препятствуют его консолидирующей обществу функции и не просто противоречат государственной интегративной идеологии, а ведут к расколу общества.

Необходимость исходящей от государства интегрирующей обществу идеологии особенно актуализируется в эпохи цивилизационных разломов, когда терпят крах прежние системы ценностей, оказавшиеся неадекватными новым историческим реалиям. Так, переживаемый Россией социально-политический кризис во многом усугублен и духовно-нравственным кризисом общества. Произошло не просто крушение коммунистической идеологии как основы прежней государственности, а разрушение самоидентификации социума, в результате чего обществом было утрачено представление о перспективах своего развития и месте в мировом сообществе.

Первоначально своего рода идеологией происходящих в государстве реформ были антисоциалистические идеи и либерально-демократические ценности, служащие своего рода социальными ориентирами общественного развития. Дальнейший ход событий продемонстрировал неприемлемость и этих идеологием для значительной части российского общества. Стало очевидным, что в России демократическое государство и рыночная экономика создаются в условиях не только развала прежней государственности, но и распада общественной нравственности, морально-этических доминант. Социальное бытие потребовало формирования собственной современной российской идеологии.

В современном российском обществе на протяжении ряда последних лет политической элитой предпринимаются попытки создания новой общегосударственной идеологии. Сама жизнь показала, что забвение этой деятельности ведет к сегментации и распаду общества на группы, если не враждебные друг другу, то слабо взаимосвязанные. Следствием этого может быть только нарастание взаимной неприязни и враждебности, рост нетерпимости и агрессивности в отношении своих оппонентов и, таким образом, постепенное сползание к гражданской войне. Поэтому и возник своего рода социальный заказ на новую систему ценностей, консолидирующую общество. Стимуляция новых общезначимых ценностей порождена не только инстинктом самосохранения современной российской политической элиты, хотя этот мотив нельзя исключать. Делаются попытки найти идеологемы, способные сплотить и мобилизовать все общество для преодоления существующего кризиса. Предлагаемые западные ценности чужды российским гражданам²⁰⁹.

Таким образом, различия государственной и политической идеологий лежат, прежде всего, в масштабах функциональности: под объект действия государственной идеологии, хотя бы гипотетически, подпадает все общество, все политические институты и субъекты; объект действия политической идеологии составляет только определенная часть общества, которая более восприимчива к тем или иным идеям. У государственной идеологии потенциально больше возможностей воздействия на объект, с большей

---

²⁰⁹ См. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35; Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112; Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.

интенсивностью и эффективностью, так как государство способно контролировать большую часть информационной инфраструктуры и системы образования²¹⁰. Государство располагает более мощными интеллектуальными, административными, материальными и финансовыми ресурсами, чем любой другой субъект идеологического воздействия. Поэтому у государственной идеологии заведомо более выгодные позиции реализации, чем у любой другой политической идеологии²¹¹.

На наш взгляд, функциональные параметры государственной идеологии следующие:

- овладение массовым политическим сознанием, внедрение в него своих оценок прошлого, настоящего и будущего государства и общества;
- определение целей и задач, которые могут быть ориентирами в государственной политике;
- выступление в качестве инструмента мобилизации общественных сил на решение определенных политических задач;
- выполнение роли инструмента манипулирования общественным сознанием, инструмента консолидации политического пространства, модернизации или архаизации экономического пространства: способность стимулировать или стагнировать деструктивные процессы в обществе;
- культивирование в массовом сознании «официальной» культуры и инициирование процессов формирования национального самосознания.

Государственная идеология, глубоко интегрированная в массовое сознание, подчиняясь быстро текущим процессам собственной деактуализации и делегитимации, оставляет после себя идейно-ценностный вакуум в этом сознании²¹².

---

²¹⁰ См. Бакусева М.Б. Телевидение как фактор формирования социальных настроений в российском обществе: Дис. ... канд. филолог. наук. – М., 2006; Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М., 2002; Зудин Д.И. Влияние телевидения на национальную безопасность России в информационной сфере: Дис. ... канд. социол. наук. – Нижний Новгород, 2006.

²¹¹ См. Байжуминов С.Н. Основы правовой идеологии в России: проблемы формирования в современных условиях // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 190-196.

²¹² См. Реуф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 3. – С. 89-95; Сальников В.П., Романовская В.Б. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.

Таким образом, понятие политической и государственной идеологий в современной политической науке обусловлено сложностью и многомерностью данного явления. Акцент на те или иные структурные элементы нередко приводит к формированию специфики различных подходов к научному изучению идеологий. Любая идеология с необходимостью включает в себя, прежде всего, особое политическое мировоззрение, особое восприятие мира политики, которое строится как основных ценностях человека: на религиозных заповедях, которые он признает²¹³, на национальных традициях, в которых концентрируются наиболее значимые интересы общества, социальных групп, наций²¹⁴ и так далее. Ценностное начало идеологии в большей степени характерно для политической философии. На основе ее разработок формулируются программные установки, целенаправленно формирующие у граждан представление о желаемом общественном устройстве. В то же время, наряду с ценностями, идеалы также входят в набор стереотипов, используемых манипуляторами, представляя собой «прикладную» их часть.

Технологии использования этого элемента в политическом процессе характерны для функционально-коммуникативных трактовок идеологии как

---

²¹³ См. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Федюшкина А.И. Религиозное право и личная жизнь человека в западной и восточной традициях (на примере канонического права католической церкви и индусских дхармашастр) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1(29). – С. 40-43; Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191; Мигунова Т.Л., Романовская Л.Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3-2. – С. 147-150; Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169; Романовская В.Б., Сальников В.П., Цыганов В.И. Религиозно-правовая проблематика в учебном процессе: кому это нужно? // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 80-89.

²¹⁴ См. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32; Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66; Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192; Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.

эффективного инструмента манипулирования общественным сознанием. В этом случае приоритет отдается стратегии реализации программных установок, основным принципам, способам и методам их воплощения в жизнь. В результате здесь содержится уже непосредственное руководство к действию, а также пропаганда достоинств данной идеологии, ее значимости для данной социальной группы и для общества в целом, набор конкретных мер по реализации установок.

Конкурентные действия социальных групп как «производителей» и «реципиентов» политической идеологии несут в себе потенциал конфликтности, который во многом определяется социокультурными основаниями. «Отличительные признаки идеологии, скорее, обнаруживаются там, где тот же самый целостный универсум интерпретируется по-разному в зависимости от конкретных интересов в данном обществе», – отмечают П. Бергер и Т. Лукман²¹⁵. Легитимация и обеспечение интересов группы всегда предполагают наличие противоположной группы с иными определениями реальности. Конфликтные взаимодействия групп происходят в идеологическом поле по поводу воспроизводства и распределения власти, цели и способы действия которой могут быть реализованы через механизм их идеологического обоснования. В идеале возникающие духовно-ценностные основания для конфликтов и напряженности наряду с другими формами взаимодействия и связей групп оказывают значительное влияние на содержание политических процессов²¹⁶.

Ш. Эйзенштадт предлагает выделять два типа напряженностей, которые, оформившись в ходе «Великих революций», продолжают существенно влиять на политическую динамику современных обществ. «Первый тип напряженности, – пишет автор, – был присущ конструктивистскому подходу к действительности, в котором политика представляла как процесс перестройки общества и прежде всего через механизмы политической демократии, т. е. как активное самоконструирование общества – в отличие от взгляда на общество как на сложившуюся корпорацию. Второй тип напряженности заключался в расхождении между представлениями,

---

²¹⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. С. 200.

²¹⁶ См. Баранов В.М., Худойкина Т.Р. Теория юридического конфликта: философские и социологические аспекты // Юрист-правовед. – 2000. – № 1. – С. 22-28; Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 9-14; Право и общество: от конфликта к консенсусу: Монография / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.; Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология: Учебное пособие. – СПб.: Астерион, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 228 с.

носившими тотальный, обычно утопический и/или коммуналистский характер – и более плюралистичным взглядом»²¹⁷. Истоки этих напряженностей лежат в сфере политической идеологии и выражаются в противостоянии принципов плюрализма в противовес тотальному приоритету коллективизма.

Россия особенно остро пережила подобный опыт в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда распад СССР сопровождался столкновением идеологических позиций. Основополагающим элементом борьбы стал символический отказ и отрицание всего «старого», присущего тоталитарной эпохе. В это время на авансцене появилась новая либеральная идеология, противостоящая этатистской социалистической марксистско-ленинской идеологии, стимулирующая революционные преобразования в стране.

Смена политического режима повлекла за собой структурный распад общества и системы. Атомизация общества и общая размытость социальной структуры не вели к социальной стратификации. «Идеологии групп» 90-х гг. утрачивали свое влияние и первоначальное массовое очарование, не находя отражения в традиционных ценностях российского общества. Возможно, это могло бы свидетельствовать о качественных предпосылках перехода к постиндустриальному обществу. Однако, как отмечает Д. Белл, политика в индустриальном обществе первична по отношению к социальной структуре, и именно «она превращается в регулирующий механизм перемен»²¹⁸. В России традиционно основным субъектом политики выступает государство, оно же выступает главным источником власти. Развиваясь автономно от социума, именно власть стала основным объектом модернизации. Однако характерный для российской политической культуры дуализм лег в основу социально-политического кризиса: новая демократическая модель развития навязывалась сверху, тогда как формирование и функционирование гражданского общества в России не находили соответствующего культурного шаблона, способного организовать подобный тип деятельности. Провозглашенное либерально-демократическое государственное устройство стало неадекватно реально сложившейся структуре власти, которая традиционно тяготела к авторитарной модели. С одной стороны, конфликтные формы развития политической системы, не имеющие уже под собой идеологической базы, с другой стороны, стремление власти к самосохранению определили и роль идеологии в этих процессах.

В настоящее время, с нашей точки зрения, весьма затруднительно

²¹⁷ Эйзенштадт Ш. Указ. раб. С. 32-33.

²¹⁸ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 1999. С. 652.

выявить идеологические напряженности внутри российской политической системы. В путинский период борьба политических партий, социальных групп или групп интересов в идеологическом поле была полностью нивелирована. Наблюдаемые тенденции к нарастанию разночтений и основных подходов и принципов дальнейшего развития страны внутри политической элиты также носят неидеологический характер. Попытки последних двух лет создать и поддержать если и не идеологическое разнообразие, то хоть сколько-нибудь весомую альтернативу в партийном спектре носят исключительно номинальный и декоративный характер и по-прежнему существенно не влияют на политические процессы в России.

В этой связи весьма интересной нам представляется концепция российских авторов²¹⁹ тотальной и частичной идеологии, основанная на анализе трудов К. Мангейма. Говоря о тотальной идеологии, авторы отмечают, что в данном случае «речь идет о некотором неуловимом идеологическом фантоме, который либо может предполагаться, либо реконструироваться в исторических изысканиях»²²⁰. Тотальную идеологию, с нашей точки зрения, можно обозначить как национальное сознание, образ мира, разделяемый государством, нацией и отдельными индивидами. По своему объему понятие «тотальная идеология» во многом совпадает с понятием «культура», поскольку предстает как некий субстрат воспроизводства конкретных форм поведения и деятельности и находит свое выражение в традиции. Концептуализация тотальной идеологии может осуществляться, как отмечают авторы, лишь при наличии определенного «социального запроса». Именно тотальная идеология задает границы в идеологическом пространстве, внутри которого и ведется борьба частичных идеологий за общественную поддержку и признание. Выходя далеко за пределы «политического», тотальная идеология символически поддерживает и структурирует универсум, являясь при этом самовоспроизводящейся системой.

Частичная (или партийная, политическая) идеология является рациональным продуктом макрогруппы, отражающим её представления о круге вопросов, касающихся воспроизводства власти, целей и действий для их реализации. Отмечается, что партийная политическая (даже консервативная) идеология декларирует радикальные изменения в социально-политическом пространстве, и, таким образом, частичная идеология всегда направлена на динамику социально-политической системы. Идеологическая дискуссия поддерживает динамическое равновесие

²¹⁹ См. Барботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М. Тотальная идеология против тоталитарного государства // Вопросы философии. – 2000. – № 11. – С. 12-27.

²²⁰ Там же. С. 24.

системы в целом и остается продуктивной до тех пор, пока какая-либо одна частичная идеология не начинает претендовать на национальный статус.

Особая проблема заключается именно в претензиях одной частичной идеологии на статус идеологии государственной. Государству отводятся функции гаранта взаимодействия частичных партийных идеологий в границах политико-культурного шаблона. При максимуме силовой поддержки в структуре частичной идеологии «начинают преобладать политические компоненты, идеи борьбы за власть, вполне уместные для политических партий, но отнюдь не перекрывающие всю совокупность отношений «людей к действительности и друг к другу»²²¹. Частичная идеология становится по-настоящему политической, и это меняет структуру идеологических взаимодействий в обществе.

Строго следуя предложенной схеме, мы могли бы сказать, что свои претензии на статус национальной идеологии в российском политическом пространстве реализовала партийная идеология «Единой России». Партия власти изначально несла в себе политические и силовые ресурсы для того, чтобы артикулировать свои интересы на государственном уровне. Однако специфика партогенеза и его идеологическое обеспечение делают подобный вывод неадекватным реальным политическим процессам 2000-х гг.

Трудностью для реализации либерального проекта «на русской почве» в пореформенный период стала давняя проблема организации жизни многонациональной страны. На стыке веков запрос на «национальную идею» (и её воплощение в государственной идеологии) стал формироваться в первую очередь в государственных структурах, а не в обществе. Потребность в консолидирующей идеологии обуславливалась и многочисленными кризисами в экономической и социально-политической сферах, когда на фоне общей рекламизации политики, с одной стороны, и бюрократизации, с другой, идеологический механизм стал для власти практически единственным способом объяснения и символизации политической динамики.

В 1999 г. сразу две политические партии – «Отечество» (ОВР) и «Единство» – позиционировали себя как партии власти. Тяготее к единому символическому центру, ни одна из них не предлагала четкой идеологической платформы. Выдвижение в 2000 г. Владимира Путина на президентский пост стало определенным толчком для последующей управляемой консолидации центристских сил. Героизация образа нового президента на первоначальном этапе основывалась в основном на борьбе с

---

²²¹ Там же. С. 15.

террористической угрозой и угрозой территориальной целостности страны. Таким образом, в образе сильного лидера воплотилась «национальная идея» – «Великая и сильная Россия»²²².

Определение и формулирование основных положений национальной идеологии было осуществлено государством, которое «заинтересовано в ее формировании как главного компонента духовной инфраструктуры, определяющего отношения между властью и населением»²²³. Помимо мировоззренческих функций, которые способствуют интеграции и консолидации российского общества, идеология, выступающая объектом государственной политики, задает необходимые рамки понимания и восприятия происходящих социально-политических процессов, а также способов действия в политическом пространстве. Изменения 2000-2015 гг., произошедшие в политической системе, централизация институционального контроля, выстраивание вертикали власти, изменение избирательных принципов также получили свою легитимность посредством транслируемой идеологии. Был реализован традиционный для России сценарий развития, когда идеологическая модель насаждается сверху и реализуется через партии, молодежные организации и бюрократический аппарат.

2.3. Мировоззренческие ценности политического класса в условиях современной России

Исчезновение СССР повлекло разрушение преемственности российской национально-государственной идеологии, которая изменялась в зависимости от политических и исторических задач, стоявших перед страной на протяжении столетий, но всегда являлась основой государственной целостности России, и тем самым спровоцировали крушение советской идеологической системы. Радикальные реформаторы отвергали правомерность сосуществования национально-государственной идеологии и демократии, соглашаясь с мнением Р. Пайпса, утверждавшего еще в 1993 г., что Россия не нуждается в государственной идеологии. Они утверждали, что государство должно быть нейтральным по отношению к идеологии, что государственная идеология несовместима с демократическими устоями, а стремление к демократическому обществу предполагает плюрализм идеологий.

---

²²² См., например: Проект доклада Совета по национальной стратегии о «стратегическом императиве» развития России «Национальная стратегия и повестка дня второго срока президента Владимира Путина» // <http://osada.sova-center.ru/archive>

²²³ Барботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М. Указ. раб. С. 17.

Основной задачей, стоящей перед страной, была необходимость «изменить устройство социально-экономической системы и перейти с «восточного» на «западный» путь»²²⁴. При этом у руководства страны не было ни стройной идеологии, ни четко прописанных в интересах государства и общества программ реформирования государства. Таким образом, социалистическая идеологическая система, как духовно-политическая основа государственной целостности страны была уничтожена, а «деидеологизация» закреплена в обществе на уровне Конституции РФ. Однако ожидаемой смены идеологии не произошло: взамен уничтоженной советской системы ценностей обществу попросту ничего не было предложено²²⁵. Единая, приемлемая для общества в целом идеология является сегодня жизненно важной. Без нее общество расслаивается, теряет единство²²⁶. В такой ситуации прогресс, особенно в части демократического развития ставится под сомнение.

Важнейшей современной проблемой России в рассматриваемом аспекте является необходимость реабилитации ценности идеи развития в общественном сознании²²⁷. Глубина проблемы заключается в том, что, несмотря на перманентную приверженность лучших философских умов России идеям глобальной эсхатологии, в реальной жизни идея развития в России не относилась к числу безусловных базовых ценностей как для массового, так и для элитарного сознания. Это обусловлено тем, что для массовых групп осуществление модернизаций в стране неизменно сопровождалось сверхнапряжением и сверхэксплуатацией, а значит – насилием (призванным компенсировать скудность иных ресурсов развития – финансовых, материальных, временных и т.д.). В. Ключевский писал, что упадок переутомленных народных сил в ходе петровских преобразований был столь масштабным, что едва ли окупился бы даже в том случае, если бы Петр завоевал не только

²²⁴ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. – М., 1995.

²²⁵ См. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.

²²⁶ См. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014; Алиев Я.Л., Сальников П.П., Реуф В.М. Правовая идеология в контексте кумулятивной и прогностической функций традиций полиции // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 21-33; Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1996. – С. 52-58.

²²⁷ См. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). – М., 2013; Максимов С.И. Онтологическая природа права // Проблемы законности, Харків: НЮАУ, 2001. – 2001. – № 48. – С. 175-184.

Ингрию с Ливонией, но и всю Швецию, даже пять Швеций²²⁸.

Что касается политического класса, то его настороженность по отношению к модернизационным проектам определялась тем, что осуществление модернизаций в России, как правило, сопровождалось масштабными чистками самого политического класса, призванными обеспечить максимальную эффективность управленческого аппарата в качестве агента модернизации. Самый яркий пример – репрессии 30-х годов, в ходе которых на смену «старой гвардии» пришел «военно-спортивный класс» (Г.Федотов) – «железные наркомы» и «железные секретари», не очень искусные в теории, зато готовые строить «новый мир» с помощью подручных средств, а иногда и без оных. Истоки трудностей имплантации модернизационных проектов в России традиционно коренятся в слабости внутренних импульсов развития в рамках мобилизационной модели, по которой развивалась страна, а также тем обстоятельством, что в качестве целей и ориентиров развития выступали задачи, опережавшие возможности населения. Но эти задачи диктовались не произволом власти, а определялись национальным заданием – «созданием Империи на скудном экономическом базисе»²²⁹, – необходимостью выживания социума в условиях конкуренции с более удачливыми геополитическими соперниками. Поэтому «кнутом», подстегивающим развитие, выступала власть, причем нередко вопреки собственным симпатиям. Пример тому – судьба Александра II, инициировавшего под давлением поражения России в Крымской войне осуществление Великих реформ 60–70-х годов во многом вопреки политическим убеждениям своей молодости²³⁰.

²²⁸ См. Ключевский В. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 2. – М., 1993. С. 579.

²²⁹ Федотов Г. Судьба и грехи России. Т. 2. – СПб., 1992. С. 159.

²³⁰ См. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43; Артамонова Г.К., Борова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123; К 150-летию судебной реформы в России: законодательная политика по совершенствованию судебной системы – история и современность: Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25-26 сентября 2014 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2015; Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914; Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1989; Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А., Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»); – 264 с.; Немытина М.В. Суд в

Как обстоит дело сегодня? Ныне число общезначимых для всего социума ценностей минимально: существует значительный разрыв между целями и ценностями элитарного и массового сознания вследствие масштабности децильного коэффициента, маргинализации большого числа массовых групп и фрагментации социальной ткани общества. Ценностные ориентации массового сознания во многом определяются приоритетами индивидуального выживания, но наиболее общей их характеристикой является предельный эклектизм, выражающийся бессмертной литературной формулой: «Чего-то хочется, сам не знаю чего: то ли Конституции, то ли севрюжины с хреном». Для элиты же абсолютной ценностью является власть, преуспевание и успех во всем комплексе их параметров, прежде всего материальных.

Но, несмотря на глубину различий в ценностных предпочтениях, и элиты и население сегодня солидарны в неприятии ценности развития. Участниками негласного негативного консенсуса по стагнации были не только элиты, но и население, ибо – «каждому по способностям»: кто ворует завод, кто трубу, но все при деле. «Третий Рим» оказался в третьем мире. Что касается равнодушия массовых групп к идее развития как ценности (обусловленному маргинализацией слоев, связанных с авангардными технологиями как в сфере ВПК, так и в рамках академической и отраслевой науки) – это еще полбеды, ибо позиция массовых групп сегодня мало что определяет, а массовое сознание пластично как никогда ранее. Но вот глубокий индифферентизм властных групп современной элиты к этой идее поистине катастрофичен, ибо именно они в лице симбиоза высшей бюрократии и ведущих политико-финансовых кланов не только призваны быть субъектом стратегического целеполагания, но и де-факто является единственно значимым субъектом формирования ценностного поля общества. Анализ показывает, что никакие внешние обстоятельства

России. Вторая половина XIX – начало XX в. – Саратов, СЮИ, 1999; Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50; Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006; Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1(29-1). – С. 107-108; Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы); Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.

или статусное положение не способны так устойчиво влиять на принимаемые властями решения как их убеждения и ценности, смыслозначимые представления о пределах допустимого в политике, доминирующие в политико-административной среде нормы межличностных отношений и целевые ориентиры²³¹. Между тем несмотря на практически неограниченные возможности влияния властных групп нашего общества и значительный масштаб «приватизации» ими институтов и функций гражданского общества и государства, а также тот факт, что на фоне тотальной десубъективизации других участников политического процесса (включая государство) именно они выступают в качестве ведущих субъектов российской политики – эти субъекты стратегически бессубъектны. Для них характерна утрата не только стратегической исторической и политической субъектности, но и сколько-нибудь серьезного интереса к проблемам стратегии.

Именно ослабление функции целеполагания в наибольшей мере подвергает эрозии элитарный статус руководящих групп. Последние годы современная политическая элита России все чаще выступает адресатом упреков в безнравственности, свидетельством коей являются многочисленные войны компромата, в которые вовлечена значительная часть влиятельных групп российского общества. По мнению ряда экспертов, это лишает ее обоснованности претензий на элитарный статус. Однако, на наш взгляд, эрозия элитарного статуса в большей мере грозит с другой стороны. Современная элита рискует утратить свой высокий титул не столько в связи с удручающим уровнем ее нравственности, сколько из-за того, что руководящие группы современного российского общества во все меньшей степени выполняют свою ключевую функцию и все меньше соответствует базовому системообразующему признаку элиты – способности к принятию стратегических решений. Подчеркнем еще раз: отечественный политический класс все меньше выступает в роли субъекта принятия важнейших стратегических решений.

Стратегическая бессубъектность является следствием целого ряда причин. Прежде всего, это результат приватизации институтов государства и гражданского общества: в России 1990-х годов сбылось знаменитое пророчество К.Маркса об отмирании государства. Между тем реализация исторической и политической субъектности невозможна без наличия государственной оси идентификации. При этом сегодня для политического класса единственно реальным является корпоративный (точнее, квазикорпоративный) принцип идентификации, для населения – региональный.

---

²³¹ См. Соловьев А.И. Культура власти российской элиты: Искушение конституционализмом // Полис. – 1999. – № 2. – С. 66–67.

Общегосударственный интерес аннигилируется как инструмент артикуляции общезначимых целей и ценностей большинства общества.

Высокая степень конфликтности внутриэлитного взаимодействия, которое порою больше напоминает межклановые разборки – а сам политический класс – террариум единомышленников, является еще одной причиной того, что современные политические элиты России не стали субъектом развития.

Однако важнейшие глубинные причины неэффективности сегодняшней элиты в качестве субъекта развития во многом определены значительными политическими, психологическими и нравственными издержками практики форсированной модернизации на протяжении предшествовавших исторических периодов и возникшими в ходе этого развития деформациями. Сегодняшняя индифферентность элиты к проблемам стратегии есть оборотная сторона и результат гипертрофированной эсхатологической устремленности глобального исторического проекта форсированной модернизации с его приматом ценности будущего и инструментальности настоящего. Перефразируя известную формулу Дж. Кеннеди, можно сказать, что в России слишком долго спрашивали «Что ты можешь сделать для страны», поэтому сейчас большинство граждан интересуется тем, что страна может сделать для них. В этом – объяснение известного парадокса: индустриальную модернизацию 1930–1950-х годов осуществили преимущественно выходцы из крестьянских семей, интеллигенты в первом поколении; итогом же политической деятельности интеллектуальных лидеров 1990-х (по числу ученых степеней и званий нынешний управленческий слой России не имеет аналогов в предшествовавшей истории страны) стала деиндустриализация. И отнюдь не вследствие управленческой несостоятельности этой генерации, как это нередко полагают: просто изначально развитие не входило в число задач реформ. Лозунгом процесса была дистрибуция. А сила дистрибуционного заряда (масштаб которого дает основание говорить о дистрибутивной пассионарности) определялась колоссальным потенциалом накопившегося неудовлетворения элиты в связи с психологическими последствиями перманентно воспроизводившегося несовпадения функций владения и распоряжения, свойственного советской номенклатуре, преемницей которой стала сегодняшняя элита. Распоряжаясь колоссальными материальными госресурсами, совпартноменклатура лично была весьма бедна по сравнению с управленческими слоями зарубежных несоциалистических стран, а по меркам сегодняшнего дня – нищенствовала. Большая часть имущества даже высших иерархов была казенной; на мебели стояли штампы управления делами, и это имущество подлежало периодической

инвентаризации. Дочь Сталина С.Аллилуева вспоминала, как отец внушал ей и ее брату Василию мысль о временном характере привилегий руководства: «Дачи, квартиры, машины, – все это тебе не принадлежит, не считай это своим»²³². О том, сколь травмирующим фактором стало это противоречие для поколения позднесоветской номенклатуры, свидетельствует следующий эпизод. А.Грачев, бывший советник М.Горбачева в его бытность генсеком, вспоминает: когда во время визита четы Горбачевых во Францию супруга Президента Франции Даниэль Миттеран предложила Раисе Горбачевой, похвалившей за завтраком поданный на стол мед, подарить несколько ульев для ее загородного дома, та, всплеснув руками, с укором сказала Горбачеву: «Сколько раз я тебя просила, Михаил Сергеевич, отказаться от государственных дач и взять хоть крошечный участок земли! Ведь у нас до сих пор ничего своего нет – улья негде поставить!»²³³.

В контексте размышлений о перспективах дальнейшей переориентации ценностных ориентиров и политического класса, и массовых групп в пользу стратегии развития, следует иметь в виду, что подобная переориентация – предмет не только субъективных предпочтений, но во многом определяется объективными законами длинных волн колебаний массовых настроений между приверженностью общезначимым ценностям и частным интересам. В этой связи следует принять во внимание тот факт, что общественная жизнь подвержена циклическим изменениям. «Смена веков» хорошо прослеживается на материале американской истории. Известно, сколь разнятся характеристики американцев, данные А.Токвилем в первом и втором томах его знаменитой работы «Демократия в Америке», хотя между написанием томов прошло лишь пять лет (первый был написан в 1835 г., а второй – в 1840 г.). В первом томе Токвиль, оценивая американское общество, отмечал энергию, участливость, гражданскую активность и приверженность общественным интересам. Если бы американцы «были вынуждены заниматься лишь своими собственными делами, их жизнь наполовину потеряла бы смысл, казалась бы им пустой, и они чувствовали бы себя очень несчастными»²³⁴. А во втором томе, вышедшем, как было отмечено, всего пятью годами позже, Токвиль изображает американца слабым, послушным и бессильным, всецело поглощенным своими частными интересами: «Человека трудно заставить бросить свои дела и действовать в интересах будущего всего государства». Известный американский историк А.Шлезингер-мл., сопоставляя

²³² Аллилуева С. Двадцать писем к другу. – М., 1990. С. 159.

²³³ Грачев А. Кремлевская хроника. – М., 1994. С. 74.

²³⁴ Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1994. С. 191.

столь разнящиеся характеристики, пришел к выводу, что общественная активность и частный интерес существуют в состоянии маятникового движения от частных забот (корыстолюбие) к общим интересам (патриотизм). «Американец бывает так поглощен частными заботами, как если бы он был абсолютно одинок в этом мире, а в следующую минуту, как будто забыв о них, он отдается общему делу. Иногда кажется, что им движет крайнее корыстолюбие, а иногда – беззаветный патриотизм», – эту мысль Токвиля А.Шлезингер-мл. положил в основу своей концепции циклов американской истории, определяя цикл как непрерывное перемещение точки приложения усилий нации между целями общества и интересами частных лиц²³⁵.

Концепция Шлезингера стала развитием представленного именами Г.Адамса, А.Шлезингера-ст., А.Хиршмана, Г.Маккроски, Дж.Заллера плодотворного направления американской политико-исторической науки, связанного с изучением цикличности американской истории. Шлезингер-мл. постулирует автономность политических и психологических циклов общественной жизни, полагая, что истоки циклического развития лежат в глубине человеческого естества. Цитируя мысль Эмерсона о том, что политическая жизнь в значительной мере физиологична, Шлезингер констатировал, что общественное действие, рассчитанное на долгий период, истощает население эмоционально. «Способность нации к выполнению политических обязательств, требующих от нее высокого напряжения, ограничена. Природа требует передышки. Люди неспособны более заставлять себя продолжать героические усилия. Они жаждут погрузиться в свои личные житейские дела. Издерганные постоянными боевыми призывами, истощенные непрерывной общенациональной активностью, разочарованные полученными результатами, они стремятся к освобождению от взятых обетов, передышке для отдыха и восстановления сил. Так сходят на нет публичные акции, страсти, идеализм и реформы. Общественные реформы передаются на попечение невидимой руки рынка»²³⁶. При этом Шлезингер приходит к выводу, что следование частным интересам на определенных этапах может быть средством решения и общественных проблем. В эти периоды политическая деятельность на классовой и групповой основе затухает, а политическая деятельность, формируемая факторами культурного характера – по этническому, религиозному, моральному признаку, по резонам социального статуса – выходит на первый план. Поэтому помимо отдыха,

²³⁵ См. Шлезингер А. Циклы американской истории. – М., 1992.

²³⁶ Там же. С. 48.

период доминирования частных интересов – это время консолидации, в рамках которого усваиваются и узакониваются нововведения предшествующего периода, а также накапливаются предпосылки для будущего рывка. Причинами исчерпания периодов затишья обычно бывает накопление и обострение противоречий, до поры латентных: «Людям надоедают эгоистические мотивы и перспективы, они устают от погони за материальными благами в качестве наивысшей цели. Период отдыха от бремени общественных забот восполняет национальную энергию, подзаряжает батареи нации. Люди начинают искать в жизни смысл, не замыкаясь на себе самих. Они спрашивают, не что их страна может сделать для них, а что они могут сделать для своей страны. Они готовы к звуку боевой трубы»²³⁷. Шлезингер проследил, как периоды общественного подъема (первые два десятилетия XX в. , связанные в именами Т.Рузвельта и В.Вильсона; 1930-е годы – Ф.Д.Рузвельт и его « новый курс»; Г.Трумэн и его « справедливый курс»; 1960-е годы – Дж.Кеннеди и « новые горизонты»; Л.Джонсон и « великое общество») всякий раз сменялись ощутимыми спадами: подъем начала века сменился Великой депрессией; в 1950-е годы период президентства Д.Эйзенхауэра обеспечил необходимую паузу после напряжения 1930-х и 1940-х годов, а подъем общественной активности в 1960-е годы впоследствии сменился в конце 1970-х движением маятника общественных настроений в пользу частного интереса, получившего мощное воплощение в консервативной революции Р. Рейгана.

Нация не может совершенствоваться без социально-нравственной системы ценностей, с которой надо сверять практические действия, тем более в условиях коренной перестройки общественных и идеологических отношений, выработка достойных ориентиров является в настоящее время насущной необходимостью, так же, как и очищение русской души от всего вредного и отжившего. Жесткий запрет на государственную идеологию, закрепленный на конституционном уровне, заморозил на некоторое время поиск новой системы ценностей в нашей стране. Убедившись, что без такой системы не обойтись, что она – начало и фундамент государственной и общественной жизни, высшее руководство России в лице президента Б. Ельцина поставило в 1996 г. задачу сформулировать национальную идею, которая вероятно должна была компенсировать отсутствие государственной идеологии. С момента постановки этой задачи было предложено много вариантов таких идей, но ни одна из них так и не была объявлена национальной.

---

²³⁷ Там же. С. 49.

Безуспешность поисков национальной идеи побудила президента В.Путина в начале своего правления в одном из интервью сказать, что национальную идею России не надо изобретать, она уже есть, ибо такая великая страна не может существовать без национальной идеи; важно лишь понять эту идею. В выступлении с посланием Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 г. В. Путин заявил: «Демократическое устройство страны, открытость новой России миру не противоречат нашей самобытности и патриотизму... И не нужно специально искать национальную идею, она сама уже вызревает в нашем обществе. Главное понять, в какую Россию мы верим, и какой хотим мы эту Россию видеть». Президент не уточнил, какая это национальная идея «сама уже вызревает в нашем обществе» и каковы «контуры новой общенациональной идеологии», которые сейчас уже определяются; не ясно также, что вызревает в нашем обществе – национальная идея или национальная идеология. Одно ясно: ни прежнее политическое руководство России, ни то, которое пришло ему на смену, не представляют себе, что такое национальная идея и национальная идеология и как они соотносятся друг с другом. Спустя несколько дней, в своем интервью газете «Известия» В. Путин сказал: «Написание национальной идеи, или, как вы выразились идеологии – ее внедрение, считаю совершенно бессмысленным. Ее нельзя нарочно выдумать. Моральные и нравственные ценности народа складываются веками. В России, как в любом уважающем себя государстве, есть база, на которой мы можем строить свое... нравственное здание. Но для этого нам нужно укреплять государство, экономику, институты демократии. Если общество будет готово следовать базовым общим целям – это и будет означать успех реформ»²³⁸. И в этой цитате, как и в предыдущей, нельзя найти ответ на вопрос, каково соотношение национальной идеи и национальной идеологии. Между тем содержание и соотношение следующее. Идея – это некий замысел, реализация которого должна привести к предполагаемому, желаемому определенному результату, или же «логический принцип, лежащий в основе теоретической системы». Идеология – это система концептуально оформленных представлений, идей и взглядов на политическую жизнь, которая отражает интересы, мировоззрение, идеалы, намерения людей, классов, наций, общества, политических партий, общественных движений и других субъектов политики. В научной литературе существуют ряд определений данных понятий, но какие бы дефиниции мы не взяли, в каждом мы найдем, что идеология – это система взглядов и идей. Эта система охватывает не только политическую жизнь, но и все

---

²³⁸ Известия. – 2000. – 14 июля.

другие сферы общественной жизни. Политическая идеология создается идеологами, в роли которых выступают, как правило, ученые, некоторые политики, партийные деятели. Поиск и формирование новых идеологий происходит в разных сферах, но прежде всего в партийной, политической и научной. Создание идеологии – это только первый этап в ее становлении. До превращения ее в мировоззрение большого количества людей, а тем более до ее трансформации в идеологию государства или обществ – огромная дистанция. Для этого идеология должна сначала овладеть сознанием партии или иной политической организации, а затем уже политического класса, наконец, государства и общества. Основу политической идеологии составляют: национальные интересы, национальный менталитет, исторический опыт существования нации и решение главных проблем развития, конкретная внутренняя и внешняя ситуация. По мере того, как меняются эти составляющие, должна меняться и идеология. Определяя национальную идеологию современной России, Алексей II сказал: «Часто раздаются голоса, что нужно найти национальную идею. Наш национальный опыт...является такой национальной идеей.... Для государства его история является фундаментом»²³⁹.

Ни одно цивилизационное общество, ни одна политическая система не обходятся без идеологии. Такие общечеловеческие ценности, как свобода и демократия, имеют неоднозначное толкование во всех уголках мира. Именно идеология устанавливает связь между мировоззрением и нормами поведения людей, придает смысл изменениям, происходящим в обществе, объясняет и оправдывает возникающие общественные реалии через соотнесение их с высшими самодовлеющими ценностями. С помощью идеологии данная территориальная и политическая общность возвышается до осознания себя как народа, до уяснения своего места и своей роли в истории данного региона и человечества в целом. Идеология способствует рационализации мира и жизни, позволяет человеку найти устойчивые ориентиры для своей деятельности. Не случайно в основе кризиса любых цивилизаций и общественных систем лежит, в конечном счете, идеологический кризис, но и любое общественное возрождение также начинается с очищения и обновления общественных идеалов, с утверждения новой системы ценностей.

Необходимым условием стабильного, устойчивого развития страны является общественное согласие. Современная трансформация в России, в отличие от ряда других постсоциалистических стран Центральной и

---

²³⁹ Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Церковь и народ на путях духовного возрождения // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 3.

Восточной Европы, осуществлялась в состоянии политического и духовного раскола общества. Этот раскол явился не просто проявлением некоторых субстанциональных характеристик российской ментальное, но и отражением того, что общество вступило в переходный период без четко выраженного вектора происходящих перемен. Несомненно, нельзя отрицать значимость прагматических изменений, но хотелось бы подчеркнуть, что реформы будут иметь достаточно бессодержательный характер без определения стратегии реформ, сообразной с системой национальных интересов. Это важно еще и потому, что проблема формирования национальных интересов непосредственно связана с созданием механизмов ценностно-консолидированной социальной интеграции.

Сегодня справедливо ставится вопрос о идеологическом бытии власти, существовании идеологем, исходящих от политического класса и, прежде всего, от государства и его институтов и обеспечивающих большую или меньшую степень единства ценностных ориентаций населения и политической элиты. Отсутствие или ослабление духовной связи гражданина с государством, подмена ее конъюнктурной манипуляцией словами ведут к потере самоидентификации индивида с Отечеством, нацией, государством. «Осознаваемая или ощущаемая населением подмена социально значимых ценностей узкогрупповыми, – замечают А.Г. Хабибулин и Р.А. Рахимов, – ведет к еще большей степени отчуждения индивида от социума и государства, усилению атомизации общества»²⁴⁰.

Именно поэтому идеология и выступает как система идей и представлений, истолковывающих окружающую действительность и побуждающих отдельные социальные группы или общество в целом действовать. В рамках правовой идеологии, прежде всего, должно формироваться отношение россиян к государству, проводимой им экономической, социальной, правовой политике, к гражданскому обществу²⁴¹.

Формирование идеологии происходит различными способами, которые определяются политическим режимом, действующим в государстве. В нормальных, демократических режимах каждая общественная сила вырабатывает свою систему взглядов и идей, которые конкурируют между собой и доказывают свою правоту на политической арене. Сама по себе

²⁴⁰ Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу правомерности категории // Государство и право. – 1999. – № 3. – С.14.

²⁴¹ См. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»); Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.

идеология – лишь часть общественной жизни, основную массу которой составляют социальные, экономические, политические и иные воззрения общественных групп, классов, сословий. Та сила, которая в ходе политической борьбы доказала свою перспективность, прогрессивность на данном этапе развития данного общества, приходит к власти, а ее идеология также на данный момент делается официальной идеологией и ориентирует государственную деятельность. Это означает, что экономические и социальные программы в обществе принимаются и реализуются исходя из ее постулатов.

Обычно в обществе функционируют и борются различные политические силы, именно они осуществляют публичную власть. Неудача выбранной политической линии означает, что идеологические постулаты не соответствуют обстановке, их надо корректировать, совершенствовать, приводить идеологию в соответствие с обстановкой. Если этого недостаточно или это невозможно, вопрос решается кардинально – к власти приходят общественные деятели, олицетворяющие другую идеологию, представляющие интересы другой части общества. Поэтому появление единой всеобъемлющей, претендующей на исключительность идеологии естественным эволюционным путем практически невозможно. Не исключены попытки каких-либо общественных сил навязать свою идеологию обществу, но это уже будет повторением худшего в нашей истории.

Интересы и потребности, соответствующие требованиям той общественной системы, к которой принадлежат люди (общества, класса и.д.) создают общественные идеи. Идеи существуют не сами по себе, а прежде всего, в сознании людей, а именно рациональной части сознания, идеологии. Так, осознание общественных потребностей и интересов во всем их многообразии есть исходный пункт общественной идеологии. Можно установить, что общественная идеология реагирует на новые экономические, политические и иные явления, требующие юридического закрепления, созданием общественной идеи о должном праве. Такие структурные элементы общественной идеологии, как общественные потребности и интересы, являются исходным пунктом правообразовательного процесса.

Для превращения общественного интереса в содержание права, необходимо, чтобы общая воля трансформировалась в государственную волю, т.е. была выражена в праве. Таким образом, на стадии правообразования политическая элита поощряет необходимые для общества интересы, выражая готовность оформить их в правовые нормы. Для этого необходимо произвести оценку возможных последствий принятия конкретных правовых

норм, их соотношение с целями, стоящими перед обществом и отдельными институтами. В дальнейшем проблема осознания общественных интересов является весьма значительной как на стадии правотворчества, так и в процессе реализации права.

Что должно лечь в основу российской идеологии? Важный в перестройке (так назывался период реформирования 1985-1989 гг.) блок «общечеловеческих» ценностей под условным названием «Возвращение в цивилизацию» исчерпал себя и не упоминается даже приверженцами западного направления общественного развития. Сейчас обсуждаются в разных вариациях четыре блока ценностей и интересов, которые могут быть положены в основу объединяющей идеологии. Условно их можно обозначить как «православие», «национализм», «капитализм» и «социализм».

Идея религии, «православия» как основа возрождения духовности в постперестроечный период привлекает внимание многих. В ее пользу говорит увеличивающийся интерес к церкви. Ее стали посещать не только простые граждане, но и высокопоставленные представители государственного аппарата. Но брать религию за основу государственной идеологии нельзя. И не только, и не столько в связи с закреплением отделения церкви от государства, сколько с тем, что в многонациональной России слишком много конфессий, чтобы сделать одну религию, например, православие, основой духовной жизни.

«Социализм» и «капитализм» также не смогут стать идеологией, объединяющей общество. Первая – в связи с негативным прошлым опытом, тоталитарным режимом, вторая – в связи с бедствиями, которые принесли рыночные отношения в настоящем.

В ряду названных четырех блоков ценностей наиболее перспективной является «национальная идея». Она популярна и обладает большим потенциалом. Данное понятие нередко толкуется расширительно: как следование национальному духу или даже как синоним патриотизма. Но это неверно, патриотизм не сводится к национализму, он даже перекрывается им в малой степени. Патриотизм – необходимый элемент, часть любой государственной идеологии, но сам по себе несущей опорой не служит. Он должен быть сцеплен идеями, устремленными в будущее и «гарантирующими» реализацию патриотических ценностей.

Употребление термина «национализм» более правильным считается в его стандартном европейском смысле – как возведенный в ранг государственной политики эгоизм титульной нации. Конечно, в таком виде национализм отпугивает многих в стране. Есть еще один момент, который препятствует ему стать идеологией. Национальная идея может быть очень

актуальной, мобилизующей, если речь пойдет о нации, порабощенной другим государством. Например, она понятна жителям Южной Осетии. А для России в чем национальная идея? Если речь идет о возрождении России, о выходе ее из кризиса, о решении всех проблем, которые его порождают, то они хорошо известны и лежат на поверхности. Чтобы их обозначить нет необходимости в некоей «сверхидее», как бы ее не называть.

Российская национальная идея должна быть денационализированной. Это должна быть идея нации – государства, а не нации этноса. Но наполнить национальную идею конкретным содержанием, а тем более, изложить ее в простой и доступной формуле для большинства россиян – дело исключительной сложности. Более приемлемой идеологией будущего российского общества представляется идеология гуманизма. Для реализации указанной идеологии необходимо повысить образовательный уровень населения.

Российское национальное сознание исторически ориентировано на наличие государственной позиции. Иное воспринимается как бесхребетность, неспособность к самоидентификации, в конечном счете, как политическая безличность. В этой связи России необходима государственная идеология в форме четкого позиционирования государства по основным вопросам развития страны.

Итак, Россия пока лишь формирует свою государственную идеологию. Так, в последние годы речитативом сквозь выступления официальных лиц и любые государственные мероприятия, имеющие пиар-эффект, проходят идеи сильной государственности, возрождения геополитического престижа страны, усиления вертикали власти, экономического подъема страны. Это и есть принципы той политической философии, которые достаточно близки по своей социальной роли к национальной идеологической платформе.

Представителей политической элиты (или шире – политического класса) принято рассматривать в качестве основных производителей и распространителей идеологий как более или менее внятно артикулированных представлений о предпочтительных целях развития общества, которые выражают перспективу определенных социальных групп, служат основой для политических программ и задают водоразделы, определяющие политический «ландшафт». Наличие такого рода представлений – важный фактор публичности политики, поскольку они являются ориентирами для политической самоидентификации граждан, структурируют обсуждение общественно значимых проблем, а также побуждают элиты хотя бы до некоторой степени следовать заявленным целям и ценностям, стимулируя тем самым их ответственность. К сожалению,

в силу ряда факторов структурного (особенности институтов власти и партийной системы) и политико-культурного характера в России производство смыслов до недавнего времени не являлось значимым инструментом борьбы за власть, а проблема мобилизации массового участия для сложившегося в 2000-х годах политического режима была не слишком актуальна. В силу этого у элит были вполне рациональные причины не рассматривать задачу артикуляции и обоснования политических программ как приоритетную²⁴². Однако перспектива движения российской политической системы в сторону большей конкурентности и открытости в немалой степени зависит от способности политических элит выполнять функцию «производства смыслов».

Публичная артикуляция конкурирующих способов интерпретации и решения общественных проблем является существенным атрибутом политики в эпоху модерна, ибо в соответствии с современными принципами легитимации власти принятие политических решений предполагает постоянную коммуникацию по поводу их объяснения и оправдания. Такой формат политического обусловлен развитием институтов разделения властей, парламента и прессы, которые стимулировали выработку «публичных идей», увязывающих политический курс с тем или иным пониманием общественных и/или групповых интересов. Именно необходимость давать объяснения читающей публике по поводу принимаемых решений в свое время предопределила расцвет классических идеологий²⁴³, выразивших альтернативные подходы к проблемам, возникшим в процессе модернизации. И хотя эпоха великих «измов», предлагавших системные целеориентированные проекты социальных и политических трансформаций, осталась в прошлом, потребность в легитимации решений путем соотнесения их с той или иной концепцией общественного блага по-прежнему остается существенным элементом политики. Несмотря на очевидную фрагментацию современного идеологического поля и подвижность водоразделов, определяющих различия, старые и новые идеологические маркеры («левый», «правый», «либерал», «консерватор», «националист», «фундаменталист», «радикал» и проч.), обрстая дополнениями и уточнениями, все-таки остаются ориентирами партийной и электоральной политики. По-видимому, это определяется не только инерцией языка и

²⁴² Подробнее см.: Малинова О.Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: к постановке проблемы // Элиты и общество в сравнительном измерении / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М., 2011. С. 280-293.

²⁴³ См. Pombeni P. Ideology and Government // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11. № 1. P. 61-62.

сложившимися практиками политической идентификации, но и принципиальной сущностной оспариваемостью целей политического развития, которые не могут быть определены чисто «техническим» путем и зависят от социально-исторической и ценностной перспективы. Несмотря на «кризис идеологий», который стимулирует критику и перманентную адаптацию исторически сложившихся «систем убеждений» на фундаментально-философском уровне, на уровне программно-операциональном потребность в них по-прежнему сохраняется. Таким образом, способность элит формулировать и оспаривать политические стратегии, увязывая их с «общезначимыми» идеями общественного блага и национальных или групповых интересов, и тем самым создавать механизмы для политического самоопределения и участия граждан имеет немаловажное значение с точки зрения «качества» российской политики.

По определению Т. ван Дейка, идеологии – «это разделяемые людьми «интерпретативные рамки», позволяющие членам группы понимать и наполнять смыслом социальную реальность, повседневную практику и отношения с другими группами»²⁴⁴. Идеологические представления – продукт коллективного творчества групп, а также инструмент их интеграции и идентификации, основа социальной практики ее членов. Они выступают в качестве наиболее фундаментальных социальных представлений и, в соответствии с теорией С. Московичи, выполняют двоякую функцию: «во-первых, устанавливают порядок, позволяющий индивидам ориентироваться в материальном и социальном мире и справляться с ним; и во-вторых, делают возможной коммуникацию между членами сообщества, предоставляя им коды, на основе которых происходит социальный обмен, недвусмысленно называются и классифицируются различные аспекты их мира и их индивидуальной и групповой истории»²⁴⁵. Идеологические представления усваиваются в процессе социализации, причем из разных источников, и не всегда отличаются связностью и последовательностью.

Предлагаемое нами рабочее определение идеологических представлений политической элиты как коллективно разделяемых представлений о социальном порядке и стратегии его поддержания/изменения, а также о собственной позиции в качестве члена референтной группы (или групп),

²⁴⁴ Van Dijk T.A. Discourse Semantic and Ideology // Discourse & Society. 1995. Vol. 6. No. 2. P. 245.

²⁴⁵ Moscovici S. Foreword // Health and Illness: A Social Psychological Analysis / Ed. by S.Herzlich. L., etc.: Academic Press, 1973. P. 13. Подробнее о теории социальных представлений см.: Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39-47.

опирается на теорию социальных представлений С. Московичи и интерпретацию идеологии Т. ван Дейком. Вслед за ван Дейком мы рассматриваем идеологию как основу социальных представлений группы и исходим из того, что в речах и текстах политиков есть по крайней мере два кластера идеологических представлений: то, что ван Дейк называет «профессиональной идеологией» (представления, определяющие социальную идентичность политиков как членов статусной и профессиональной группы и как исполнителей соответствующих ролей), и собственно «социально-политическая идеология», которой они привержены в качестве членов партий и социальных групп и которая организует отношение к блокам социальных проблем²⁴⁶. Причем нас будет интересовать как первая, так и вторая.

В качестве коллективно разделяемой когнитивной рамки, опосредующей восприятие и конструирование социальной реальности, в том числе и правовой, идеологические представления тесно связаны с представлениями о политике, власти, государстве, политической системе, политических институтах и политических ролях, а также о наделяемых политическими качествами сообществах. Можно сказать, что они выступают в качестве определенного измерения или функции политических представлений, которая «включается» в контексте легитимации политических решений, борьбы за общественное мнение, мобилизации электоральной поддержки, конструирования политически значимых идентичностей и т.п. коммуникативных действий, в процессе которых политик стремится оказывать влияние на публику²⁴⁷. Именно в публичной коммуникации проявляются «идеологические» свойства политических представлений – установка на изменение социальной реальности, мобилизацию коллективного действия, стремление к доминированию, ориентация на «борьбу» с конкурирующими системами смыслов и т.п.²⁴⁸.

Как уже отмечалось, идеологические представления усваиваются из различных источников и активизируются в определенном контексте. В их структуре выделяется «ядро», образуемое фундаментальными когнитивными установками, которые, как правило, не рефлексированы, и

---

²⁴⁶ См. Van Dijk T.A. *Political Discourse and Ideology // Analisi del discurs politic / Ed. by C.U. Lorda, M. Ribas. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra IULA, 2002. P. 15, 24.* Режим доступа: <http://www.discourses.org/OldArticles/Political%20Dis>

²⁴⁷ См. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.

²⁴⁸ См. Бачинин В.А., Сальников В.П. *Философия права: Краткий словарь.* – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.

«периферия», включающая смысловые конструкции, которые являются предметом осознанного выбора и целенаправленно используются с учетом обстоятельств. Соответственно в зависимости от способа аргументации принимаемых или предлагаемых решений используются разные пласты идеологических представлений.

Таким образом, представления членов российской политической элиты о власти и обществе, о политической системе и перспективах ее изменения, о социальных и экономических функциях государства, об идентичности макрополитического сообщества, стоящего за Российским государством, базируются на таких постулатах: опора на собственные силы, равенство, прогрессизм, демократия, интернационализм.

На основе проведенного анализа возможно определить основные ценностные характеристики идеологии политического класса.

Во-первых, она дает представление населению о направлении движения общества и государства, о смысле политической системы общества, так как предполагает формирование общих принципов ее существования, разделяемых большинством данного общества. На этой основе может быть сформулирован конкретный образ ближайшего и отдаленного будущего – не только желаемого, но и, коль скоро это реалистический идеал, практически осуществимого.

Таким образом, идеология становится движущей силой общественного развития, выступает как инструмент политической мобилизации общества. В этом ее ключевой прикладной аспект. Примеров, когда те или иные ценности на достаточно длительный период становились и мобилизационным, и интегрирующим началом национальной жизни много. Скажем, такие части идеологии, как свобода и равенство в революционной Франции, идея национального единства в Германии XIX в., идея коммунизма при поколении наших отцов и частично при жизни нашего поколения. Но их мобилизующая сила доказана исторически.

Во-вторых, идеология политического класса связана с легальностью власти. Идеи, находящие поддержку у населения, усиливают политическую власть, повышают ее легитимность и легитимацию, и, соответственно, увеличивают эффективность общественных и государственных преобразований. Политический класс владеет пропагандистской машиной, орудием воздействия на массы, благодаря чему формируется массовое сознание для укрепления выбранной им идеологии.

Именно идеология позволяет создать систему ценностей, лежащую в основе политического поведения, определив конкретные цели, ближайшие и перспективные, выбрать средства достижения. Поэтому можно сказать,

что идеология порождает политику, выступает ее предпосылкой и условием возникновения и существования. В основе государственной политики всегда лежит определенная система ценностей, предопределяющая логику происходящего и предпринимаемого. Политика, совершенно свободная от каких бы то ни было ценностных детерминант, невозможна, поскольку в основе даже, казалось бы, совершенно алогичных, спонтанных действий государственных деятелей всегда имеется идеологическая подоплека.

Идеология – это мощное объединяющее средство, без которого любое государство разваливается, теряет свою монолитность, поэтому никакое государство не может быть неидеологическим длительный период.

Таким образом, идеология становится движущей силой общественного развития, выступает как инструмент политической мобилизации общества. В этом ее ключевой прикладной аспект.

В-третьих, идеология нужна не только политическому классу, но и населению. Идеология не просто совокупность определенных идей. Это система воззрений на мир, общество и человека, государство и человека, система, определяющая ту или иную ценностную ориентацию (это – хорошо, это – плохо) и линию поведения. Ее отсутствие ведет к утрате координат, позволяющих человеку ориентироваться в обществе, и, как следствие, социальная реальность для некоторых оказывается лишенной смысла, а будущее выглядит неопределенно. Но, как и в любом явлении, в идеологии наряду с положительными имеются и отрицательные моменты. Идеология, какой бы социальный и нравственный заряд она изначально ни несла, став государственной, развивается по законам государственной идеологии – она должна обслуживать интересы данного государства. Но интересы государства и общества иногда не совпадают.

Идеология политического класса, стремясь к самосохранению, затвердевает, останавливается в развитии, что влечет застой в общественном развитии. Освященная авторитетом общества и государства, идеология превращается в автономную силу, автоматически мобилизующую на свою защиту все находящиеся в распоряжении политической системы средства.

Россия является многонациональным и многоконфессиональным государством, в котором каждый народ имеет свой менталитет, обычаи и традиции, сложившиеся в течение столетий и отразившиеся в национальных идеологиях, как системе духовно-нравственных ценностей. По словам Президента Российской Федерации В.В. Путина «сила России – в свободном развитии всех народов, в многообразии, гармонии и культур, и языков, и традиций наших, во взаимном уважении, диалоге и право-

славных, и мусульман, последователей иудаизма и буддизма»²⁴⁹. Задача политического класса на современном этапе развития создать российскую национально-государственную идеологию, которая смогла бы объединить общество на основе общих духовно-нравственных ценностей, разделяемых большинством населения. Она должна явиться ориентиром, указывающим общее направление и цель движения Российского государства и общества, прояснить смысл исторического и политического развития его народов, стать оправданием сложного и противоречивого пути России²⁵⁰. Российская национально-государственная идеология на настоящем этапе развития страны должна явиться духовно-политической основой целостности Российского государства.

Именно национально-государственная идеология позволяет нам прийти к определенным выводам, связанным с политической субъектностью.

---

²⁴⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 // Российская газета. – 2015. – № 275. – 4 декабря.

²⁵⁰ См. Сальников В.П., Романовская В.Б. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50; Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К основным выводам, сделанным в ходе проведенного исследования, относятся следующие.

1. В вопросе классобразования первостепенным является определение детерминанты этого процесса. Критический анализ экономического и политического детерминизма позволяет обнаружить особенности, характеризующие классовую структуризацию общества.

Во-первых, в современных обществах существование классов связано уже не с историческими фазами в развитии производства, а с последовательностью закономерных этапов в развитии системы общественных отношений. В основе формационной структуры нового типа общества лежит уже не способ производства, а исторически определенный способ управления.

Во-вторых, способ управления порождает не экономические, а политические классы. Такими политическими классами являются управляющие и управляемые.

В-третьих, в современном обществе ни диктатура пролетариата, ни диктатура бюрократии не ведут к исчезновению классов. Объясняется это тем, что пока существует социальная структура общества, будет существовать и его классовая дифференциация. Общемировая логика социального, в том числе правового прогресса заключается в другом – в поэтапном преодолении экономического и политического общественного неравенства²⁵¹.

2. Правящая элита является продуктом одновременно формальных и неформальных структур общества. К неформальным структурам можно относить все те круги и группировки, которые не имеют формального политического статуса, но обладают средствами воздействия и пользуются ими, когда считают это целесообразным. Обычно эти группировки тесно связаны с формальными структурами, хотя и не совпадают с ними полностью. В

---

²⁵¹ См. Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004; Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30; Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31; Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 113-121; Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.

современном обществе это прежде всего управления крупных компаний, заинтересованные в проведении той или иной государственной политики.

В данном случае элита может определяться в двух аспектах: по содержанию и по форме. С точки зрения содержания, элиту представляют собой те, кто непосредственно участвует в формировании и реализации стратегии общественного развития. По форме деятельности элитой могут считаться те, кто принимает то или иное участие в решении стратегических проблем.

3. Политический класс имеет разнородную структуру. В него входят как представители официального политического курса, так и носители оппозиционных взглядов. При этом составляющие политический класс общности относятся к антагонистическим социальным стратам. Экономически господствующие социальные слои обеспечивают политическое господство как в системе государственной власти, так в иных общественных коммуникационных системах.

На современном этапе политический класс России как относительно интегрированную социальную группу можно подразделить на три больших структурообразующих сообщества – в зависимости от степени их влияния на выработку и принятие политически значимых решений: во-первых, это политики и государственные чиновники, непосредственно принимающие политические решения; во-вторых, это представители групп интересов, прямо влияющие на выработку и принятие политических решений; в-третьих, это представители социально и гуманитарно ориентированных интеллектуальных профессий, обеспечивающие политический процесс и косвенно влияющие на выработку и принятие политических решений.

4. Существуют общие закономерности, оказывающие влияние на формирование элиты, к которым можно отнести исторические, социально-экономические, политические и геополитические, институциональные, социокультурные, религиозные факторы. На современном этапе можно констатировать наличие в России политической элиты как относительно интегрированной, социальной группы, которая функционирует по определенным принципам. В настоящее время в состав политической элиты России входят: высшие руководящие кадры, управленцы и идеологи (интеллектуалы, представители духовенства), суждения и мнения которых пользуются определенным авторитетом. Но в состав элиты входят не только лица и группы, непосредственно участвующие в управлении, но наиболее влиятельные экономические и административные круги, руководители средств массовой информации, учебно-просветительских учреждений, а также члены семей влиятельных лиц (они непосредственно не участвуют в принятии решений и в реализации политики). В состав элиты входят

также те представители правящего класса, которые формально не связаны с политикой, но оказывают существенное влияние на принятие политических решений.

5. Структуризация политического класса основана на понимании политической системы как «механизма интегрированного выражения политики и власти, обеспечивающего управление и регулирование общественно-политической жизни общества, его единство»²⁵². При этом политическая система характеризуется структурной целостностью и иерархичностью построения и выражает целевое и функциональное объединение частей, обладающих большой степенью автономности²⁵³.

Политический класс представляет собой определенную систему политических субъектов, которые выступают ключевым элементом политической системы, придавая ей структурную целостность и иерархичность построения. Политические субъекты играют определяющую роль в общественно-политических процессах при формировании системы взаимодействия с иными общественными субъектами.

6. Распространение характеристик и тенденций больших социальных групп на политические классы облегчает понимание закономерностей строения, функционирования и эволюции последних.

В этой связи идеологическая составляющая входящих в политический класс людей формируется не случайным образом, а на вполне закономерной основе – под воздействием развития политического класса, межгрупповых взаимодействий и отображения этих реальностей в восприятии и мышлении.

Идеология, являясь важным признаком политического класса, позволяет ему отличать себя от других социальных систем, формировать нормы поведения, другие элементы, которые образуют политическую культуру. Все вышеперечисленные признаки формируются в конкретном социуме, со свойственными только ему социально-экономическими, политико-правовыми и иными особенностями, что индивидуализирует политический класс в конкретных исторических условиях.

---

²⁵² Тихомиров Ю.А. Субъекты советской политической системы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1981. – № 5. С. 4.

²⁵³ См. Рахимов Р.А., Хабибулин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 52-59; Тихомиров Ю.А. Государственность: крах или воскрешение // Государство и право. – 1992. – № 9. – С. 11-19; Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 24-32; Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. – 2004. – № 4. – С. 3-16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2015.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации. – М., 2015.
3. Федеральный закон от 14 декабря 2015 г. № 359-ФЗ «О федеральном бюджете на 2016 год» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.12.2015.
4. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.
5. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7 – Ст. 785.
6. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
7. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30 – Ст. 3018.
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 // Российская газета. – 2015. – № 275. – 4 декабря.
9. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2015.

2. Учебная и научная литература

10. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. – М., 2000.
11. Абдулатипов Р.Г. Этнополитические конфликты в СНГ: наднациональные механизмы разрешения. – М., 1996.
12. Авакьян С.А. Конституционно-правовой статус политических партий в России: Учебное пособие. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
13. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы. – М., 2000.
14. Автономов А.С. Азбука лоббирования. – М.: ИРИС. 2004. – 264 с.
15. Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. – М.: Инфограф, 1999.
16. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
17. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное

- слово Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
18. Александров А.И., Ковалевский С.С., Коровников А.В., Сурков К.В. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2003.
  19. Аллилуева С. Двадцать писем к другу. – М., 1990.
  20. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989.
  21. Афонин П.Н. Таможенные риски: интеллектуальный анализ и управление. – СПб.: Политехнический ун-т, 2007. – 266 с.
  22. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Новосибирск, Сибирский хронограф, 1997. – 807 с.
  23. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М., 1997.
  24. Батенин С.С. Человек в его истории. – Л., 1976.
  25. Баранов В.М., Сальников В.П., Кронский В.С. Социальная справедливость и истинность советского права как ведущие ориентиры деятельности органов внутренних дел: Монография. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
  26. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
  27. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
  28. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.
  29. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-традиция, 2000. 383 с.
  30. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 1999.
  31. Белоусов А.Б. Лоббизм как политическая коммуникация. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005.
  32. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
  33. Бернстайн П. Против богов: укрощение риска / Пер. с англ. – М., 2000.
  34. Бериулава Г.А. Стиль индивидуальности: теория и практика: Учеб. пособие. – М.: Педагогическое общество России, 2007. – 236 с.
  35. Бешлер Ж. Демократия : аналитический очерк. – М., 1990.
  36. Бинецкий А.Э. Лоббизм в современном мире. – М.: Теис, 2004.
  37. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. – М.: Юнити-Дана, 2003.
  38. Большунова Н.Я. Субъектность как социокультурное явление. – Новосибирск, 2005.
  39. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
  40. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. – М.: Норма, 2009. – 592 с.

41. Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М., 2002.
42. Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. Сост. общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М., 1993.
43. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
44. Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
45. Возгрин И.А., Сальников В.П. Новое информационное обеспечение правоохранительной деятельности органов внутренних дел (концептуальные проблемы и система организации). – СПб., 2000.
46. Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.
47. Вороненков Д.Н. Правовой нигилизм и правовой идеализм в современном российском обществе на рубеже веков / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Юридический ин-т (Санкт-Петербург), 2004. – 155 с.
48. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия: МП «Октябрь», 1991.
49. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). – М., 2013.
50. Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. – М., 1995.
51. Галазова С.С. Рыночные детерминанты функционирования корпоративной субъектности. / С.С. Галазова, М.А. Биганова; Владикавказ, 2008.
52. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
53. Гаман-Голутвина О.В. Куда идет Россия. – М., 2000.
54. Гамидуллаев С.Н. Управление риском в социально-экономических системах: таможенные аспекты. – СПб.: Институт социально-экономических проблем РАН, 1999. – 185 с.
55. Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лядов А.О., Сальников М.В. Российское право. IX-XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.
56. Гнидина Ю.А. Субъектность личности как условие развития государства и гражданского общества. – Реутов, 2010.
57. Головин Ю.А. Политический менеджмент: Учеб. Пособие. – Ярославль, 2004.
58. Горбунов В.Л. Риски предпринимательства: Учебное пособие. – М.: МИЭТ, 2014. – 152 с.
59. Граждан В.Д. Деятельность и управление. (Социологический аспект). – М., 1989.
60. Гражданское право: Учебник: в 3 т. 4-е изд. / Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой Т. 2. – М., 2008.
61. Гражданское уложение Германии / Burgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einfuhrungsgesetz: Перевод с немецкого. Книга 1. – М.: Волтерс Клувер, 2006.- 816 с.
62. Грачев А. Кремлевская хроника. – М., 1994..
63. Григорьев С.И., Гусякова Л.Г., Гусова С.А., Социология. Основы модернизации социального знания: Учебник. – М., 2006.
64. Громова Д.И. Конфликтология: Курс лекций. – М.: ЭКСМО, 2000. – 320 с.
65. Грум Дж. Растущее многообразие международных акторов. Международные

- отношения: социологические подходы. Под ред. П.А. Цыганкова. – М., 1998.
66. Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А., Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
  67. Гучериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
  68. Гучериев Х.С., Сальников В.П., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб., 1994.
  69. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М., 1969.
  70. Дегтярев А.А. Принятие политических решений: Учебно-методическое пособие. – М.: МГИМО-Университет, 2004.
  71. Декларация независимости 4 июля 1776 года // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. V. – М., 1997.
  72. Деятельность государства и правоохранительных органов: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Выпуск 22. Часть 2. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005.
  73. Джегутанов Б.К., Чукин С.Г. Человек и мир на рубеже тысячелетий: философские проблемы гуманизма. – СПб., 2002 – 73 с.
  74. Диденко А.Г. Оценочные понятия в гражданском законодательстве. //Гражданское законодательство РК. Статьи, комментарии, практика. – Астана, 2002.
  75. Дмитриев А.В. Этнический конфликт: теория и практика. – М., 1998.
  76. Ежегодный телефонный опрос взрослого населения Санкт-Петербурга с репрезентативной выборкой объемом не менее 1111 респондентов и контролем по полу, возрасту, уровню образования; ошибка выборки не превышает 3%. Аналитическая группа: докт. полит. наук, проф. О. В. Попова, канд. полит. наук, доц. О. В. Лагутин, канд. полит. наук, доц. Е. О. Негров, А. В. Шентякова.
  77. Жданов П.С., Романовская В.Б. Этико-правовые концепции в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века. Монография. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. – 155 с.
  78. Жизнь и победа. Герой Советского Союза Ашик Михаил Владимирович. Страницы биографии. – СПб., 2015. – 259 с.
  79. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации: Учеб. пособие; Моск. высш. шк. социал. и экон. наук. Интерцентр. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Российской Федерации: Дело, 2004.
  80. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
  81. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
  82. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 319 с.
  83. Зигель Ф.Ф. Право и прогресс. – Варшава: тип. Варш. учеб. округа, 1913. – 7 с.
  84. Зиновьев А.В. Идеология партии будущего. – М.: Эксмо, 2003. – 240 с. (Все на выборы).
  85. Зиновьев А.В. Избирательная система России (комментарий Закона о выборах Президента России): Пособие / Под ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский

- университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 352 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
86. Зиновьев А.В. Конституционное право России: проблемы теории и практики. – СПб.: Герда, 2000.
  87. Зиновьев А.В., Поляшова И.С. Избирательная система России: теория, практика и перспективы. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2003. – 359 с.
  88. Зоиров Д.М. Таджики. От государства Саманидов до суверенной государственности. (Историко-правовой анализ). – СПб.: Реноме, 2014. – 287 с.
  89. Зоиров Д.М. Таджикистан: От государства Саманидов до суверенной государственности. – Душанбе: Деваштич, 2003. – 200 с.
  90. Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
  91. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
  92. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011.
  93. Зубков В.И. Социологическая теория риска. – М., 2003.
  94. Ильичева Л.Е. Лоббизм и интересы предпринимательства. – М.: Мысль, 2000.
  95. Ильичева Л.Е. Лоббизм и корпоративизм. – М.: Экономика, 2002.
  96. Исмагилов Р.Ф. Экономика и организованная преступность: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. – 114 с.
  97. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
  98. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. – СПб.: Фонд «Университет», 2002.
  99. К 150-летию судебной реформы в России: законодательная политика по совершенствованию судебной системы – история и современность: Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25-26 сентября 2014 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 264 с.
  100. Кабышев С.В., Ермаков А.Д. Конституционные цели политических партий современной России. – М.: Городец, 2015. – 134 с.
  101. Каган М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. – М., 1988.
  102. Калмыков Ю.Х. О значении общих положений гражданского законодательства. / Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. – М., 1998.
  103. Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2009. – 208 с.
  104. Ключевский В. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 2. – М., 1993.
  105. Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2002. – 336 с.
  106. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914.
  107. Конституции стран – членов СНГ. Сборник документов. – Ереван, 1997.

108. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты / О.В. Крыштановская. – М.: Захаров, 2005.
109. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гишинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милуков С.Ф., Бураков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Буракова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
110. Корсунцев И.Г. Субъект в технологическую эпоху. – М., 1999.
111. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1989.
112. Кузбагаров А.Н. Примирение споров по конфликтам частнопроводного характера: Научное издание. – СПб.: СТАТУС, 2010. – 320 с.
113. Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М., 1989.
114. Куницын А.П. Право естественное. Часть 1. – СПб., 1818.
115. Куницын А.П. Право естественное. Часть 2. – СПб., 1820.
116. Лапина Н.В., Моргунов В.Я. Формула доброты. Документально-художественная книга. – М., СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 468 с. + 64 илл.
117. Лекторский В.А. Субъект // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т Философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. Ред. В.С. Степин, А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин и др. – М., 2010.
118. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 428 с.
119. Лукьянов Г.И. Риск в жизни человека и общества. – М.: СГА, 2004.
120. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
121. Маков Б.В., Масленников Д.В. Историко-философские основания идеи развития: от античности до синергетики: Монография. – СПб.: НОИР, 2014.
122. Малейн Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – М., 1992.
123. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2014. – 736 с.
124. Мальцева С., Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье. Том 1-2. – СПб.: Пневма, 2012. – 720 с., ил.
125. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.
126. Марсилией Падуанский. Защитник мира. *Defensor pacis* / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и Ко, 2014. – 656 с.
127. Масленников Д.В. Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте): Монография. – СПб.: НОИР, 2011.
128. Милль Дж. Система логики силлогистической и индуктивной. – М.: Изд-во Лемана, 1914.
129. Малинова О.Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: к постановке проблемы // Элиты и общество в сравнительном измерении / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М., 2011.
130. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А., Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И.,

- Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
131. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
  132. Муромцев С.А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. – СПб, 1893.
  133. Мы – Народ. Народ главный субъект развития, модернизации, управления Россией: Коллективная монография / Под общей ред. В.Н. Кузнецова. – М., 2011. – 702 с.
  134. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. – М., 2003.
  135. Немьгина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. – Саратов, СЮИ, 1999.
  136. Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987.
  137. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма-Инфра-М., 1998.
  138. Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сб. документов. – М., 1994.
  139. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. – Душанбе, 1972.
  140. Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г., Шукшина Е.Г. Государство, общество, личность: проблемы совместимости / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – М.: Юрист, 2005 – 303 с.
  141. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991.
  142. Основы конфликтологии: Учебное пособие / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Юрист, 1997. – 197 с.
  143. Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / Пер. с англ. – М.: Идея-пресс, 2002.
  144. Панарин А.С. Субъект политический // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т Философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. Ред. В.С. Степин, А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин и др. – М., 2010.
  145. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проспект, 2000.
  146. Патнэм Х. Разум, истина, история. – М.: Праксис, 2002..
  147. Петровичева Ю.В. Акционерное законодательство Англии и России. Сравнительно-правовой анализ. – М., 2002.
  148. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. – М., 1971.
  149. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
  150. Политико-правовые основы работы с молодежью: Учебное пособие / Н.А. Киселева, И.С. Мерзлякова, Т.К. Ростовская, А.В. Шемелин. 2-ое изд., испр. и доп. – Чита: ЗабГУ, 2014. – 171 с.
  151. Политическая наука: основные направления / Перевод с англ. под ред. Е.Б. Шестопаля. – М., 1999.
  152. Политический режим и преступность: проблема политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилянский Я.И., Бурлаков В.Н., Милоков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.

153. Право и общество: от конфликта к консенсусу: Монография / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.
154. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Под ред. проф. А.В. Опалева. – М.: 2004.
155. Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
156. Проблемы развития современного общества и правоохранительные органы: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 12. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2000.
157. Раньсер Ж. На краю политического. – М.: Праксис, 2006.
158. Рассел Б. История западной философии. Т. 2. – М.: Миф, 1993.
159. Ревнов Б.А., Крушельницкий М.А. Нормативизм Ганса Кельзена: взгляд из XXI века: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 268 с.
160. Рикер П. Справедливое. – М.: Гнозис, Логос, 2005.
161. Роженцев С.В., Числов А.И. Малое и среднее предпринимательство: проблемы правовой охраны: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2014. – 228 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
162. Роль и задачи политических партий в повышении электоральной активности молодежи: Мат. межвуз. нач.-практ. конф. Санкт-Петербург, 19 ноября 2010 года / Под ред. Н.В. Шубиной, М.В. Боера, М.В. Сербина. – СПб.: ГУАП, 2010. – 118 с.
163. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.
164. Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология: Учебное пособие. – СПб.: Астерион, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 228 с.
165. Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013.
166. Россия 2003-2004: выборы и реформы: матер. X между. науч.-практ. конф. / Под ред. А.Н. Мельникова. – Барнаул, 2003.
167. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб., 2003.
168. Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – 448 с.
169. Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – 399 с.
170. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938..
171. Руссо Жан-Жак. Политические сочинения / Изд. подг. Б. Бернарди, С.В. Занин; отв. ред. И.А. Исаев. – СПб.: Росток, 2013. – 640 с.
172. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 156 с.
173. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
174. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология

- и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
175. Селиванов А.И., Хабибулин А.Г. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2011. – 360 с.
176. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцию. – М., 1977.
177. Сербин М.В. Избирательная система Российской Федерации в условиях модернизации политической системы страны: Монография. – СПб.: ГУАП, 2012. – 176 с.
178. Сербин М.В., Малькевич А.А. Островский Б.А. Основы избирательной системы и избирательного процесса в Российской Федерации: Учебное пособие. – СПб.: ГУАП, 2008. – 168 с.
179. Скачков А.С. Субъектность человечества: постановка проблемы морфогенеза. – Омск, 2008.
180. Скворцов Л.В. Субъект истории и социальное самосознание. – М., 1983.
181. Слабоднюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrucken, Deutschland: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 360 с.
182. Смит А. Богатство народов. – М., 1962.
183. Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. МГИМО (У) Мид РФ. – М., 2005.
184. Соловьев А.И. Политология. Политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект Пресс. 2005.
185. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: РХГИ, 2000.
186. Степашин С.В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы): Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1994. – 240 с
187. Степашин С.В. Общественный аудит: может ли общество контролировать расходы бюрократии? / Ин-т социально-политич. исслед. РАН; Госуд. науч.-исслед. ин-т системного анализа Счетной палаты РФ. – М.: Наука, 2013. – 343 с. – (Экономика и социология знания).
188. Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 416 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
189. Сыромятников И.В. Профессионализм, субъектность и самоопределение специалиста: концептуальные подходы к определению и развитию. / И.В. Сыромятников, И.Г. Ожерельева, Э. В. Репин. – М., 2009.
190. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. – М., 2000.
191. Теоретические прикладные проблемы деятельности правоохранительных органов в современных условиях: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том выпуск 13 часть 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 2000.
192. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, дополненное, переработанное. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010.
193. Теория и практика нормативно-правового регулирования лоббизма (российский и зарубежный опыт): Монография / Под ред. С.А. Комаров. – СПб.: Юридический институт, 2015. – 384 с.
194. Тихомирова И.В. Политический риск // Общая и прикладная политология. – М., 1997.

195. Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1994.
196. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М., 1998.
197. Управление публичной политикой: Коллективная монография / Под ред. Сморгунова Л.В.; Сморгунов Л.В., Елисеев С.М., Соловьев А.И., Баранов Н.А., Морозова Е.В., Курочкин А.В., Парфенова Ю.В., Мирошниченко И.В., Ветренко И.А., Дубицкий В.В., Рябченко Н.А., Гнедаш А.А., Ирхин Ю.В., Джереми Л., Гуринская А.Л., Грибанова Г.И., Бурикова И.С., Тимофеева Л.Н., Вульфович Р.М., Абрамов В.В. и др. – М.: Аспект-Пресс, 2015. – 320 с.
198. Управление риском в рыночной экономике / В.Н. Вяткин, В.А. Гамза, Ю.Ю. Екатеринославский, Дж. Хэмптон. – М., 2002.
199. Федотов Г. Судьба и грехи России. Т. 2. – СПб., 1992.
200. Федякин И.В. Государственное телевидение, как инструмент государственной информационной политики: политологический анализ российского и зарубежного опыта. – М.: МГУ, 2009.
201. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века: Монография. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2013. – 600 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»).
202. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М., 1977.
203. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1995.
204. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации (теория и практика). – М.: Институт государства и права РАН, 1997.
205. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной Конституции. – М.: Норма, 2007. – 320 с.
206. Чагин Г.В., Кубарев А.Г. Чагины. 600 лет на службе России. – М.: Буки-Веди, 2015. – 240 с.
207. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
208. Черных А.И. Мир современных медиа. – М., 2007.
209. Российский статистический ежегодник. – М., 2015.
210. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 288 с.
211. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М.: Информационно-методический центр Главного управления кадров МВД России, 2004. – 95 с.
212. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М., 2001.
213. Шафиров В.М. Обеспечение права: человекоцентристский подход: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2005. – 228 с.
214. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
215. Шемелин А.В. Выборы в России: в поисках ценностей (1993-1999): Монография. – М., Юрист, 2008. – 134 с.
216. Шемелин А.В. Институт выборов в политической системе России: Монография. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 255 с.
217. Шемелин А.В. Социально-экономические факторы и политический выбор граждан РФ в период становления избирательной системы современной России: Монография. – М., Юрист, 2006. – 104 с.
218. Шлезингер А. Циклы американской истории. – М., 1992.
219. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996.

220. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М., 2007.
221. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс. 1999.
222. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
223. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 1 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 608 с.
224. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 2 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Федоров А.В., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 640 с.
225. Юридическая конфликтология: Монография / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: 1995. – 316 с.
226. Яковенко И.Г. Политическая субъектность масс: культурологический аспект политической жизни в России. – М., 2009.

3. Научные статьи

227. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. – 2012. – 13 февраля
228. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32.
229. Алексеева Т.А. «Публичное» и «частное»: где границы политического? // Философские науки. – 2005. – № 4.
230. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
231. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
232. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
233. Алиев Я.Л., Сальников П.П., Реуф В.М. Правовая идеология в контексте кумулятивной и прогностической функций традиций полиции // Правовое поле

- современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 21-33.
234. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности. Вступительная статья // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетей, 1999. – С. 8-25.
235. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – философия бытия, веры и нравственности // Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетей, 1997. – С. 8-25. – в кн. 399 с.
236. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
237. Ананских И.А., Труфанов А.Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130.
238. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
239. Анохин М. Госслужба нового века: по страницам диссертационных исследований, защищенных в РАГС / М. Анохин, М. Павлютенкова // Государственная служба. – 2001. – № 3 (13).
240. Апресова Н.Г. Риск в предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». – 2012. – № 2. – С. 29-35.
241. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шагапсов З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
242. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34.
243. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Человек, общество и государство: аксиологическая оценка и идеологические основы охранительных правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 129-137.
244. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
245. Бади Б., Бирнбаум П. Переосмысление социологии государства // Международный журнал социальных наук. – 1994. – № 4 (7).
246. Байжуминов С.Н. Основы правовой идеологии в России: проблемы формирования в современных условиях // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 190-196.
247. Баранов В.М., Листков А.Н., Сальников В.П. Право. Справедливость. Законность: Рецензия на монографию Блумштейна Ю.Д. «Уголовное право и социальная справедливость» (Минск, 1987) // Методологические основы политико-воспитательной работы в органах внутренних дел: Сб. науч. труд. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1990. – С. 150-156.

248. Баранов В.М., Худойкина Т.Р. Теория юридического конфликта: философские и социологические аспекты // Юрист-правовед. – 2000. – № 1. – С. 22-28.
249. Барботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М. Тотальная идеология против тоталитарного государства // Вопросы философии. – 2000. – № 11. – С. 12-27.
250. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Влияние религиозно-нравственных ценностей на формирование правосознания современного юриста // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 4-2 (33). – С. 86-89.
251. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Федюшкина А.И. Религиозное право и личная жизнь человека в западной и восточной традициях (на примере канонического права католической церкви и индуистских дхармашастр) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1(29). – С. 40-43.
252. Безносова Я.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Нетрадиционные религии в России и их роль в межконфессиональном диалоге (историко-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10(77). – С. 95-97.
253. Биктасов О.К. Идея справедливости: к истории ее происхождения и развития // Правоохранительная деятельность и правовое государство. Вып. 3. – СПб., 1994. – С. 31-36.
254. Бондарев А.С. Правовой нигилизм – форма правовой антикультуры личности // Вестник Пермского ун-та. – Серия: Юридические науки. Вып.2. – Пермь. – 2001.
255. Бондарь Н.С. Конституционное правосудие как фактор формирования политической многопартийности // Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. – 2009. – № 2(44).
256. Бородина С.В., Шемелин А.В. Типология электорального поведения на выборах в органы государственной власти в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 4. – С. 166-170.
257. Бутенко А.П., Кочеткова Л.И. Идеология в России: проблемы и перспективы // Социально-политический журнал. – 1998. – № 14. – С. 33.
258. Васечко Л.А. Взаимосвязь права и политики в условиях глобализации // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 73-78.
259. Вебер М. Социализм // Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки. – 1991. – № 2. – С. 58.
260. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
261. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
262. Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125.
263. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
264. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория

- и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
265. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
266. Галкин А.А. Суперэтнизм – как глобальная проблема // Свободная мысль. – 1994. – № 5.
267. Гельман В.Я. Возвращение Левиафана. Политика децентрализации в современной России // Политические исследования. – 2006. – № 2. – С. 90-107.
268. Гирц К. Идеология как культурная система // НЛЮ. – 1998. – № 29. – С. 7-8.
269. Головин Ю.А. Защита политической системы Российской Федерации: теоретические и прикладные аспекты проблемы // Национальная безопасность / nota bene. – 2012. – № 3. – С. 37-45.
270. Головин Ю.А., Дан-Чин-Ю Е.Ю. Конфликтное взаимодействие региональных и муниципальных органов власти (российский опыт) // Конфликтология. – 2015. – Т. 1. – С. 105-125.
271. Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – № 2. – С. 195-198.
272. Горшкова О. Справедливость сильнее закона // Ваш тайный советник. – 2008. – № 23(301).
273. Григорьев С.И., Фролов А.С. Спасение научного социогуманитарного знания? Или его постмодернистская кончина? // Постмодерн в современном социогуманитарном знании: закономерное развитие или манипуляция сознанием? (Навстречу всероссийскому круглому столу «Постмодернизм в современной науке и практике». РГСУ): Материалы / Под общ. ред. С.И. Григорьева. – М., 2009.
274. Дашин А.В., Сальников М.В., Клименко О.А. Обычное право в правовой системе традиционного общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 42-58.
275. Домбровский В.В., Шелепова М.А. Правовой нигилизм и некоторые вопросы правосознания личности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 191-199.
276. Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 6.
277. Ерофеев К.Б., Сальников М.В. Древняя Русь и правовые идеалы славянских язычников // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 52-66.
278. Жданов П.С., Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28-35.
279. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
280. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
281. Жуков В.Н. Право как ценность // Государство и право. – 2010. – № 1.
282. Задорожнюк И.Е., Зазуляк А.В. Феномен риска и его современные экономико-психологические интерпретации // Психологический журнал. – 1994. – № 2.
283. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. –

- С. 146-152.
284. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
285. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179.
286. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 113-121.
287. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
288. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
289. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
290. Захарцев С.И., Сальников В.П. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 172-180.
291. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
292. Зоиров Д.М. Граф Алексей Алексеевич Бобринский и его произведение «Орнамент горных таджиков Дарваза» // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 11-21.
293. Зоиров Д.М. Истоки формирования этнической государственности в Средней Азии и Закавказье // История государства и права. – 2004. – № 1. – С. 46-49.
294. Зоиров Д.М., Колоколыцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 111-117.
295. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
296. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
297. Золотухин А.В. Предпринимательский риск как экономическая и правовая категория: сравнительный аспект // Бизнес, менеджмент и право. – 2015. – № 1. – С. 40-44.
298. Зорькин В.Д. Право силы и сила права. Лекция для участников V Международного юридического форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г.// <https://rg.ru/2015/05/28/zorkin-site.html>.
299. Зубков В.И. Риск как предмет социологического анализа // Социологические исследования. – 1999. – № 4.
300. Исаева Е.А. Однополюсные пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.

301. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
302. Исагилов Р.Ф. Кадры, интеллектуальная атмосфера, малый и средний бизнес: актуальные проблемы современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 74-81.
303. Исагилов Р.Ф. Состояние и самочувствие малого и среднего бизнеса – вопрос национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 97-102.
304. Исагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129.
305. Исагилов Р.Ф., Сальников В.П., Числов А.И. Современные интеграционные процессы и роль государства и права в мировом сообществе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 193-197.
306. Исагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
307. Кальной И.И. Правовой нигилизм и его основания // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4(1). – С. 60-66.
308. Карапетян Л.М. Государственно-национальные конфликты и политико-правовые основы их развития // Социально-политический журнал. – 1996. – № 6. – С. 72-85.
309. Карташова Н.В. Особенности конфликтов в деятельности милиции (полиции) // Общество, право, полиция: Материалы межвузовской научно-практической конференции. 23-24 мая 1996 г. Ч. 2. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1996. – С. 47-49.
310. Карташова Н.В. Предупреждение конфликтов и ограничений прав личности // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву: Сборник научных трудов. Ч. I. – Н. Новгород, 1998. – С. 231-233.
311. Карташова Н.В. Специфика конфликта в профессиональной юридической деятельности // Права человека и статус правоохранительных органов: Материалы международного симпозиума (3-4 марта 1994 г.). Ч. I. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1995. – С. 159-162.
312. Керимова Т.В. Риск в жизни современного человека // История и личность. Труды СГУ. – 2001. – Вып. 30.
313. Козырев Г.И. Конфликтология. Социальный конфликт в общественной жизни // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 1. – С 103-121.
314. Кондрат Е.Н. Глобализация: понятие, сущность и основные процессы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 97-109.
315. Кондрат Е.Н. Мировая финансовая система в условиях глобализации: современные проблемы функционирования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 132-136.
316. Кондрат Е.Н. Транснациональная организованная преступность и теневая экономика: некоторые общие проблемы взаимосвязи // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 128-135.
317. Константинова Л.В., Константинов С.А. Социальная справедливость в российском интерьере // Власть. – 2012. – № 5.

318. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Бюллетень нотариальной практики. – 2009. – № 3. С. – 2-13.
319. Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников; автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999. – С.5-7.
320. Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиции // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 634-637.
321. Косолапов Н. Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости // Pro et Contra. – 2003. – Том 8. – № 2. – С. 18-31.
322. Крушельницкий М.А. Ганс Кельзен: диалог позитивизма и естественно-правовой теории // Юридическая мысль. – 2015. – № 3(89). – С. 31-34.
323. Крючков Р.А. Подходы к определению риска в современном праве // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 154-163.
324. Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 9-14.
325. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 4. – С. 75-80.
326. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
327. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114.
328. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социальности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 4(90). – С. 42-47.
329. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юрид. лит., 1974. – 184 с.
330. Лазарев В.В. Пробелы в праве: вопросы понятия пробелов и критика теории беспробельности права. – Казань: КазГУ, 1969. – 95 с.
331. Лапаева В.В. Социально-политические конфликты и право // Драма российского закона. – 1996. – С. 88-105.
332. Лебедев К.Н. Кризисы политического развития: Трагедия безысходности или шанс на обновление? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия. История. Политология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 60-65.
333. Лебедев К.Н. Кризисы политического развития: особенности их протекания и преодоления в современной Российской Федерации // Материалы II Всероссийского форума с международным участием «Политология – XXI век. Политический процесс в российских регионах: эволюция институтов власти и общественно-политических структур». – Москва: МГУ, 2013. – С. 87-91.
334. Лекция министра юстиции Российской Федерации А.В. Коновалова. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной

- Думы, 2013. – С. 63-64.
335. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 33.
336. Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С.М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 147-173. С. 160.
337. Лоббизм в федеральном парламенте России // Парламентское право России: Учебник / Под общ. ред. О.Н. Булакова. – М.: Эксмо, 2006. – С. 421-475.
338. Луковская Д.И., Дунаева Н.В. На пути к Судебным уставам 20 ноября 1864 года: документальные свидетельства разработки государственными органами Российской Империи реформы судоустройства и судопроизводства в 1857 – 1862 гг.: Вступительная статья // Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – С. 8-16.
339. Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилиус Падуанский // Марсилиус Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и Ко, 2014. – С. 11-63.
340. Маковский А.Л. О концепции первой части Гражданского кодекса // Вестник ВАС РФ. – 1995. – № 4. – С. 86.
341. Максимов С.И. Онтологическая природа права // Проблеми законності, Харків: НЮАУ, 2001. – 2001. – № 48. – С. 175-184.
342. Малашенко А. Религия как политический инструмент используемый и властью, и оппозицией // Независимая газета. – 2010. – 7 декабря.
343. Мамедов С.К. Проявления сепаратизма и международное право // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 119-122.
344. Мамсуров Т.Д. Национальный вопрос и безопасность России // Безопасность Евразии. – 2001. – № 3.
345. Мартынов В. Падение публичной политики в России // Свободная мысль. – 2006. – № 5. – С. 5-18.
346. Масленников Д.В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 167-172.
347. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. – 2015. – № 6. – С. 42-47.
348. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Общая теория государства и права. В 3 т. Т 3. / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2001. – С. 327-356.
349. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 3-16.
350. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как явления российского политического менталитета // Право и жизнь. – 2002. – № 47. – С. 5-38.
351. Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Правовая культура. – 2012. – № 1(12).
352. Матузов Н.И. Юридические обязанности личности // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997. С. 305-310.
353. Мельвиль А. Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и

- процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998. – № 2. – С. 12.
354. Мигунова Т.Л., Романовская Л.Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3-2. – С. 147-150.
355. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157.
356. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
357. Морозова Л.А. Конфликт закона и правовая реформа («Круглый стол» в ИГП РАН) // Государство и право. – 1997. – № 12. – С. 5-26.
358. Мурсалимов К.Р. Роль государства в процессе глобализации мирового сообщества // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 55-59.
359. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
360. Назарова Н.Л., Сальников С.П., Лисинская И.Е. Институт аналогии в современном праве России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 51-57.
361. Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
362. Никодимов И.Ю. Место и роль средств массовой информации в механизме реализации информационно-коммуникативной функции государства // Инновации и инвестиции. – 2014. – № 8. – С. 148-150.
363. Новиков В.А. Пенсионное обеспечение и социальная справедливость (на примере РФ) // Вестн. междунар. ин-та менеджмента ЛИНК. – 2012. – № 28. – С. 178-185.
364. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
365. Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110.
366. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Церковь и народ на путях духовного возрождения // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 3.
367. Пивцаев Е.И. Правовые риски при инвестировании в строительство таунхаусов // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 70-74.
368. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1996. – С. 52-58.
369. Развитие философии права в Новое время (Гуго Гроций, Гоббс, Локк, Спиноза, Пуфендорф, Томазий, Лейбниц, Монтескье, Руссо) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, Д.В. Масленников, Л.А. Чеговадзе, В.П. Сальников, А.П. Альбов. Глава II // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы:

- А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 78-157.
370. Рахимзода Р.Х. Министерство внутренних дел Республики Таджикистан как правоохранительный орган // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 110-117.
371. Рахимзода Р.Х. Судебная система, прокуратура, органы национальной безопасности, министерство юстиции Республики Таджикистан и правоохранительная деятельность государства // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 110-117.
372. Рахимзода Р.Х. Правоохранительная система Республики Таджикистан: понятие и общая характеристика // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 172-183.
373. Рахимзода Р.Х. Таможенные и налоговые органы, Национальная гвардия, Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан в контексте правоохранительной деятельности // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 196-204.
374. Рахимов Р.А. Хабибуллин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 52-59
375. Реуф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 3. – С. 89-95.
376. Роженцев С.В., Числов А.И. Интересы субъектов малого и среднего предпринимательства: механизм правовой охраны // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 82-93.
377. Роженцев С.В., Числов А.И. Органы местного самоуправления и интересы малого и среднего бизнеса: проблемы юридической ответственности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 104-119.
378. Роженцев С.В., Числов А.И. Проблемы правовой охраны малого и среднего бизнеса: некоторые итоги размышления // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 98-108.
379. Роженцев С.В., Числов А.И. Субъекты малого и среднего бизнеса, их интересы и правовая охрана // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 81-94.
380. Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6. – С. 164-168.
381. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
382. Романовская В.Б. Русское правосознание: исторические особенности // Общество, право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996.
383. Романовская В.Б., Жданов П.С. Общественный идеал в русской религиозной философии права (конец XIX – начало XX века) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 162-172.
384. Романовская В.Б., Крымов А.В. Всеединство, право и идеал свободной теократии В.С. Соловьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и

- практики. – 2011. – № 4.
385. Романовская В.Б., Леснова Н.И. Особенности системы источников права в правовой культуре России XVIII века // История государства и права. – 2007. – № 6.
386. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 6. – С. 187-198.
387. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
388. Романовская В.Б., Сальников В.П., Цыганов В.И. Религиозно-правовая проблематика в учебном процессе: кому это нужно? // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 80-89.
389. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
390. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
391. Ромашов Р.А. Правовая культура и правовой нигилизм молодежи // Правовые и экономические аспекты молодежной политики: Матер. Междун. науч.-прак. конф., г. Санкт-Петербург, 29 апреля 2009 г. / Под общ. ред. Т.И. Козловой; Институт правоождения и предпринимательства, Межрегиональная обществ. организация юристов и предпринимателей «ФОРУМ». – СПб.: ИПП, 2009. С. 48-53.
392. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8.
393. Ромашов Р.А. Правовые доктрины и доктринальные правовые акты // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 19-24.
394. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 2-8.
395. Русская религиозно-нравственная философия права (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Яценко, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава V // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 403-633.
396. Русских А.Ю. Предпринимательский климат в России: современные проблемы малого и среднего бизнеса // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 92-98.
397. Рывкина Р.В. Формирование новых экономических классов в России // Социологический журнал. – 1994. – № 4. – С. 37.
398. Рябченко Н.Г. Концепция возрожденного естественного права: место и роль в политико-правовой науке Германии // История государства и права. – 2002. – № 3. – С. 47-48.
399. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания //

- Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
400. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
401. Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. – № 2(8). – С. 16-18.
402. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
403. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
404. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
405. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
406. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Понятие риска в философско-правовом измерении в период Нового и Новейшего времени // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 174-184.
407. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в экономике, в праве и социальной жизни: научные подходы к пониманию // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 203-211.
408. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Рок, риск, право и экономика: начало истории отношений // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11.
409. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
410. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
411. Сальников В.П., Романовская В.Б. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
412. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
413. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 20-32.
414. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
415. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
416. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46.
417. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода пост-

- модерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
418. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11.
419. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
420. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
421. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Пужаев В.В. Правовая природа государственного иммунитета // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 36-44.
422. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
423. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
424. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
425. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32.
426. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
427. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
428. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.
429. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
430. Сальников М.В. Развитие русской общественной мысли конца XIV – начала XVI в. // История государства и права. – 2005. – № 1. – С. 49-50.
431. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
432. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
433. Сальников М.В., Румянцева В.Г. Догма права в концепции С.А. Муромцева // История государства и права. – 2004. – № 5. – С. 5-6.
434. Сальников М.В., Федюшкина А.И. Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). –

- С. 125-129.
435. Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1). – С. 107-108.
436. Сауляк О.П., Экимов А.И. Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.
437. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79-85.
438. Смирнов А.М. Институт кровной мести в контексте генезиса общества и государства // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 119-125.
439. Смирнов А.М. Феномен правового нигилизма в российском обществе и готовность граждан к внесудебным способам разрешения криминальных конфликтов // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 143-146.
440. Современная российская молодежь: от стихийной самоорганизации к целенаправленному формированию субъектности: Материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 27-29 марта 2007 г.) / Под ред. Л. Я. Дятченко. – Белгород, 2007.
441. Соловьев А.И. Культура власти российской элиты: Искушение конституционализмом // Полис. – 1999. – № 2. – С. 66–67.
442. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. – 2001. – № 2. – С. 10-12.
443. Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77.
444. Степанов В.В. Правовое регулирование несостоятельности в Германии, США, Англии, Франции и России // Актуальные вопросы гражданского права» / Под ред. М.И. Брагинского. – М., 1998. С. 161-228.
445. Степашин С.В. Коррупция – абсолютное зло в любой стране, а в стране, где высок процент бедных – зло в квадрате // Человек и труд. – 2007. – № 2. – С. 4-11.
446. Сурков В. Национализация будущего. Параграфы ПРО суверенную демократию // Эксперт. – 2006. – № 43 (537). – 20-26 ноября. С. 102.
447. Тихомиров Ю.А. Государственность: крах или воскрешение // Государство и право. – 1992. – № 9. – С. 11-19.
448. Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 24-32.
449. Тихомиров Ю.А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юридическая техника. Ежегодник. № 9. – Нижний Новгород, 2015. – С. 46-52.
450. Тихомиров Ю.А. О модернизации государства // Журнал российского права. – 2004. – № 4. – С. 3-16.

451. Тихомиров Ю.А. Субъекты советской политической системы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1981. – № 5. – С. 4.
452. Тихомиров Ю.А. Юридические конфликты: природа, виды, преодоление // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. – Вып. 6. – М., 1994. – С. 49-61.
453. Труханов В.А. Традиционные (легитимные) и нелегитимные субъекты политического процесса // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. № 2(1). 2008. С. 110.
454. Туманов В.А. О правовом нигилизме // Сов. государство и право. – 1989. – № 10. – С. 20-27.
455. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 52-58.
456. Фалаев М. Безопасность в режиме ОНЛАЙН // Российская газета. – 2010. – 16 декабря
457. Фан И.Б. Апатия вместо жажды: свобода и справедливость в жизни российского гражданина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2011. – Вып. 11. – С. 270-283 (Fan I.B. Apathy instead Thirst: Freedom and Justice in a Life of a Russian Citizen // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2011. Vol. 11. P. 270-283). С. 272.
458. Федюшкина А.И. Христиан Томазиус: новации юридического образования в Германии (конец XVII – начало XVIII вв.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2. – С. 245-248.
459. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.
460. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
461. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
462. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
463. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
464. Хачатуров Р.Л. Аналогия в праве // Вектор науки ТГУ. – 2009. – № 5(8).
465. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
466. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в праве // История государства и права. – 2014. – № 6. – С. 57-63.
467. Чечельницкий И.В. Справедливость и правотворчество // История государства и права. – 2014. – № 3. – С. 28-33.
468. Шемелин А.В. Мораль и нравственность в системе правовой регуляции избирательных прав граждан в России: политико-исторический аспект // Право и политика. – 2010. – № 2. – С. 291-297.
469. Шемелин А.В. Социально-демографический фактор в избирательном процессе в России: региональный аспект (на примере избирательных компаний 90-х годов) // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 9. –

- С. 23-28.
470. Шемелин А.В., Родионова А.К., Гонштейн В.Д. Концептуальные подходы к утверждению принципов демократии и реформирование избирательной системы в России // Мир политики и социологии. – 2011. – № 3. – С. 4-13.
471. Шергина М.Н. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 28-31.
472. Эбзеев Б.С. Глобализация и современный конституционализм: два вектора развития // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 7-16.
473. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
474. Яковлев В.Ф. О правовом обеспечении экономического развития // Журнал российского права. – 1997. – № 9. – С. 22.

4. Диссертации и авторефераты

475. Авдийский В.И. Механизм легитимации государственной власти (историко-теоретическое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2002.
476. Артамонова Г.К. Человек и система государственного управления (теоретический и организационно-правовой аспект): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2007. – 46 с.
477. Бакусева М.Б. Телевидение как фактор формирования социальных настроений в российском обществе: Дис. ... канд. филолог. наук. – М., 2006.
478. Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
479. Верховодов Е.В. Генезис теории естественного права в Западной Европе: Дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2001.
480. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. ... докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
481. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
482. Елисеев С.М. Легитимность власти: источники, структура и динамика развития в посткоммунистическом обществе: Дис. ... докт. полит. наук. – СПб, 1997.
483. Зудин Д.И. Влияние телевидения на национальную безопасность России в информационной сфере: Дис. ... канд. социол. наук. – Нижний Новгород, 2006.
484. Исмагилов Р.Ф. Экономическая организованная преступность (теоретико-криминологический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1997. – 22 с.
485. Колядин А.М. Региональное политическое лидерство в условиях трансформации политических режимов: на опыте России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2004.
486. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России (Сущность и социально-правовой механизм формирования): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Л., 1990.

487. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
488. Мамонов В.В. Конституционные основы национальной безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2005.
489. Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – 260 с.
490. Ревнов Б.А. Классический позитивизм и нормативизм Ганса Кельзена: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.
491. Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его значение для позитивного права России в конце XIX и начале XX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – 36 с.
492. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
493. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – 210 с.
494. Сальников В.П. Правовая культура и поведение советских граждан: Вопросы теории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1980.
495. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Л., 1990.
496. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.
497. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
498. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
499. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
500. Федоров В.П. Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1996. – 55 с.
501. Фомина Л.А. Аналогия закона и аналогия права в системе способов преодоления пробелов гражданского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
502. Хабибулин А.Г. Теоретико-методологические проблемы типологии государства: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1997.
503. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
504. Шемелин А.В. Избирательное право как политико-нормативная основа моделирования электорального поведения российских избирателей: Дис. ... докт. полит. наук. – Чита, 2011.
505. Шиндяпина Е.Д. Аналогия права в правоприменении: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
506. Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 47 с.

5. Электронные ресурсы

507. Администрация Президента // Президент России [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://state.kremlin.ru/administration/division>.
508. Выступление губернатора Ростовской области В.Ю. Голубева на заседании президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kremlin.ru.
509. Кому принадлежат россиянки СМИ [Электронный ресурс]. 2009. 7 янв. Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/sokol_14/post93393616
510. Патриарх Кирилл: «Церковь не выступает против свободы слова» // Слово Патриарха Кирилла на заседании высшего церковного совета 12.10.2012 года (точка доступа: http://actualcomment.ru/patriarkh_kirill_tserkov_ne_vystupaet_protiv_svobody_slova.html (дата обращения: 24.04.2015 года).
511. Проблема внедрения экстремистской идеологии в России постоянно в поле зрения спецслужб и других ведомств. URL: <http://www.ng.ru> (проверено 20 апреля 2013 г.).
512. Проект доклада Совета по национальной стратегии о «стратегическом императиве» развития России «Национальная стратегия и повестка дня второго срока президента Владимира Путина» // <http://osada.sova-center.ru/archive>
513. Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день памяти мученицы Татианы после Литургии в Храме Христа Спасителя г. Москвы (точка доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3958136.html>).
514. Совещание Президента РФ Д.А. Медведева о дополнительных мерах по обеспечению правопорядка [Электронный ресурс]. – Рязань, 2010. – Режим доступа: www.kremlin.ru
515. Соловьев А.И. Принятие государственных решений // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: www.vshu.ru/files/ec0ba.doc.
516. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». <http://base.garant.ru/71296054/>
517. Устройство власти // Коммерсант [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.kommersant.ru/pda/power.html?id=2164210>.
518. Хартман Ф. 10 тезисов к дискуссии о возможностях теории медий в эпоху информационного общества // <http://www.gnosis.ru/media/hartus.html>
519. Экспертиза // Общественная палата Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.oprf.ru/1449/1537/>.

Научное издание

Андрей Михайлович Колядин,
кандидат политических наук

**СУБЪЕКТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО
КЛАССА И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ
ЗНАЧИМОСТЬ**

Монография

Под общей редакцией

Виктора Петровича Сальникова,
доктора юридических наук, профессора,
Заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
Почетного работника высшего профессионального образования
Российской Федерации

Главный редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор, верстка Д.А. Ларин

Выход в свет 31.12.2015 г. Формат 60x84 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 12,0 п.л. Тираж 2000 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета автора. Заказ № ....

Фонд поддержки науки и образования в области
правоохранительной деятельности «Университет»
Санкт-Петербург, 198261, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
Тел. (812)755-56-58, 970-00-25 E-mail: fonduniver@bk.ru www.fonduniver.ru